Б49 6/104

Б49 6/104
Б 49 6 ПУ
1892 1 3
2438

ФЕЛИКСЪ ВЕСОЛОВСКІЙ.

РУССКО-ПОЛЬСКІЙ СОЮЗЪ

СЪ ИСТОРИЧЕСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ

ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

РУССКО-ПОЛЬСКІЙ СОЮЗЪ.

Б 49 6/10

ФЕЛИКСЪ ВЕСОЛОВСКІЙ.

РУССКО-ПОЛЬСКІЙ СОЮЗЪ

СЪ ИСТОРИЧЕСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

2437

«Сегодняшній врагъ можетъ завтра сдѣлаться нашимъ другомъ.»

Старинная поговорка.

Право перевода сохраняется за авторомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1890.

ГОСУД. РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
№ 17443
6-XII-1929

СЛАВЯНСКОМУ МІРУ

посвящаетъ

авторъ.

СЛОВО ОТЪ АВТОРА.

Мы долго и старательно составляли и пополняли настоящій нашъ не легкій историческо-политическій трудъ, и окончивъ свою работу едва въ декабрѣ 1889 года, передали для печатанія въ мартѣ текущаго года, въ самый рѣшительный моментъ трескучаго и громогласнаго паденія князя Бисмарка.

Князь Отто фонъ-Бисмаркъ—это безспорно величайшій политическій геній XIX-го вѣка, ставшій въ исторіи неизмѣримо выше Наполеона I-го, а потому неудивительно, что внезапное паденіе такого грандіознаго колосса составляетъ, если не міровое, то, по крайней мѣрѣ, громадное европейское событіе. «*Желѣзный канцлеръ*» былъ могучимъ атлетомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; онъ былъ силою Европы, самовластнымъ правителемъ объединенной имъ Германіи, верховнымъ судьею и рѣшителемъ всѣхъ важнѣйшихъ и современныхъ ему международныхъ дѣлъ и вопросовъ, создателемъ въ Европѣ циническаго и узкаго «*національнаго эгоизма*», проповѣдникомъ грозной политики «*крови и желѣза*», поклонникомъ «*слѣпой стихійной силы*»,

творцомъ своеобразнаго «*вооруженнаго мира*», явнымъ врагомъ Франціи и Даніи, коварнымъ врагомъ Россіи и цѣлаго славянства, врагомъ права, правды и справедливости; словомъ, это былъ необыкновенный и феноменальный государственный человѣкъ, воплотившій въ своей гигантской, желѣзной натурѣ, всю сумму свирѣпыхъ и алчныхъ инстинктовъ цѣлой тевтонской расы... Сказалъ-ли князь Бисмаркъ германскому міру свое послѣднее политическое слово?— это пока закрытый вопросъ... Дай Богъ, чтобы съ паденіемъ этого современнаго апостола «*грубой силы*», правившей долго судьбами европейскихъ царствъ и народовъ, воцарилась наконецъ между народами нравственная связь, а вслѣдъ за симъ, идея общехристіанскаго братства, какъ новое историческое начало новой, — давно желанной, — *эпохи мира!*

Дай Богъ, чтобы христіанскіе принципы руководили будущею внѣшнею и внутреннею европейскою политикою, для блага правителей и подвластныхъ имъ народовъ!

Эти принципы составляютъ главную суть нашей книги «*Русско-польскій союзъ*», — ея содержаніе и существо.

Опасаясь, со стороны берлинской критики, возможнаго упрека автору въ томъ, что онъ осуждаетъ тевтонскую политику князя Бисмарка послѣ его паденія, считаемъ долгомъ дополнить нашъ трудъ этимъ пояснительнымъ словомъ, безъ чего многое въ книгѣ показалось бы читателю неудобопонятнымъ.

Феликсъ Весоловскій.

23 апрѣля 1864 года, во время царскаго пріема и угощенія въ С.-Петербургской Городской Думѣ депутаціи польскихъ крестьянъ, Императоръ Александръ II провозгласилъ знаменательный тостъ: «За неразрывный союзъ Россіи съ Польшей!»

Слова русскаго публициста, призывающія къ русско-польскому соглашенію:

«Aux auteurs russes!»

... «Résolvez la question de la Pologne, de manière que les deux branches de la même race ne se baignent plus dans le sang l'une de l'autre et se donnent la main, avec respect et confiance.

... «Il n'y a pas de question que la discussion loyale ne puisse éclairer de ses lumières, — le sort de la Pologne mérite bien toute votre attention... Déchirez les annales sanglantes de triste memoire, oubliez le passé, ne songez qu'à l'avenir et qu'à l'honneur du nom russe».

I. G.

ГЛАВА I.

Начало и причины паденія Польши.

I. НАЧАЛО И ПРИЧИНЫ ПАДЕНІЯ ПОЛЬШИ.

Приступая къ не легкой задачѣ—начертанія проекта *русско-польскаго народнаго союза*, который бы облегчилъ двумъ народамъ одного славянскаго племени возможное *modus vivendi* въ настоящемъ и освѣтилъ дальнѣйшіе пути темнаго и загадочнаго будущаго, мы, по обязанности иниціатора проекта, должны слегка коснуться слѣдующихъ двухъ весьма важныхъ предметовъ, а именно:

1) новѣйшихъ историческихъ трудовъ по польскому вопросу въ русской публицистикѣ, исторіи и литературѣ, и

2) современной польской исторіографіи, объ эпохѣ паденія Рѣчи-Посполитой.

Политическая публицистика появилась въ Россіи очень недавно на нашей памяти. Въ русскихъ газетахъ, относительно старыхъ, не по времени изданія, а по ихъ содержанію, печатались только манифесты и указы. Польскій вопросъ былъ долгое время недоступенъ для свободнаго публицистическаго сужденія. Даже въ толстыхъ журналахъ политическіе сюжеты не печатались. Извѣстно, что стихотворенія Тютчева и Хомякова, а равно статьи Погодина, внушенныя событіями 1831 года, увидѣли свѣтъ въ печати только чрезъ тридцать лѣтъ.

Съ предоставленіемъ русскому народу извѣстной доли свободы слова, въ царствованіе великаго реформатора и обновителя Россіи, императора Александра II-го, русскіе

публицисты, а особенно славянофилы высказали свои собственные новые и оригинальные взгляды на историческія судьбы польскаго народа, взгляды до того времени неизвѣстные ни польской, ни западно-европейской исторіографіи.

По словамъ Костомарова, составляющимъ начало его „Послѣднихъ годовъ Рѣчи-Посполитой“ (С.-Петербургъ, 1886, изд. 3, I, 1.): „съ X-го вѣка обозначается соперничество и борьба двухъ славянскихъ народовъ—польскаго и русскаго. Это важнѣйшая сторона исторіи обоихъ народовъ“.

Въ XVI вѣкѣ, по Костомарову, образовалось два центра, около которыхъ стали собираться русскія земли: первый—въ Москвѣ, второй—польско-литовскій. Между этими центрами были войны и перемирія, но прочнаго мира не было никогда.

Московскіе цари постоянно добивались отъ Польши своей *„отчины“*, то-есть русскихъ земель, а при заключеніи между Москвою и Польшею *„вѣчнаго мира“*, родоначальникъ новой династіи на московскомъ престолѣ, потомокъ Рюрика изъ дома бояръ Романовыхъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ началъ титуловаться царемъ *„всея“* Руси, въ чемъ, по мнѣнію Костомарова, поляки того времени усматривали притязаніе на русскія земли Рѣчи Посполитой.

„Вѣковой вопросъ о русскихъ областяхъ, — говоритъ Костомаровъ, — казалось, могъ рѣшиться добровольнымъ соединеніемъ, но обстоятельства показали иначе“.

„Въ XVIII вѣкѣ, — говоритъ Костомаровъ, — затемнилась ясная и опредѣленная политика Россіи по отношенію къ Польшѣ“.

А. Н. Пыпинъ, въ весьма интересныхъ статьяхъ своихъ о малорусской и бѣлорусской этнографіи, упрекалъ русское общество въ непониманіи силы и значенія русскаго элемента въ земляхъ бывшей Рѣчи-Посполитой.

Погодинъ обвинялъ польскую шляхту, господствовавшую

въ русскихъ областяхъ въ томъ, что она не слилась и не соединилась съ туземцами.

Ю. Самаринъ, въ своемъ: „Современномъ объемѣ польскаго вопроса“, —говоритъ:— „изъ всѣхъ когда-либо занимавшихъ Европу вопросовъ, польскій—едва-ли не самый запутанный и сложный“. Ю. Самаринъ слагаетъ польскій вопросъ изъ трехъ отдѣльныхъ составныхъ частей: 1) Поляки, какъ народъ въ группѣ славянскихъ племенъ; 2) Польша, какъ самостоятельное государство, и 3) Польша или *полонизмъ*, какъ просвѣтительное начало и пропаганда Латинства въ средѣ славянскаго міра.

Творецъ славянской политики Россіи, Гильфердингъ, онъ же основатель общества славянофиловъ, рѣшаетъ вопросъ борьбы между русскими и поляками во II-мъ томѣ его „*Польскаго вопроса*“, такъ:

„Корень борьбы Россіи и Польши теряется въ глубинѣ вѣковъ. Зародышъ ея, можно сказать, существовалъ въ славянскомъ племени уже тогда, когда ни Россія, ни Польша не являлись на историческомъ поприщѣ и когда историческая жизнь сосредоточивалась въ другихъ славянскихъ народахъ, на юго-западѣ. Едва эти народы вступали въ кругъ исторической дѣятельности, передъ ними становился вопросъ: войдутъ ли они органически, всею своею духовною, общественною и политическою жизнью въ составъ старшаго, болѣе образованнаго римско-германскаго міра, или устоятъ на началахъ самостоятельнаго развитія... [1]) Жизнь славянскаго племени сосредоточилась преимущественно въ двухъ народахъ сѣверо-восточной равнины европейской—въ Польшѣ и Россіи... Польша, оставаясь славянскою, сдѣлалась вполнѣ членомъ латинско-германской семьи народовъ, единственною славянскою страною, вступившею въ эту семью всецѣло и свободно, не въ силу матеріальнаго завоеванія,

[1]) Собраніе сочиненій А. Гильфердинга. С.-Петербургъ, 1868, II, стр. 291 и слѣдующія. Статьи: „За что борются русскіе съ поляками?“—„Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“—„Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ“.

а добровольнымъ принятіемъ западно-европейскихъ стихій въ основу своей собственной славянской жизни... Между тѣмъ русская земля шла другимъ, несравненно болѣе медленнымъ и тяжелымъ путемъ развитія... Уже въ XIV вѣкѣ Польша представляла общество вполнѣ развитое, созрѣвшее подъ вліяніемъ запада, проникнутое всѣми началами его жизни. Дѣятельность ея должна обратиться на востокъ, на русскую землю... Ибо, коль скоро польскій народъ всецѣло отдался западно-европейской жизни, коль скоро тѣ идеи, которыя овладѣли западнымъ міромъ, идеи католицизма, рыцарства, латинской образованности, вошли въ плоть и кровь поляковъ и сдѣлались для нихъ высшимъ идеаломъ человѣчества,—то нести этотъ идеалъ, нести католицизмъ, рыцарство, латинскую образованность другимъ славянамъ, ихъ чуждавшимся, становилось священнымъ завѣтомъ польскаго народа...“ [2]).

„Когда, — продолжаетъ Гильфердингъ, — Польша въ XIV вѣкѣ кончила первый фазисъ своего развитія, фазисъ внутренняго, органическаго сліянія своего съ латино-германскою Европою и могла обратиться на русскій востокъ съ распространеніемъ воспринятыхъ ею началъ, невѣроятные успѣхи сопровождали первые шаги ея. Русская земля влеклась, такъ сказать, сама къ свѣту цивилизаціи, къ развитому общественному строю, съ которымъ выступала Польша. Но внутреннія, живыя, хотя безсознательныя славянскія начала не поддались стихіямъ польской жизни. Русская народность, особенно въ дѣлахъ вѣры, стала подымать голову противъ польскихъ началъ. Въ XVI вѣкѣ Польшѣ, по мнѣнію Гильфердинга, приходится уже полунасиліемъ упрочивать свое господство надъ русскимъ народомъ. Полунасиліемъ заставляетъ она литовско-русскія области окончательно соединиться съ нею въ одно государство (Люблинская унія 1569 года); полунасиліемъ заставляетъ она

---

[2]) Такъ это понимали и польскіе историки („*Bolesław Chrorbry*“. Szajnochy. str. 11). На Шайноху именно ссылается Гильфердингъ.

русскихъ людей подписать церковную унію съ Римомъ (Брестская унія 1596 года) и насильственно вводить унію".

„Наконецъ, — говоритъ Гильфердингъ, — полное торжество Польши надъ русско-славянскимъ міромъ кажется достигнутымъ: польское знамя водружено въ Москвѣ, вся восточная Русь должна подчиниться распространенію польской цивилизаціи. Но тутъ-то совершился великій историческій переломъ, рѣшившій судьбу славянскаго міра. Народъ восточной Руси не призналъ превосходства польской цивилизаціи и захотѣлъ остаться при своихъ началахъ жизни; настолько развилось уже въ русской землѣ сознаніе ея внутренней самобытности. Изгнаніе поляковъ изъ Московскаго царства было первымъ шагомъ въ этомъ новомъ историческомъ періодѣ: русская земля полагала въ себѣ предѣлъ распространенію польскихъ началъ. Возстаніе Малороссіи было вторымъ шагомъ: русская земля заявила потребность освободиться отъ нихъ и тамъ, гдѣ они уже водворились. Третьимъ шагомъ была реформа Петра I, которая имѣла въ русско-польскомъ вопросѣ то огромное значеніе, что она отняла у польскаго вліянія на Руси разумную цѣль, что она упразднила, такъ сказать, историческую задачу въ отношеніи къ русской землѣ. *Петръ былъ первый изъ русскихъ царей, который ни разу не воевалъ съ Польшею, и первый, который хозяйничалъ въ ней*, какъ скоро Россія овладѣла сама послѣднимъ орудіемъ ея прежняго обаянія—западною образованностью. Весь XVIII вѣкъ былъ эпохою разложенія государственнаго зданія старой Польши. Обширныя русскія области, которыя Польша въ XIV и XV вѣкахъ притянула къ себѣ своимъ тогдашнимъ нравственнымъ и общественнымъ перевѣсомъ надъ Русью, всѣ эти области (за исключеніемъ лишь Галиціи) возвратились въ составъ русскаго государства, опять-таки почти безъ насилія (ибо, если и было сопротивленіе, то лишь въ разныхъ мѣстахъ со стороны польской шляхты, а не со стороны туземнаго населенія)".

„Въ Польшѣ, — говоритъ Гильфердингъ, — существуетъ

собственно два народа: одинъ, жившій историческою жизнью, народъ шляхетскій, весь погруженный въ преданія прошлаго и представляющій очевидные признаки разлагающагося организма, и другой народъ, отдаляемый отъ перваго не только общественнымъ, но и бытовымъ характеромъ, народъ, который не знаетъ про бывшее величіе шляхетской республики; вся жизнь Польши прошла надъ нимъ, не коснувшись его духа, не внушивъ ему участія въ политической судьбѣ своего отечества, въ которомъ онъ ожилъ нѣсколько лишь тогда, когда оно перестало быть самостоятельнымъ государствомъ".

И. С. Аксаковъ, извѣстный славянофилъ и московскій публицистъ, такъ выражается о Польшѣ и о русско-польскихъ отношеніяхъ: „До половины XVI вѣка связь западной Россіи съ Польшей, *при господствовавшей въ Польшѣ вѣротерпимости*, казалась довольно искреннею и прочною. Неизвѣстно, на чьей бы еще сторонѣ оказался окончательный перевѣсъ, еслибы такъ-называемый „золотой вѣкъ" Сигизмунда не сталъ поворотною точкою въ польской исторіи. Во второй половинѣ XVI вѣка водворяются въ Польшѣ іезуиты: католическій фанатизмъ, неугомонное духовное властолюбіе сочетались съ властолюбіемъ политическимъ, и поляки ступили на ту наклонную плоскость, которая, рано или поздно, должна была привести ихъ къ погибели".

Въ другомъ мѣстѣ И. С. Аксаковъ говоритъ: „Существованіе Польши въ ея прежнемъ видѣ и устройствѣ, на основаніи началъ, выразившихся въ ея исторіи, было, по всѣмъ историческимъ вѣроятностямъ, уже долѣе невозможно; задорное, безпокойное сосѣдство Польши препятствовало свободному развитію Россіи и историческая Немезида отомстила Польшѣ всѣ неправды ея, совершенныя надъ русскимъ народомъ въ началѣ XVII вѣка. Все это, положимъ, и справедливо, но событія, сопровождавшія конецъ Польши, помѣшали ея политическому бытію умереть свободною смертью, обновили новою жизнью польскую національность и сооб-

щили ей ту нравственную силу, которую она проявляетъ и до сихъ поръ. По новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ оказывается несомнѣннымъ, что планъ, на основаніи котораго совершился раздѣлъ Польши, принадлежитъ изобрѣтательности Фридриха II, называемаго „*Великимъ*“, который умѣлъ въ то же время такъ искусно повести дѣло, *что осужденіе легло всею тяжестью на Россію*, менѣе всѣхъ неправую въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно всѣмъ, что Россія при раздѣлѣ Польши возвратила себѣ только древнія русскія области и взяла Литву, и что такъ-называемое Царство Польское досталось ей уже по рѣшенію вѣнскаго конгресса“.

Далѣе Аксаковъ говоритъ: „Если въ чемъ можно отыскать нашу вину, то развѣ въ томъ потворствѣ властолюбивымъ притязаніямъ нашихъ сосѣдей и *въ согласіи на подчиненіе свободнаго славянскаго племени иноземному владычеству*. Вообще говоря, Россія менѣе всѣхъ неправа въ раздѣлѣ и уничтоженіи Польши, но какъ сторона нравственная, тяжелѣе всѣхъ чувствуетъ то, что была неправою въ этомъ дѣлѣ (см. „Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова, Москва, 1886 года, т. III, стр. 9—10).

И. Я. Данилевскій въ своемъ сочиненіи „Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому“ (С.-Петербургъ, 1871 года), между прочимъ, говоритъ: „Россія не можетъ быть названа завоевательнымъ государствомъ, потому, что при раздѣлахъ Польши она возвратила себѣ только свое“. По Данилевскому: „убійство польской національности“— лежитъ на совѣсти Пруссіи и Австріи, а вовсе не Россіи, удовольствовавшейся своимъ достояніемъ, возвращеніе котораго не только составляло ея право, но и священную обязанность“.

Н. И. Страхова „Роковой вопросъ“ въ свое время надѣлалъ много шума въ русской публицистикѣ за 1863 г.

Для полноты отчета, упоминаемъ о „Собраніи статей по польскому вопросу“ М. Н. Каткова. Москва, 1887, II, а для дополненія отдѣла русской публицистики по поль-

скому вопросу, необходимо отмѣтить еще: „Чтеніе по исторіи западной Россіи“ или лекціи, которыя профессоръ Кояловичъ читалъ въ 1864 году въ Петербургѣ, „въ небольшомъ обществѣ лицъ высшаго круга, пожелавшихъ ознакомиться съ исторіей этой страны, гдѣ только усмирилась польская смута“.

Профессоръ Кояловичъ говоритъ въ своемъ чтеніи сряду XV-мъ, слѣдующее: „Исторія послѣднихъ временъ русско-польскаго государства состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ и непримиримыхъ исторій. Во-первыхъ, исторія верхняго слоя этого государства, исторія шляхетско-польская, тѣсно связанная своими элементами съ исторіею западной Европы и еще тѣснѣе съ дипломатіей сосѣднихъ государствъ,—другая засимъ исторія русско-польскаго государства—народная, западно-русская. На эту исторію писатели или вовсе не обращали вниманія, или видѣли въ ней лишь интригу русскаго правительства. Для нихъ она имѣетъ особенное значеніе“.

Одно изъ своихъ „Чтеній“ профессоръ Кояловичъ заключаетъ такъ: „Польша кончила свое старое существованіе. Самое имя Польши уничтожено. Надъ ней совершился историческій приговоръ, давно заявленный исторіей и давно требовавшій раздѣленія ея, какъ польско-русскаго государства на двѣ части: русскую и польскую. Это былъ неминуемый приговоръ. Но къ этому приговору, который могъ бы и не касаться политической жизни чисто польской части Польши, Пруссія прибавила свою давнюю страсть усиливаться западно-славянскими землями, а примѣру Пруссіи послѣдовала и Австрія, которая, какъ извѣстно, вся сложена изъ различныхъ кусочковъ и для которой все равно, какіе получаются кусочки чужой земли, лишь бы получались“.

Выдающіеся историческіе труды, касающіеся Польши и польскаго вопроса, слѣдующіе:

1) „Борьба за польскій престолъ въ 1733 году“. Исто-

рическая диссертація, составленная по архивнымъ источникамъ. Москва. 1862 года, профессора В. И. Герье.

2) „Исторія паденія Польши“, Сергѣя Соловьева. Москва. 1863 года.

3) „Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой“, Н. Костомарова. С.-Петербургъ. 1870 года.

4) „Гродненскій Сеймъ 1793 года“, Д. И. Иловайскаго или „Послѣдній сеймъ Рѣчи-Посполитой“, Москва. 1870 года.

5) „Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литва въ 1794 — 1797“. Михаила де-Пуле. С.-Петербургъ. 1871 года, и

6) „Паденіе Польши, въ исторической литературѣ“. Н. И. Карѣева. С.-Петербургъ. 1888 года.

Изъ этого краткаго перечня русскихъ публицистовъ и историковъ, разрабатывающихъ исторію паденія Польши и польскій вопросъ въ Россіи, мы видимъ, по годамъ изданій, что изслѣдованія этого рода явились въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій; но насколько эти труды полны и критически вѣрны, мы не беремся судить, предоставляя будущимъ труженикамъ науки сказать по этому свое послѣднее слово.

Заключая отдѣлъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ по польскому дѣлу, мы должны сказать нѣсколько словъ объ умершемъ въ 1885 году историческомъ писателѣ, Михаилѣ де-Пуле, печатавшемъ свои статьи въ русскихъ журналахъ и газетахъ весьма различныхъ направленій („Московскія Вѣдомости“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русь“ и другіе), въ которыхъ не могъ участвовать человѣкъ, заподозрѣнный въ полонофильствѣ, а между тѣмъ во взглядахъ де-Пуле слышался постоянно протестъ противъ разжиганія вражды къ полякамъ.

Де-Пуле въ 1867 году былъ въ Вильнѣ и участвовалъ вмѣстѣ съ Энгелемъ и Гомулицкимъ въ описаніи архива виленскаго генералъ-губернатора. Изъ источниковъ этого архива авторъ составилъ вышеописанный свой трудъ. „Ста-

ниславъ-Августъ Понятовскій", въ предисловіи, къ которому сказались впечатлѣнія виленской жизни въ шестидесятыхъ годахъ. Де-Пуле на страницѣ III предисловія протестуетъ противъ „цѣлой школы пишущей братіи, вклады которой въ русскую литературу едва ли принесутъ ей много чести"; именно, вслѣдствіе „идей и выходокъ" противъ поляковъ, которые притомъ „не издавали ни единаго звука".

Съ своей точки зрѣнія де-Пуле полемизировалъ съ Костомаровымъ и называлъ его болѣе „художникомъ по натурѣ", нежели критически строгимъ историкомъ. По мнѣнію де-Пуле, Костомаровъ увлекался не только предвзятой идеей, но даже фразами, — „порожденными недавно пережитою минутою, въ родѣ, *полонофильства* и *измѣны народнымъ началамъ*".

Старинныя русско-польскія отношенія де-Пуле освѣщаетъ слѣдующимъ образомъ: въ XIV вѣкѣ русская земля распадается на Восточную Русь—Московскую и на Западную—Литовскую, которыя начинаютъ обособляться: въ Восточной Руси дѣйствуютъ элементы изъ культурныхъ—византійскій, изъ варварскихъ—татарскій; въ Западной Руси, изъ варварскихъ — литовскій, изъ культурныхъ — польскій. „Поэтому, — говоритъ де-Пуле:—при родствѣ, симпатіяхъ и влеченіи одной Руси къ другой, появляются и антипатіи, отчужденія, „которыя со временемъ" даже крѣпнутъ и увеличиваются, не исключая конечно родства и сходства".

„Сила этихъ антипатій, — говоритъ де-Пуле, — у насъ недостаточно еще измѣрена, такъ какъ въ исторіи нашихъ племенныхъ отношеній мы, русскіе, все еще являемся романтиками и, обвиняя во враждѣ поляковъ, забываемъ о старинной, начавшейся гораздо прежде, враждѣ къ москалямъ, великоруссамъ, русскихъ-же, литовскихъ людей, мало и бѣло-руссовъ" [3]).

---

[3]) Иллюстраціею вѣрности взгляда де-Пуле, можетъ быть сочиненіе малороссійскаго геніальнаго поэта Тараса Шевченки „Катерына".

Далѣе, говоритъ де-Пуле: „Силу этой вражды (между Восточною и Западною Русью), легко примѣтить въ смутномъ времени, въ исторіи раскола“.

Между тѣмъ, московскій царь объявляетъ себя государемъ всея Руси — эта мысль дѣлается достояніемъ людей Московскаго государства, но не скоро проникаетъ въ Заднѣпровье и въ Бѣлоруссію. „Отпаденіе Малороссіи,—говоритъ де-Пуле, — было первымъ раздѣломъ Польши“. Въ XVIII столѣтіи „Польша не замѣтила, какъ старая ея соперница Москва преобразовалась во Всероссійскую Имперію“. Это преобразованіе рѣшило участь Польши.

О польскомъ національномъ характерѣ де-Пуле выражается такъ: „въ самомъ дѣлѣ, ничего не могло быть противоположнѣе элементовъ польскаго и русскаго, польскихъ и русскихъ учрежденій, польскаго и русскаго народнаго характера. Какъ русскій народъ и народность воспитались въ суровой школѣ государства и государственныхъ началъ, которыя имъ были дороги, потому что стоили неимовѣрныхъ жертвъ, доставшихся такою цѣною, какъ приниженіе, дѣтство, сиротство личности, — такъ и польскій національный характеръ образовался въ школѣ, гдѣ систематически проходилось искусство разложенія государственнаго организма“.

„Словомъ,—продолжаетъ де-Пуле, — русскіе и поляки, при близкомъ племенномъ родствѣ, не понимали другъ друга, какъ граждане, даже просто, какъ люди, другъ другу они должны были казаться, по меньшей мѣрѣ, странными. Но, съ другой стороны, польская гражданственность и образованность были гораздо старше и крѣпче русской; было время, и не малое, почти цѣлое столѣтіе (съ половины XVII вѣка), когда онѣ имѣли большой кредитъ въ Россіи;

Вотъ ея начало: „Кохайтыся чернобровы.—Да не зъ москалями.—Бо москали чужы люде, — Лыхо роблять зъ вамы. — Москаль любыть жартуючы,—Жартуючы—кыпе,—Пиде въ свою московщыну,—А дивчына згыне“!... Не смотря на эту обособленность, Малороссія предана Россіи и соединена съ нею граждански и политически.

цѣлая половина русскаго народа (малоруссы и бѣлоруссы) воспиталась подъ ихъ вліяніемъ; безъ реформы Петра, безъ вводимой имъ западной, нѣмецкой культуры, польская угрожала лечь и легла бы въ основу гражданственности Всероссійской Имперіи; но и затѣмъ, послѣ Петра, въ продолженіе всего прошлаго вѣка, польская гражданственность, даже шляхетность, ничего претящаго для насъ не имѣла, какъ все-таки сила, которую одолѣть намъ было нечѣмъ, какъ духъ, не умирающій съ разложеніемъ политическаго организма".

Одна изъ заслугъ де-Пуле, по мнѣнію профессора Карѣева, та, „что онъ изслѣдовалъ состояніе края, правда, наименѣе русскаго изъ присоединенныхъ отъ Польши (Литвы), который достался Россіи по третьему раздѣлу. Русскіе историки привыкли смотрѣть на русскія области, отошедшія отъ Рѣчи-Посполитой, какъ на нѣчто однородное, хотя Малороссія не походила на Бѣлоруссію, а Бѣлоруссія на Литву, обстоятельство, которое необходимо принимать „въ разсчетъ" каждому русскому историку, критически относящемуся къ дѣлу.

Приступая къ польской исторіографіи объ эпохѣ паденія Рѣчи-Посполитой, профессоръ Карѣевъ [4]) пальму первенства въ этомъ изслѣдованіи уступаетъ самимъ полякамъ, которые занимаются этимъ злополучнымъ для нихъ вопросомъ болѣе ста лѣтъ.

До 1880 года послѣднимъ словомъ польской исторической науки были труды профессоровъ краковскаго университета Шуйскаго и Бобржинскаго. Послѣ того вышли въ свѣтъ „Четырехлѣтній Сеймъ" ксендза Валерьяна Калинки и „Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Станислава-Августа" Ѳаддея Корзона.

По мнѣнію профессора Карѣева: „одна изъ особенностей современныхъ польскихъ историковъ въ сравненіи съ

---

[4]) „Паденіе Польши въ исторической литературѣ". С.-Петербургъ. 1888 года, стр. 289.

прежними заключается въ томъ, что они уже менѣе игнорируютъ историческіе труды, написанные не по польски, а это, понятное дѣло, не могло не отразиться выгоднымъ образомъ на новѣйшихъ польскихъ историческихъ работахъ: новые методы, новыя данныя, новые взгляды, съ какими современные польскіе историки, безъ различія школъ, знакомились у чужихъ писателей, должны были расширить умственный кругозоръ польскихъ историковъ и внести въ ихъ изслѣдованія болѣе научнаго духа. Прежніе историки, описывая послѣднія времена Рѣчи-Посполитой, были прежде всего патріотами, у которыхъ на первомъ планѣ всегда было чувство, настроеніе, тогда какъ теперешніе прежде всего хотятъ быть настоящими учеными, стремящимися къ объективной истинѣ. Объ этомъ говорятъ и сами историки; это отмѣчаютъ и ихъ критики".

Профессоръ А. Павинскій, въ своей рецензіи о сочиненіи Ѳ. Корзона: „Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Станислава-Августа" говоритъ: „вѣроятно, не такъ скоро выступитъ у насъ на арену историкъ, который отважился бы добиваться пальмовой вѣтви за цѣльный образъ Польши въ послѣдніе годы ея политическаго существованія. Не предрѣшая, однако, суда надъ будущностью попытокъ въ этомъ направленіи, приходится только отмѣтить, какъ явленіе, не лишенное высшаго значенія, то, что за подобное дѣло теперь принимаются, что въ первый разъ рѣшились приступить къ серьезному и научному разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ. Труднѣе всего начало. Но разъ вопросъ выступитъ на поле публичнаго обсужденія, постепенно будутъ являться все новыя и новыя попытки разрѣшенія этой историко-философской задачи. Одно поколѣніе за другимъ будетъ постоянно возвращаться къ этому вопросу и все глубже и глубже проникать своимъ взоромъ въ тайники тѣхъ судебъ, которыя приготовили государству политическую кончину, все яснѣе и яснѣе понимать долговременный процессъ разложенія и слабую завязь возрожденія. Хотя и

печальна, хотя и горька исторія паденія Польши, ничто не должно удерживать нашихъ историковъ отъ исканія и оглашенія истины".

Раньше Калинки и Корзона, Іосифъ Игнатій Крашевскій издалъ свое сочиненіе въ Познани 1873—1875 года, подъ заглавіемъ: „Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ", какъ „этюды по исторіи духа и нравовъ" (Polska w czasie trzech rozbiorów (1772—1799). Studya do historyi ducha i obyczajów. Poznań. 1873—1875).

Почтенный авторъ — писатель и публицистъ, но не историкъ, въ строгомъ, научномъ смыслѣ слова, а скорѣе собиратель только скромныхъ *этюдовъ*, І. И. Крашевскій, въ предисловіи своемъ къ этому труду, говоритъ такъ: „Эпоха трехъ раздѣловъ, многократно и разносторонне разрабатывалась немалымъ количествомъ писателей; за нее брались, какъ за любопытный предметъ, и всматривались въ нее съ разныхъ сторонъ. Даже чужеземцы, какъ Рюльеръ, Ферранъ, Раумеръ, Зибель, Смиттъ, Германъ, а недавно Бееръ, охотно брали время упадка и раздѣла Польши, какъ предметъ для своихъ работъ. Матеріалъ накопленъ и по сей день накопляется такой обильный, что его можно было бы назвать черезчуръ богатымъ, еслибы когда-нибудь историкъ могъ считать за бремя для себя обиліе данныхъ. Изъ новѣйшихъ писателей разрабатывали эпоху трехъ раздѣловъ Польши: Шмиттъ, Шуйскій, Вегнеръ, Моравскій и другіе. Если прибавить къ этому свѣтъ, который бросаютъ на эпоху мемуары Огинскаго, Нѣмцевича, Китовича, Выбицкаго, Килинскаго, Мощенскаго, Космовскаго, Заіончка и многихъ другихъ, то казалось бы, данный историческій моментъ долженъ былъ бы быть намъ достаточно извѣстнымъ и не требовать новаго изображенія. Этого однако нѣтъ. Все это, конечно, весьма цѣнный матеріалъ, подготовительная работа, а все-таки мы не имѣемъ еще полной картины времени, столь любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и нескоро будемъ ее имѣть. Съ каждою минутою отыскиваются новые матеріалы, свѣтъ увеличивается,

много прежнихъ приговоровъ о людяхъ и дѣлахъ рушится; эта исторія для насъ не можетъ назваться вполнѣ ясною и законченною. Однако и то, что добыто столѣтней работой, дозволяетъ представить нѣкоторый цѣльный очеркъ, сдѣланный безпристрастнымъ перомъ во имя истины и ради нашего поученія. Двоякимъ образомъ писали исторію этого времени,—какъ апологію погубленной Польши, или какъ страстную и злобную по отношеніи къ намъ защиту тѣхъ, которые хотѣли оправдаться въ совершенномъ ими насиліи, но полной, безпристрастной правды никто не хотѣлъ, или, вѣрнѣе,—не могъ написать. Дѣти, еще огорченныя, не хотѣли обвинять отцовъ; потомки виновниковъ, не хотѣли признаніемъ въ грѣхѣ порицать тѣхъ, отъ коихъ получили тяжкое наслѣдство сдѣланной несправедливости. Теперь, теперь мы нѣсколько поостыли, печальная эпоха уже достаточно отъ насъ отдалилась для того, чтобы мы могли обозрѣть ее, взятую въ цѣломъ,—и настолько мы созрѣли, что уже должны снести правду, хотя горькую и печальную". „Не вдаваясь, — говоритъ профессоръ Карѣевъ, — въ разсмотрѣніе всего богатаго содержанія трехъ томовъ Крашевскаго: „Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ", по внутренней, культурной и соціальной исторіи Польши въ эту эпоху, мы остановимся преимущественно на общихъ идеяхъ знаменитаго писателя, какъ на ясно имъ выраженныхъ, такъ и на тѣхъ, которыя, такъ сказать, извлекаются изъ книги самимъ читателемъ. Что касается до фактическаго содержанія, то къ нему долженъ будетъ обращаться всякій историкъ, занимающійся эпохою паденія Рѣчи-Посполитой: въ сочиненіи есть кое-что такое, что впервые въ немъ увидѣло свѣтъ. По словамъ Крашевскаго: „каждый матеріалъ дѣлается новымъ, когда его такъ или иначе сопоставляютъ и имъ пользуются".

Пальма первенства по разработкѣ эпохи паденія Польши до сихъ поръ принадлежитъ безспорно автору „Четырехлѣтняго Сейма", ксендзу Валерьяну Калинкѣ, умершему въ 1886 году и не окончившему своего громаднаго труда.

Авторъ вполнѣ закончилъ только пять книгъ, а для дальнѣйшихъ остались послѣ него большіе или меньшіе отрывки, фрагменты, помѣщавшіеся послѣ его смерти въ повременныхъ изданіяхъ.

Калинка началъ свою литературную дѣятельность съ идеями, не похожими на тѣ, которыя онъ развивалъ въ своихъ послѣднихъ историческихъ трудахъ; въ вопросахъ религіозныхъ и политическихъ онъ высказывалъ первоначально мысли, гораздо болѣе свободныя, нежели впослѣдствіи, и не удивительно, онъ сдѣлался монахомъ ордена Воскресенцевъ (Zmartwychwstanców), и занималъ въ орденѣ почетное мѣсто.

Начавъ заниматься исторіею Польши въ очень еще молодыхъ годахъ, онъ обратилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на XVII вѣкъ и сталъ на точку зрѣнія отношеній Польши къ Западу, но съ теченіемъ времени перешелъ и къ XVIII столѣтію, для исторіи коего въ Рѣчи-Посполитой онъ сдѣлалъ такъ много впослѣдствіи.

Калинка былъ приближеннымъ человѣкомъ къ князю Адаму Чарторыскому, коего библіотека и архивы были для Калинки открыты. Калинка имѣлъ доступъ въ отдѣленіе рукописей императорской библіотеки въ Парижѣ, откуда извлекалъ матеріалы для польской исторіи.

Исторія идей Калинки вкратцѣ разсказана въ брошюрѣ Владислава Смоленскаго, подъ заглавіемъ: „Stanowisko Waleryana Kalinki w historyografii polskiej, Warszawa. 1887“.

Цѣлью трудовъ Калинки было *отрезвленіе* націи, *поученіе* современниковъ и потомства.

Въ представленіи Калинки, послѣдній король польскій Станиславъ-Августъ и тарговичане перестаютъ быть единственными козлами отпущенія въ дѣлѣ несчастій Польши. „Не одинъ былъ виноватъ, — говоритъ историкъ, — виноватъ былъ весь народъ, и преимущественно правящій классъ, который завладѣлъ для себя всѣми достатками и выгодами, отвыкъ отъ труда, не могъ отдѣлаться отъ своей надменности, а съ нею и отъ легкомыслія, и для котораго сдѣла-

лось какъ бы политическимъ кодексомъ: подозрѣвать своихъ королей, предпочитать чужую власть, продаваться высшимъ, презирать низшихъ. Виновато и духовенство, насколько не дѣйствовало ни противъ одного изъ народныхъ недостатковъ и даже само раздѣляло каждый, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни"...

Это тонъ и сила политическихъ проповѣдей Петра Скарги, пророчившаго въ XVI вѣкѣ полякамъ — паденіе Польши и униженіе поляковъ [5]).

Несмотря на силу правды горькой и неудобоваримой, Калинку современники любили и уважали, что доказываетъ извѣстную степень политической зрѣлости поляковъ.

Справившись *à vol d'oiseau* съ русско-польскою исторіографіею по отношенію къ эпохѣ паденія Польши, мы ниже коснемся еще разъ этой эпохи, оппонируя профессору Карѣеву, а теперь приступаемъ къ нашему проекту русско-польскаго народнаго союза.

Непосредственная задача нашего труда заключается въ томъ, чтобы доказать не только неотложность въ настоящее время разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи, но и осуществимость этой исторической задачи въ границахъ законности и на почвѣ свободнаго почина. Въ послѣдней главѣ брошюры читатель найдетъ намѣченный

---

[5]) Публицисты польскіе XVI вѣка: Петръ Скарга, Шимонъ Старовольскій и Кржиштофъ Варшевицкій, предсказывали современникамъ паденіе Польши. Приводимъ здѣсь одно изъ такихъ вдохновенныхъ пророчествъ въ словѣ проповѣдника Петра Скарги: „Вы говорите, что Польша существуетъ безурядьемъ,—падетъ она и всѣхъ васъ раздавитъ, когда не будете этого ожидать... несогласія ваши доведутъ васъ до неволи, въ которой потонутъ всѣ ваши вольности... будете стонать въ рукахъ вашихъ враговъ... земли и княжества ваши распадутся... будете не только безъ государя вашей крови, но и безъ отечества... будете изгнанниками, скитальцами"...

На эту тему современный нашъ польскій историческій художникъ, живописецъ Янъ Матейко, написалъ картину: „Проповѣдь Скарги". Картина эта обращала на себя вниманіе знатоковъ во время вѣнской всемірной выставки.

нами практическій способъ для достиженія этой цѣли, но прежде всего, намъ необходимо припомнить нѣкоторые историческіе факты и событія, освѣщающіе русско-польскія отношенія въ началѣ XVIII вѣка, въ послѣдніе дни самостоятельной Польши. Русское вліяніе на дѣла Польши началось явно и открыто въ 1715 году, когда польскіе магнаты и шляхта, опасаясь за свои льготы, права и привиллегіи, заподозрили своего короля Августа II въ стремленіи къ абсолютизму и, по обычаю того времени, образовали конфедерацію противъ короля и окружавшихъ его дворъ нѣмцевъ, начавшихъ уже безцеремонно властвовать и господствовать въ Польшѣ.

Завязалась по этому поводу конфедерація, извѣстная подъ именемъ „*Тарногородзкой*“ и послала депутацію въ Данцигъ, къ гостившему тамъ Петру I, прося царя принять подъ свою защиту польскую конституцію и не допустить Августа II къ какимъ-либо реформамъ въ Польшѣ. Петръ I ненавидѣлъ польскихъ конфедератовъ, считая ихъ вообще бунтовщиками, но обрадовался случаю вмѣшаться въ польскія дѣла, что̀ было согласно съ его планами и видами на Польшу,—и тотчасъ повелѣлъ министру своему князю Долгорукому занять Польшу русскими войсками, на мѣстѣ разобрать споры между королемъ и шляхтою, во всякомъ же случаѣ, заставить Августа II отказаться отъ всякихъ реформъ, о наслѣдственномъ престолѣ не думать, саксонскія войска вывести изъ Польши, на мѣсто ихъ образовать 24,000 регулярнаго польскаго войска и все это обезпечить полякамъ гарантіею Петра I.

Князь Долгорукій буквально исполнилъ повелѣніе своего царя и настоялъ на томъ, что польскій сеймъ, называемый „*Нѣмой*“, продолжавшійся всего семь часовъ, февраля 4-го 1717 года единогласно принялъ гарантію Петра I и призналъ ее *легальною*.

Это было первое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Польши, вмѣшательство, вызванное самими поляками и узаконенное приговоромъ польскаго сейма.

Мы подчеркнули выше во вступленіи совершенно вѣрное выраженіе славянофила А. Гильфердинга: „Петръ былъ первый изъ русскихъ царей, который ни разу не воевалъ съ Польшею и первый, который хозяйничалъ въ ней“.

И въ самомъ дѣлѣ: повелѣніе Петра I, данное министру Долгорукому, сдѣлать порядокъ въ Польшѣ, напоминаетъ болѣе указъ русскому воеводѣ умиротворить подвластное Россіи воеводство, нежели дипломатическое отношеніе къ сосѣднему самостоятельному государству. Да! Петръ I хозяйничалъ въ Польшѣ. Активное вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши было поворотною точкою въ исторіи Польши, — къ этому времени относится начало польской вражды къ Россіи, но не къ русскому народу.

Конфедераты тарногродзкіе забыли популярную тогда въ іезуитскихъ школахъ латинскую басню: „Ranae regem petentes“, и сами предрѣшили участь Польши.

Съ 1717 года русскія войска, съ оружіемъ въ рукахъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, поддерживали въ Польшѣ „*золотую вольность*“, а въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II, польскія магнатскія партіи, довѣрясь вполнѣ Россіи, искали для своихъ видовъ и цѣлей опеки русскаго двора, что̀ продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ конституція 1768 года, февраля 20-го, не утвердила окончательно вліянія Россіи на дѣла и на судьбу Польши, причемъ императрица Екатерина II гарантировала полякамъ по 102 § заключеннаго съ ними договора: „неприкосновенность польскихъ земель и основныхъ правъ государства“.

Между тѣмъ Пруссія вовлекала и вовлекла Россію въ заколдованный кругъ своей превратной, тевтонской политики. Императоръ Петръ III ѣхалъ въ Россію, подготовленный уже Фридрихомъ II къ необходимости раздѣла Польши, а всѣ права и обязанности Петра III унаслѣдовала Екатерина II, вслѣдствіе чего 15 января 1773 года послѣдовалъ манифестъ Россіи, Пруссіи и Австріи, *о пер-*

вомъ раздѣлѣ Польши. Главная выгода этого раздѣла осталась, конечно, на сторонѣ Пруссіи, которая этимъ чрезмѣрно увеличила свои земельныя владѣнія, соединила добычею польскихъ земель свои черезполосныя прусскія земли въ одно территоріальное цѣлое и сразу сдѣлалась державою самостоятельною и грозною, не только для обиженной ею Польши, но и для всѣхъ своихъ сосѣдей.

По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, Пруссія возникла изъ ошибокъ Польши и въ наказаніе, предназначенное ей провидѣніемъ, за отдачу славяно-литовскаго балтійскаго побережья на жертву тевтонамъ. Пруссія преобразовалась въ королевство въ 1701 году, января 18, когда курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ III самъ возложилъ на себя королевскую корону въ Кенигсбергѣ (славянскомъ Кролевцѣ). Пруссія, какъ королевство, сразу рѣшила участь бывшаго своего сюзерена — Польши.

Нѣмецъ на польскомъ престолѣ, Августъ II-й, безъ вѣдома и противъ воли поляковъ принялъ пословъ новаго прусскаго короля и первый изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи призналъ новое королевство, что, конечно, вызвало неудовольствіе поляковъ, а за симъ понятное негодованіе къ нимъ новаго прусскаго короля и его династіи.

Съ того времени отношенія Пруссіи къ Польшѣ были явно непріязненныя.

Мысль раздѣла Польши созрѣвала у нѣмцевъ нѣсколько вѣковъ сряду, начиная съ конца XIV вѣка. Проектъ раздѣла Польши между одними только нѣмцами, былъ уже готовъ въ 1392 году [6]), а въ 1429 году, на съѣздѣ монар-

---

[6]) См. „Codex diplomaticus prussicus“ Johann Voight, Königsberg, vol. IV, pag. 158, 159. Тотъ же Voight въ своей „Исторіи Пруссіи“, т. VII, стр. 175 и польскій историкъ Длугошъ, въ т. XI, стр. 387, удостовѣряетъ, что послѣ Грюнвальдской битвы, гроссмейстеръ тевтонскаго ордена въ письмѣ къ архіепископу римскому, утѣшается еще надеждою, что „придетъ время, когда польскій народъ будетъ истребленъ и вырванъ съ корнемъ, такъ чтобы не могъ отрости (зеленѣть)“ („Und also ungeworzelt worde, das sie worder nicht grünnen machte“. Voight и Длугошъ упоминаютъ

ховъ и великихъ князей въ г. Луцкѣ на Волыни, нѣмецкій императоръ Сигизмундъ, совмѣстно съ гроссъ-мейстеромъ Тевтонскаго Ордена Руздорфомъ изъ Маріенбурга и Зигфридомъ, представителемъ на съѣздѣ лифляндскихъ меченосцевъ, уговаривали Витольда, великаго князя Литовскаго, приступить къ раздѣлу Польши, но великій геній Литвы рѣшительно отклонилъ это предложеніе, не желая разрыва польско-литовской уніи. Нѣмецкій императоръ Максимиліанъ II, въ 1573 году, изготовилъ проектъ раздѣла Польши; въ 1667 году король шведскій Карлъ XI предлагалъ нѣмецкому императору и маркъ-графу бранденбургскому раздѣлить между ними Польшу; вопросъ о раздѣлѣ Польши былъ поднятъ въ 1710 году чрезъ прусскаго министра Угена (Ugen); король польскій Августъ II хлопоталъ о раздѣлѣ Польши; прусскій король Фридрихъ II предлагалъ раздѣлъ Польши императору Петру III, а за симъ императрицѣ Екатеринѣ II и достигъ своей цѣли. Три раздѣла Польши въ 1773, 1793 и 1795 годахъ предоставили нѣмцамъ 5399 квадратныхъ миль славянскихъ земель и 6,240,000 славянскаго населенія, обреченнаго на жертву германизаціи. Пруссаки и австрійцы, со дня захвата польскихъ земель, стали сразу ихъ онѣмечивать, для чего древне-славянскія названія городовъ, селъ, деревень, околицъ и урочищъ передѣлывали на тевтонскія и нѣмецкія прозвища, сохраняя лишь для простонародья звуки прежнихъ наименованій, дабы будущія поколѣнія, могли въ недоумѣніи сказать: „Nec locus, ubi Polonia!“

Императрица Екатерина II, въ виду проекта Фридриха II о раздѣлѣ Польши, на первыхъ порахъ воспро-

---

о тогдашнемъ циркулярѣ нѣмецкаго монаха Фалькенберга, вызывающемъ Европу на крестовый походъ, имѣющій цѣлью — *истребить поляковъ*. Вотъ слова этого проповѣдника св. Евангелія: „обязанность всѣхъ князей возстать съ мечемъ мести противу поляковъ, ибо нѣтъ больше заслугъ для спасенія души, какъ содѣйствовать совершенному уничтоженію польскаго народа, вмѣстѣ съ его королемъ и шляхтою“... Это *genesis* позднѣйшей прусской политики Фридриха II и его послѣдователей.

тивилась этому проекту, потому что планъ этотъ задуманъ былъ одинаково, какъ противъ Польши, такъ и противъ Россіи, пользующейся легальнымъ вліяніемъ на дѣла Польши, по силѣ конституціи 1768 года. Екатерина видѣла въ каждомъ уменьшеніи пространства Польши, уменьшеніе сферы своего вліянія на Польшу.

Здѣсь кстати опредѣлить личныя убѣжденія императрицы Екатерины II по отношенію къ политикѣ того времени. Всѣ усилія императрицы неуклонно были направлены къ возвеличенію славы и могущества Россіи, возложившей на нее вмѣстѣ съ императорскою короною и великія государственныя заботы и обязанности. По словамъ историка: „Elle avait une âme impossible, et la raison d'Etat gouvernait sa conscience". (Душа ея была холодна и нечувствительна, государственный принципъ управлялъ ея совѣстью). Довѣрившись современемъ вполнѣ руководству и вліянію Фридриха II, содѣйствуя тройственному соглашенію, способствуя возвеличенію Пруссіи и Австріи на развалинахъ Польши, открывая для Австріи „*восточный вопросъ*" и не подозрѣвая будущей славянской миссіи Россіи,—императрица Екатерина II, въ погонѣ за славою и могуществомъ Россіи, во время трехъ раздѣловъ Польши, безсознательно трудилась: pour le roi de Prusse!

„On conçoit qu'après le partage, aucun trouble secret ne vint troubler la joie de la tzarine. Jamais je n'ai signé d'acte avec autant de satisfaction—disait-elle à Lobkovitz".

„Elle écrivit à Marie-Thérèse le 15 septembre (1772): C'est avec la joie la plus vive que je vois s'établir, par le concert sur les affaires de Pologne, un nouvel intérêt si propre à s'unir à ceux qui subsistent permanemment entre nos monarchies". (Al. Sorel, „La question d'Orient". 2-me édition, 1889, page 229—230). („Само собою, что послѣ раздѣловъ никакой тайный упрекъ не возмутилъ радости царицы"... „Никогда съ такою радостію я не подписывала ни одного государственнаго акта", говорила она Лобковицу. 1772 года сентября 15, императрица писала Ма-

ріи-Терезіи: „съ живѣйшею радостью, я усматриваю, что вслѣдствіе нашего соглашенія по дѣламъ Польши устанавливается новая связь вдобавокъ къ прежнимъ, существующимъ между нашими монархіями“. Альбертъ Сорель: „Восточный вопросъ“. 2-ое изд. 1889, стр. 229—230).

Несмотря на то, всѣ независимые русскіе государственные люди, а во главѣ ихъ Панинъ, всегда отрицали пользу для Россіи отъ порабощенія Польши, совокупно съ нѣмцами.

Въ „Correspondance de Solms“ (p. 209—215) читаемъ: „Les Russes aimaient mieux assujetir la Pologne que de la partager avec leurs voisins“ (Русскіе предпочитали подчинить себѣ Польшу, нежели дѣлить ее между сосѣдями).

По мнѣнію Панина и его партіи, по мнѣнію многихъ и русскихъ и польскихъ историковъ, Россія не должна была раздроблять Польши и отдавать поляковъ нѣмцамъ, на жертву германизаціи; Россія должна была: или владѣть цѣлою и нераздѣльною Польшею, или всѣми силами противиться раздѣлу Польши между нѣмцами, присоединивъ къ своей державѣ, *искони* русскія земли. Но это было во времена Екатерины немыслимо, Россія тогда всецѣло симпатизировала политикѣ Фридриха II, его видамъ и цѣлямъ.

При совѣщаніяхъ о раздѣлѣ Польши: „la négociation était fort délicate en effet. Panine qui prétendait faire de la Pologne un Etat vassal de la Russie, était oposé au partage; mais la tzarine y inclinait“. (Sorel, p. 149). (Переговоры были очень щепетильны. Панинъ желалъ Польши зависимой отъ Россіи и противился раздѣлу. Царица желала раздѣла Польши. (Сорель, стр. 149).

Въ маѣ 1772 года, Панинъ сказалъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ Лобковицу: „La Pologne, doit rester à perpétuité une puissance intermédiaire déstinée à empêcher toute collision entre les intérêts des trois cours; il faut donc lui laisser une force et une consistance intrin-

séque analogues à une telle destination“ (Sorel, p. 218—219). (Польша должна всегда оставаться государствомъ, устраняющимъ всякія неизбѣжныя столкновенія, неминуемыя въ отношеніяхъ и интересахъ между тремя дворами. Надо оставить Польшѣ силу и возможность существованія, необходимаго для такого ея предназначенія. (Сорель, страница 218 и 219).

Лобковицъ писалъ австрійскому двору 12 апрѣля 1771 г.: „Panine ne se fie point à Frédéric. Il m'a dit, que si l'Autriche s'entendait avec la Russie, elle pourrait obtenir la Moldavie et la Valachie soit pour elle, soit pour un archiduc. Il assurait que la tzarine était décidée à conserver l'amitié de l'Autriche, qu'elle y sacrifierait au besoin celle de la Prusse, que Frédéric était le seul auteur des projets de partage de la Pologne, que la Russie n'y était pour rien et que le roi de Prusse voulait *tromper* tout le monde“ (Sorel p. 154). То же писалъ Іосифъ II брату своему Леопольду въ маѣ 1771 года: „Voilà le roi de Prusse à découvert de nous avoir menti en nous proposant le démembrement de la Pologne comme venant de Pétersbourg (Sorel, 154). (Панинъ не довѣрялъ Фридриху... онъ сказалъ мнѣ, что еслибы Австрія согласилась съ Россіею, то могла бы получить Молдавію и Валахію или для себя, или для одного австрійскаго эрцгерцога. Панинъ увѣрялъ, что царица рѣшилась сохранить дружбу Австріи, для которой готова посвятить дружбу Пруссіи, что Фридрихъ былъ единственнымъ творцомъ проекта раздѣла Польши, что Россія тутъ не причемъ и что король прусскій желаетъ всѣхъ обманывать (Сорель, стр. 154). Вотъ король прусскій уличенъ во лжи. Предлагая намъ раздѣлъ Польши, увѣрялъ, что проектъ этотъ выходитъ изъ Петербурга). Пора, наконецъ, полякамъ понять и уяснить себѣ, по новѣйшимъ историческимъ источникамъ, всѣ тайныя пружины, руководившія раздѣлами Польши. Виновникомъ этого политическаго насилія былъ Фридрихъ II и его политика, а русскіе тутъ не причемъ, напротивъ того, лучшіе пред-

ставители русскаго народа, въ родѣ Панина, стояли твердо за цѣлость и независимость Польши.

Честь и слава Панину и ему подобнымъ русскимъ патріотамъ, не желавшимъ паденія Польши, а за симъ и отдачи поляковъ—нѣмцамъ, на жертву германизаціи.

Говоря о паденіи Польши, мы коснемся новѣйшаго труда русскаго ученаго и спеціалиста по польскому вопросу, профессора С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣева, автора „Паденія Польши въ исторической литературѣ". С.-Петербургъ, 1888 года.

Русскій ученый, всецѣло принадлежа къ новой русской исторической школѣ, говоритъ: „нѣмецкіе и русскіе историки внесли въ исторію паденія Польши взгляды, бывшіе совершенно недоступными писателямъ польскимъ и французскимъ, причемъ и нѣмецкіе историки не усвоили еще въ достаточной степени того, что̀ было внесено въ пониманіе судебъ Рѣчи-Посполитой нашими писателями. Такъ какъ за послѣднее время представители польской національной исторіографіи слѣдятъ за всѣмъ, что̀ дѣлается учеными другихъ странъ для исторіи Рѣчи-Посполитой, то нѣмецкіе и русскіе взгляды не могли не отразиться на представленіяхъ новѣйшихъ польскихъ писателей: современные національные историки Польши также начинаютъ понимать, что не одна простая страсть къ захватамъ, пользуясь слабостью сосѣда, не однѣ временныя обстоятельства, сложившіяся подъ вліяніемъ случайной текущей политики, играли роль при отторженіи отъ Рѣчи-Посполитой — и западной Пруссіи, и русскихъ земель; они сами уже указываютъ на то, что и Пруссія, и Россія самою силою историческихъ обстоятельствъ, слагавшихся вѣками, были поставлены по отношенію къ Польшѣ въ такое положеніе, что борьба съ нею каждаго изъ указанныхъ государствъ должна была окончиться либо побѣдою, либо пораженіемъ". Далѣе профессоръ Карѣевъ проводитъ ту мысль, что поляки, стоявшіе за подчиненіе Россіи, обнаруживали гораздо болѣе политической мудрости, чѣмъ ихъ противники, и что мирная

дѣятельность въ предѣлахъ той свободы, какую Россія оставляла на долю Рѣчи-Посполитой, вела вѣрнѣе къ цѣли, ко внутреннему возрожденію общества и укрѣпленію государства, нежели рискованныя предпріятія *патріотовъ*.

Таковъ, по мнѣнію профессора Карѣева, общій выводъ изъ историческихъ трудовъ Калинки, такова точка зрѣнія и профессора Бобржинскаго.

По необходимости, разстаемся съ ученымъ и почтеннымъ профессоромъ Карѣевымъ, отдавая полную справедливость его серьёзному, солидному и добросовѣстному историческому изслѣдованію, хотя въ общемъ мы съ нимъ несогласны.

Изъ выводовъ и заключеній проф. Карѣева объ изученіи литературы по исторіи паденія Польши, мы извлекли нѣкоторыя главныя мѣста, безъ чего нашъ проектъ *„русско-польскаго народнаго союза“* былъ бы неполнымъ и не надлежаще освѣщеннымъ новѣйшими изслѣдованіями русско-польскихъ исторіографовъ.

Ссылка русскаго ученаго профессора на труды польскихъ историковъ новѣйшаго времени: Корзона, Калинки и Бобржинскаго, какъ нельзя больше доказываетъ, что на полѣ научнаго труда уже послѣдовало нѣкоторое сближеніе и соглашеніе между русскими и польскими учеными исторіографами и что за симъ остается желать и добиваться, дабы дѣло полнаго сближенія между двумя народами одного славянскаго племени вошло въ жизнь взаимныхъ русско-польскихъ отношеній, что и составляетъ задачу настоящей брошюры, въ девизѣ которой сказано: *„Il n'y a pas de question que la discussion loyale ne puisse éclairer de ses lumières“*.

Позволяемъ себѣ однакожъ не согласиться съ ученымъ профессоромъ, въ одномъ только его *„point de vu“*, а именно, въ томъ, что онъ, по отношенію къ падающей Рѣчи-Посполитой, поставилъ на одну точку и Пруссію и Россію.

Профессоръ говоритъ: „Пруссія и Россія *самою силою*

историческихъ обстоятельствъ, слагавшихся вѣками, были поставлены, по отношенію къ Польшѣ, въ такое положеніе, что борьбу съ нею каждаго изъ указанныхъ государствъ и т. д.".

По отношенію къ Россіи — это заключеніе г. профессора исторически вѣрно. Россія и Польша, во время оно, когда о Пруссіи не было еще помину, были великими славянскими державами и достойными себя соперницами. Польша завоевала у Россіи мечемъ разныя *искони* русскія земли, Россія имѣла за собою полное право мечемъ же отобрать свое историческое достояніе, но предпочла возвратить свои окраины путемъ дипломатическимъ, при первомъ раздѣлѣ Польши, — и дѣлу конецъ.

Но причемъ тутъ Пруссія начала XVIII вѣка?.. Да и что такое была Пруссія до Фридриха II-го?...

Неужели намъ нужно припомнить здѣсь исторію этой Пруссіи: земля, занимающая Балтійское поморье, между рѣками Вислою и Прегелемъ, въ древнія времена была заселена славянско-литовскимъ языческимъ племенемъ боруссовъ, по-руссовъ, пруссовъ и называлась Пруссіею. Пруссы прилегали къ удѣлу польскаго князя Конрада Мазовецкаго, который, желая ихъ обратить въ христіанство, пригласилъ въ 1228 году Тевтонскій Орденъ, который дѣйствительно въ теченіе полвѣка окрестилъ пруссовъ, но вмѣстѣ съ симъ началъ сильно онѣмечивать славяно-литовскій край безмѣрнымъ приливомъ нѣмцевъ-колонистовъ.

Туземцы пруссаки взбунтовались противъ Ордена, а послѣ Грюнвальдской битвы, въ 1410 году, отдались подъ охрану и опеку королю польскому Казиміру Ягеллончику. Это вызвало такъ называемую *„Прусскую войну"* Польши съ Тевтонскимъ Орденомъ, войну, длившуюся двѣнадцать лѣтъ и окончившуюся въ 1466 года Торунскимъ миромъ, по которому Западная Пруссія присоединена къ Польшѣ, а Восточная подчинена Польшѣ на правѣ ленномъ и предоставлена Тевтонскому Ордену. Клонящійся къ паденію Орденъ, для усиленія своего, избралъ въ 1511 году гроссъ-

мейстеромъ Альбрехта Бранденбургскаго — Ансбахъ, изъ франконской линіи. Альбрехтъ, трактатомъ краковскимъ 1525 года апрѣля 8, объявилъ секуляризацію Ордена, отрекся для этой цѣли отъ католицизма и принялъ религію лютеранскую, переименовался въ свѣтскаго князя и Тевтонскую Пруссію назвалъ „Княжескою Пруссіею", состоящею въ ленной зависимости отъ Польши.

Это была первая политическая ошибка Польши, а вторая за симъ—признаніе на сеймѣ въ Піотрковѣ, въ 1563 г., правъ Гогенцоллерновъ-Бранденбургскихъ на княжескую Пруссію, въ случаѣ безпотомно угасшей франконской линіи Ансбахъ. Іоакимъ II, курфирстъ бранденбургскій, родственникъ короля польскаго Сигизмунда-Августа, въ 1568 г. считалъ себя и свой родъ наслѣдниками княжеской Пруссіи и ленниками Польши. Въ 1618 году угасъ княжескій родъ франконской линіи Ансбахъ, а бранденбургскій курфирстъ Іоаннъ-Сигизмундъ сдѣлался первымъ княземъ Восточной Пруссіи и ленникомъ Польши. Внукъ его взбунтовался противъ Польши, соединился съ королемъ шведскимъ Карломъ-Густавомъ и вымогъ въ 1657 году въ Велявѣ на слабомъ королѣ польскомъ Янѣ-Казимірѣ, что тотъ отказался отъ Восточной и Западной Пруссіи, что завершено договоромъ въ Оливѣ въ 1660 году, послѣ чего обѣ Пруссіи слились въ одно цѣлое съ Бранденбургіею.

Спрашиваемъ почтеннаго профессора Карѣева, можно-ли на одну точку ставить Россію и Пруссію по отношенію къ падающей Польшѣ? Неужели Фридрихъ II при первомъ раздѣлѣ Польши отторгнулъ *искони* прусскія земли?.. Нѣтъ! Онъ захватилъ польскія земли и пространства.

Возвратимся теперь къ сферѣ вліянія Россіи на Польшу послѣ перваго ея раздѣла.

Подъ вліяніемъ Россіи была организована въ уцѣлѣвшей отъ нѣмецкаго хищенія Польшѣ, въ 1775 году, апрѣля 17, новая форма правленія: „*Rada nieustająca*", —

постоянная Рада, состоявшая изъ короля, министровъ, сенаторовъ и земскихъ пословъ. Значеніе этой Рады исчерпано профессоромъ Карѣевымъ, по труду польскаго историка Корзона. Рада эта безпокоила сильно Фридриха II, нежелавшаго ни порядка въ Польшѣ, ни добрыхъ польско-русскихъ отношеній.

Постоянная Рада возстановила исполнительную власть и сознательное правительство, которое, мало-по-малу, утверждалось на положительныхъ основахъ и началахъ: король и его совѣтники усердно работали, власти судебная и административная правильно функціонировали край могъ подняться на подобающую ему высоту, развиваться и процвѣтать, но при искреннемъ содѣйствіи поляковъ. Къ сожалѣнію, старая традиціонная анархія одержала верхъ надъ правовымъ порядкомъ и парализировала всѣ благія начинанія мирной и спокойной реформы въ Польшѣ. Магнатская партія Чарторыскихъ искала опоры въ Австріи, партія короля и гетмана Браницкаго, по прежнему въ Россіи, иные довѣряли Пруссіи; внутренніе раздоры и несогласія постоянно увеличивались; отношенія Польши къ сосѣдямъ запутывались; Пруссія не дремала; катастрофа приближалась.. Въ 1788 году, февраля 19, прусскій король началъ сильно интриговать въ Польшѣ, домогаясь перемѣны формы правленія, учрежденнаго Россіей, для чего обѣщалъ полякамъ свою помощь и свое содѣйствіе. Нѣмецкая партія волновала поляковъ, желая ихъ разрознить съ Россіею.

Нѣмцы всегда были злымъ геніемъ Польши. Избраніе поляками нѣмцевъ на польскій престолъ, въ лицѣ саксонской династіи Веттиновъ, выводящей себя изъ древне-славянскаго племени Бодричей, было началомъ паденія Польши.

Вотъ что пишетъ объ Августѣ II французскій историкъ Сорель, на 19 стр. своей: „La question d'Orient“ (Paris, 1889): „En 1733 auguste II songeais à rendre la couronne héreditaire dans la maison de Saxe. „A fin de

parvenir à ce but", dit le grand Frédéric, „il avait imaginé le partage de cette monarchie, comme le moyen par lequel il croyait apaiser la jalousie des puissances". Il s'adressa au roi de Prusse, Frédéric-Guillaume I et lui fit des ouvertures. La mort d'Auguste II arrêta les négociations"[7]). (Въ 1733 году, Августъ II вздумалъ установить въ Польшѣ наслѣдственный престолъ въ саксонской династіи. „Для достиженія этой цѣли,— говорилъ Фридрихъ Великій,—Августъ II воображалъ проектъ раздѣла Польши, какъ средство, которымъ могъ удовлетворить зависть сосѣдей". Онъ обратился къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму I и сообщилъ ему свой планъ. Смерть Августа II прекратила переговоры).

Короли-саксонцы окончательно погубили Польшу; они въ теченіе шестидесяти шести лѣтъ совершенно развратили поляковъ, привили имъ роскошь, пьянство и развратъ, а самое главное, усвоили общественную халатность и безпечность, внушая шляхтѣ убѣжденіе: „że Polska nierządem stoi — что Польша держится безурядьемъ.

Нѣмцы на польскомъ престолѣ усердно трудились не для блага Польши, а *„pour le roi de Prusse"*. Нѣмцы повергли Польшу въ безвыходное положеніе и собственными руками вырыли ей могилу. Польскіе короли-нѣмцы обвиняются въ томъ, что когда сосѣди бывшей Польши устраивались на новыхъ началахъ, согласно требованіямъ вѣка, тогда они не заботились о реформѣ государственнаго строя Польши и дозволили Польшѣ существовать по старому: безъ сильнаго и энергическаго правительства, безъ исполнительной власти, безъ регулярнаго войска, безъ финансовъ и путей сообщенія, безъ алліансовъ и союзовъ, безъ постоянныхъ дипломатовъ и политическихъ агентовъ, словомъ, безъ первыхъ элементарныхъ условій каждаго государственнаго и политическаго существованія.

---

[7]) Прусскій король согласился съ Августомъ II на раздѣлъ Польши между ними и предлагалъ Петру I Ливонію, но русскій государь не одобрилъ такого проекта.

Король Станиславъ-Августъ задумалъ-было эти реформы, но уже было поздно, сосѣди бывшей Польши воспротивились этому, ибо они рѣшили во чтобы ни стало— уничтожить Польшу, стереть ее съ лица земли.

Сосѣди бывшей Польши прививали своимъ народамъ строгія монархическія начала, а потому не могли терпѣть среди себя либеральной, вольной и своеобразной республики, съ картоннымъ королемъ во главѣ, да притомъ эта конституціонная республика была тогда единственною на материкѣ Европы и подавала собою дурной примѣръ и соблазнъ народамъ, воспитываемымъ своими правительствами въ духѣ абсолютизма.

Интересы твердо охраняемой монархической власти въ Россіи, Пруссіи и Австріи, а самое главное, желаніе легкой наживы и территоріальной добычи, склонили три сильныя державы, подъ благовиднымъ предлогомъ — округленія своихъ границъ, — въ видахъ своекорыстныхъ, оправдываемыхъ „политическою необходимостью", раздѣлить между собою Польшу.

„Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія", — говоритъ ученый профессоръ краковскаго университета, польскій современный историкъ Бобржинскій,— „Польшѣ для выбора было три дороги: или союзъ съ Россіей, или союзъ съ Пруссіей, или же, совершенный нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ державамъ".

Выгоднѣе всего былъ для поляковъ, по мнѣнію Бобржинскаго, русско-польскій союзъ, ибо у одной Россіи былъ-бы жизненный интересъ въ томъ, чтобы не допускать увеличенія Пруссіи и Австріи на счетъ территорій, оставшихся отъ перваго раздѣла Польши [8]).

Русско-польскій союзъ могъ увеличить, съ одной стороны, зависимость Польши отъ Россіи, но съ другой—могъ

---

[8]) Исторія Бобржинскаго переведена на русскій языкъ. Ссылаемся на мнѣніе краковскаго ученаго, понимающаго силу и значеніе русско-польскаго союза, т.-е., главную цѣль этой брошюры.

обезпечить существованіе королевства и облегчить ему спокойную внутреннюю реформу, столь необходимую для улучшенія государственныхъ основъ, расшатанныхъ анархіею, вкоренившеюся въ Польшѣ.

Значеніе и силу русско-польскаго союза понимали многіе поляки, но партіи прусская и австрійская въ Польшѣ не умѣли или не хотѣли его понять и Польша не пошла на добровольную мировую сдѣлку съ Россіей.

„Не хотѣла и не пробовала Польша,—говоритъ Бобржинскій,—послѣдовательной, но спокойной государственной реформы, купленной цѣною подчиненія остатковъ Польши Россіи, но предпочла и выбрала реформу крутую и рѣшительную“, въ достопамятный день, 3-го мая 1791 года, вслѣдствіе чего послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши въ 1793 году, послѣ котораго осталось королевству польскому всего 4016 квадратныхъ миль и 3.200,000 жителей.

Уменьшенную послѣ перваго раздѣла Польшу могъ еще сохранить тотъ-же русско-польскій союзъ, но для заключенія этого союза не достало у Россіи желанія, а у поляковъ политическаго смысла и такта.

Отъ этого выиграли нѣмцы!

Вмѣсто мировой, обоюдно-полезной сдѣлки съ Россіею поляки предпочли свою обычную анархическую борьбу партій, изъ которыхъ одна призывала Россію къ вмѣшательству въ польскія дѣла, а другая, съ оружіемъ въ рукахъ, противилась этому русскому вмѣшательству. Возстаніе Косцюшки и плѣнъ его подъ Мацѣіовицами, рѣшили въ 1795 году окончательную участь остатковъ бывшей Рѣчи-Посполитой.

Россія, Пруссія и Австрія раздѣлили эти остатки между собою.

Одинъ изъ знаменитыхъ политическихъ писателей Франціи такъ изображаетъ послѣдствія раздѣла Польши для Европы и для современной ея политики: „Le partage, qui fut une œuvre inique, fut en même temps une œuvre impolitique. L'historien le doit juger aussi sévèrement que

le philosophe. Cet acte n'avait, pour ceux qui l'accomplissaient, qu'une seule raison d'être: la nécessité de maintenir la paix entre trois grands empires... Elles aimèrent mieux s'accorder que de se combattre, partager les territoires convoités que de se les disputer. Leur rivalité fit leur alliance, mais l'alliance ne fit point disparaitre les causes de la rivalité; elle y donna, au contraire, un nouvel aliment, et tout l'effet des traités de Pétersbourg et de Varsovie fut d'ajouter à la question d'Orient une question plus urgente, plus grave et plus menaçante encore: la question polonaise. S'il avait été possible de s'arrêter aux traités de 1772, l'operation du partage aurait pu passer non seulement pour lucrative, mais pour habile et politique; mais l'histoire ne s'arrête point; les faits, une fois posés, portent inévitablement leurs conséquences, et, pour l'éternelle revanche de droit contre la force, les entreprises mal conçues et les traités abusifs trouvent leur sanction dans les inextricables embarras, qui en sont le résultat" (A. Sorel. „La question d'Orient". 2-me edition, 1889, стр. 275 и 276). (Раздѣлъ, который былъ дѣломъ неправымъ, былъ въ то-же время дѣломъ неполитическимъ. Историкъ и философъ одинаково строго осудитъ это дѣло. Актъ этотъ имѣлъ только для составителей его одно основаніе: необходимость сохраненія мира между тремя великими имперіями. Онѣ предпочли лучше согласиться, нежели бороться, раздѣлить между собою территоріи, нежели изъ-за нихъ спорить. Соревнованіе между имперіями связало ихъ между собою союзомъ, но эта связь не устранила причинъ соревнованія, напротивъ того, соревнованіе это получило еще новую пищу, ибо вся суть договоровъ петербургскихъ и варшавскихъ добавила къ восточному вопросу еще болѣе серьезный и болѣе грозный,—польскій вопросъ. Еслибы можно было остановиться на трактатахъ 1772 года, операція раздѣловъ была-бы выгодною, ловкою и политическою, но исторія не останавливается, совершившіеся факты вызываютъ свои послѣдствія, и вѣчная угроза реванша права противъ силы доказываетъ,

что предпріятія, плохо устраиваемыя и договоры нарушаемые кончаются только прямыми ихъ послѣдствіями—запутанными затрудненіями. Сорель, стр. 275 и 276).

Нѣкоторые заурядные историки нѣмецкой школы говорятъ совершенно другое: они доказываютъ, что Польша при своемъ разстроенномъ организмѣ, безъ радикальнаго оздоровленія и безъ основныхъ реформъ цѣлаго государственнаго строя—существовать не могла; говорятъ, что немыслимо было государство, въ которомъ одно передовое сословіе властвовало самодержавно и неограниченно надъ многими милліонами остальной безправной массы народа, а потому Польша пала.

По новѣйшимъ понятіямъ, это совершенно вѣрно, но спрашивается, гдѣ въ половинѣ XVIII вѣка было иначе, гдѣ было лучше?.. Гдѣ былъ идеалъ равноправности всѣхъ сословій?..

Всѣ недостатки польскаго государственнаго строя не оправдываютъ передъ судомъ исторіи и строгой справедливости совершеннаго надъ Польшею въ XVIII вѣкѣ приговора.

Въ наше время политическаго соперничества и сознательной борьбы за существованіе, ничего подобнаго случиться не можетъ, чему лучшимъ и нагляднымъ доказательствомъ служитъ фактъ существованія Турціи, даже послѣ окончательнаго разгрома ея Россіею въ 1877 году.

Въ XVIII вѣкѣ сосѣди Польши рѣшительно ничѣмъ не стѣснялись и пользовались полною свободою дѣйствія, а потому преспокойно дѣлили между собою Польшу на части, въ трехъ хирургическихъ операціяхъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ *„трехъ раздѣловъ Польши“*, которыя были для поляковъ величайшею историческою *„кривдою“*.

Результаты раздѣловъ Польши выражаются различно для Пруссіи, Австріи и Россіи. Пруссія на развалинахъ Польши составила свой *„raison d'être“*. Австрія, кромѣ львиной доли въ дѣлежѣ, получила еще право вмѣшательства въ восточныя дѣла,—право, которымъ теперь пользуется

очень широко. Возстановленіе Польши въ западныхъ ея границахъ 1772 года равносильно уничтоженію Пруссіи и ослабленію Австріи, а потому никто кромѣ нѣмцевъ не можетъ опасаться этой замогильной угрозы, приписываемой полякамъ, которыхъ права, не подлежащія давности, со временемъ могутъ быть переданы славянскому міру и его главѣ—Россіи. Русскіе историки и публицисты, дѣйствуя за-одно съ нѣмцами, долго упрекали поляковъ за ихъ мечты о границахъ 1772 года,—по нашему-же пониманію славянскаго вопроса, слѣдовало-бы напоминать полякамъ ихъ старую прибалтійскую и западную границу изъ опасенія, чтобы поляки не забыли ее никогда; что-же касается бывшей восточной границы, они помирились съ приговоромъ исторіи, что Русь принадлежитъ къ Россіи, какъ часть къ цѣлому; Польша не умѣла привязать къ себѣ Руси и удержать ее за собою.

Во время раздѣловъ Польши, алчность нѣмцевъ къ захвату чужихъ земель не имѣла мѣры и границъ. Вотъ доказательства и факты: 1) „Le 21 janvier 1771, Frédéric écrivait à son frère, à propos de la Warmie: „Cette portion est si mince, qu'elle ne récompenserait pas les clameurs qu'elle exciterait".

2) „Le 13 janvier 1772, Marie-Thérèse écrivait à son chancelier: „Il faut savoir s'exécuter, et pour un profit mince ne pas perdre sa réputation ni droiture devant Dieu et devant les hommes".

3) „Le 14 février 1772 Joseph écrivait à Kaunitz: „Est-ce que nous avons la conscience assez délicate pour vouloir la dédommager des injustices que les Russes et le roi de Prusse commettent en prenant quelques morceaux? Je finis, en peu de mots, par dire qu'il nous faut toute la Moldawie et la Valáchie"... Le Danube et le Pruth formeraient la frontière de l'Autriche. Joseph prétendait même acquerir sur la rive droite du Danube Belgrade et le Vieil-Orsova" (A. Sorel „La question d'Orient", 2-me edition. 1889, p. 200—201). („1) 21 января 1771 года, Фрид-

рихъ писалъ своему брату по поводу Варміи: „частица эта такъ мелка, что невознаградитъ криковъ и толковъ, которые вызоветъ“; 2) 13 января 1772 года, Марія-Терезія писала своему канцлеру: „надо умѣть удержаться при своемъ и для ничтожной корысти не терять добраго имени и правоты предъ Богомъ и людьми“; 3) 14 февраля 1772 года, Іосифъ II писалъ Кауницу: „неужели у насъ совѣсть такъ чувствительна, чтобы за русско-прусскія несправедливости мы довольствовались нѣсколькими лоскутками? (Польши). Я кончаю словами: намъ нужна Молдавія и Валахія“... Дунай и Прутъ составляли бы границу Австріи, а Іосифъ кромѣ того претендовалъ на Бѣлградъ и Старую Орсову за Дунаемъ) (Сорель, стр. 200 и 201).

Изъ этого видно, что Фридрихъ II былъ цинично откровененъ; Марія-Терезія отличалась іезуитскимъ ханжествомъ, что доказываютъ ея: „*les Jérémiades*“, которыя опредѣлилъ въ двухъ словахъ потсдамскій философъ: „*elle pleurait et prenait toujours*“. Іосифъ требовалъ все больше и больше, и заблаговременно составлялъ планы и способы германизаціи польскихъ земель, а канцлеръ Кауницъ лукавилъ и хитрилъ за всѣхъ. Во время перваго раздѣла Польши, Австрія была рѣшительнымъ представителемъ нѣмецкихъ идей и, по мѣрѣ захвата славянскихъ земель, всячески старалась ихъ онѣмечивать, главнымъ образомъ при помощи насквозь нѣмецкой своей администраціи и при помощи всякаго рода насилій.

До сихъ поръ историки: польскій Калинка и русскій Соловьевъ, неправильно понимали роли — Маріи-Терезіи, Іосифа II и канцлера Кауница въ дѣлѣ раздѣловъ Польши, и считали ихъ какою-то угнетенною невинностью, вовлеченною въ дѣло хищенія чужой собственности, силою неизбѣжныхъ обстоятельствъ. По новѣйшимъ историческимъ даннымъ и изслѣдованіямъ оказывается совершенно не то. Фридрихъ II писалъ объ Австріи 15 мая 1771 года своему министру Финкенштейну слѣдующее: „Les gens craignent que leur portion du partage soit trop mince“. Мало того,

авторъ: „La question d'Orient au XVIII siècle", Альбертъ Сорель доказалъ на основаніи архиварныхъ источниковъ, что при концѣ 1770 года Кауницъ предлагалъ Фридриху II занятіе Семигаліи и Курляндіи, вассальныхъ земель Польши взамѣнъ его содѣйствія въ защитѣ Турціи отъ побѣдоноснаго оружія Россіи, причемъ за Австріею должны остаться захваченныя ею у Польши въ половинѣ 1770 года княжество Спижъ, а у Турціи—молдавскія владѣнія, прилегающія къ Трансильваніи. Торгуясь съ сообщниками раздѣла Польши, провозглашая свое отвращеніе къ захвату чужой собственности, вѣнскій дворъ, тѣмъ не менѣе, первый изъ всѣхъ посягнулъ на цѣлость и независимость Польши и *„jure caduco"* занялъ своими войсками два старостства, пятьсотъ деревень и богатыя польскія соляныя копи, въ Бохнѣ и Величкѣ. Это былъ захватъ по всѣмъ правиламъ *„канцелярской законности"*, такъ какъ австрійскій губернаторъ этой страны, съ первыхъ же дней неимовѣрно наглаго этого грабежа, именовалъ себя: *„administrator provinciae reincorporatae"*.

Подписывая первый раздѣлъ Польши, Марія-Терезія, говорятъ, заплакала... Очень возможно: вѣдь плакала же она и прежде раздѣла и послѣ его, подбирая въ первомъ случаѣ итальянскія земли, а второмъ,—Буковину. Но главное дѣло въ томъ: зачѣмъ она плакала?... Фридрихъ II до конца жизни увѣрялъ, что это были слезы не раскаянія, а сожалѣнія, что доля захвата чужихъ земель была недостаточно велика, но есть при томъ и другая версія: когда послѣ раздѣла Польши Даламберъ (d'Alambert) явился къ Фридриху II и откровенно порицалъ короля за это нарушеніе международнаго права, король, не оправдываясь, сказалъ: „такъ, такъ мы виновны"; „mais cette dévote d'impératrice-reine, comment a-t-elle arrangé cela avec son confesseur?" (Sorel, p. 232—233).

О нѣмецкой политикѣ императрицы Екатерины II въ дѣлѣ раздѣловъ Польши и о пониманіи этого событія лучшими представителями русскаго народа, въ родѣ Панина, мы

сказали выше, выразивъ полную нашу симпатію истинно русскимъ патріотамъ; теперь намъ остается указать на плоды и послѣдствія раздѣловъ Польши для Россіи. Подписывая первый раздѣлъ, по которому плачущая Марія-Терезія занимала богатѣйшія земли Рѣчи-Посполитой и 2,600,000 населенія, Россія получила всего 1,600,000 жителей въ границахъ „*искони русскихъ земель*“, завоеванныхъ прежде Польшею и Литвою. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, Сольмъ, писалъ въ началѣ 1771 года Фридриху II слѣдующее: „Les Russes, devraient annexer la Livonie polonaise et la Lithuanie jusqu'a la Dwina et au Dnieper“.

„*Кривда*“, причиненная полякамъ Россіею, заключается не въ отрѣзкѣ отъ Польши „*искони русскихъ земель*“, завоеванныхъ мечемъ и отобранныхъ мечемъ, а въ отдачѣ остальныхъ частей Рѣчи-Посполитой нѣмцамъ, на жертву германизаціи. Лучшіе государственные люди Пруссіи сами называли это дѣло: „*грѣхомъ XVIII-го столѣтія*“, создавшимъ „*чумный нарывъ XIX-го*“; въ политикѣ современной Европы, то есть „польскій вопросъ“.

Альбертъ Сорель такъ изображаетъ послѣдствія раздѣловъ Польши для Россіи: „Au premier abord il semblait que la Russie seule a gagné à cette partie. Que l'on considère cependant les terribles embarras, où l'ont jetée les partages de la Pologne. Elle s'est rapprochée de l'Europe sans doute; elle a atteint la mer Noire; mais au lieu d'un Etat faible et assujetti, elle voit s'étendre, sur ses frontières, un formidable empire; elle a été forcée de contribuer à créer, auprès d'elle en Allemagne, une puissance, sa rivale par les origines, par la civilisation, par les traditions, par les intérêts, et qui lui soulève dans ses entreprises turques et asiatiques, de terribles et incessantes difficultés. Ce n'est pas tout; et, au moment où elle se faisait gloire de la mission d'humanité qu'elle accomplissait en Orient, la Russie condamnait elle-même en Pologne à la plus sanglante des contradictions: pour relever en Turquie la civilisation byzantine, elle etait forcée d'asser-

vir, en pleine Europe, la civilisation européenne“ (A. Sorel. „La question d'Orient“, 2-me édition, 1889 года, page 277—278). (Казалось, на первый взглядъ, что одна только Россія въ этой игрѣ выиграла. Сообразимъ, однако, всѣ затруднительныя обстоятельства, которыя послѣдовали за раздѣломъ Польши. Россія приблизилась къ Европѣ, достигла береговъ Чернаго моря, но на западной ея границѣ, вмѣсто государства слабаго и ей подвластнаго, образовалось государство сильное. Россія помогла создать рядомъ съ собою могущественную Германію, соперницу себѣ по культурѣ, цивилизаціи, традиціямъ и общимъ интересамъ, которая во всѣхъ дѣлахъ турецкихъ и азіятскихъ создаетъ постоянныя затрудненія. Мало того, одновременно, когда Россія со славою выполняла свою гуманитарную миссію на Востокѣ, противодѣйствовала сама себѣ въ Польшѣ; дабы возвысить византійскую цивилизацію въ Турціи, вынужденною нашлась подавлять европейскую цивилизацію въ центрѣ Европы. Сорель, „Восточный вопросъ“. Изданіе 2-ое. 1889, стр. 277—278).

Раздѣлы Польши создали въ Россіи *польскій вопросъ*. Со времени появленія этого рокового вопроса, русское правительство всегда правильнѣе понимало необходимость его развязки, чѣмъ русское общество, вводимое нерѣдко въ заблужденіе историками и публицистами, исповѣдующими нѣмецкую политику въ Россіи. Приведемъ здѣсь, кстати, мало извѣстные публикѣ факты, изложенные въ запискахъ князя Адама Чарторыскаго, изъ которыхъ г. Татищевъ дѣлаетъ нынѣ обширныя и довольно тенденціозныя выдержки. Въ запискахъ этихъ находимъ слѣдующія сужденія императора Александра I, которыя мы, по соображеніямъ понятнымъ, приводимъ въ подлинникѣ, какъ и всѣ другіе тексты въ брошюрѣ, необходимые лишь для свѣдѣнія русско-польской интеллигенціи.

„Je conviens“,—говорилъ императоръ князю Чарторыскому 12 ноября 1809 года, „que c'est dans la conduite de trois puissances à l'égard de la Pologne qu'il

faut chercher l'origine de tous le maux, auxquels l'Europe est aujourd'hui emproie"... „En cas d'une guerre avec l'Etranger", добавилъ императоръ тогда же, „il faut absolument que je me déclare roi de Pologne à fin de gagner les ésprits à ma cause" (Согласенъ,—въ поведеніи трехъ державъ по отношенію къ Польшѣ надо искать источника всѣхъ золъ, которыя теперь терзаютъ Европу. На случай первой внѣшней войны, мнѣ необходимо объявить себя королемъ польскимъ, дабы привлечь умы въ мою пользу). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, императоръ Александръ I, вспомня, что въ 1805 году, послѣ аустерлицкаго погрома, когда Пруссія покинула Россію и Австрію, въ самую критическую для нихъ минуту, тогда именно было самое удобное время для разрѣшенія польскаго вопроса, и тогда императоръ сказалъ съ сожалѣніемъ князю: „Aujourd'hui, c'est peut-être trop tard déjà!.. Mais je m'aperçois bien moi-même à present, que c'était là un moment favorable, unique même; on pourrait faire alors facilement ce qui maintenant ne pourrait être fait qu'avec une grande peine!" (Теперь, должно быть, поздно, но замѣчаю, что тогда именно былъ единственный и самый удобный моментъ сдѣлать легко то, что̀ теперь сопряжено съ большими затрудненіями). Наконецъ, 25 декабря 1810 года, въ письмѣ императора къ князю Чарторыскому находимъ такія достопамятныя слова: „C'est le moment de prouver aux Polonais que la Russie n'est pas leur ennemie, mais bien plutôt leur amie veritable et naturelle; que malgré qu'on leur fait envisager la Russie, comme la seule opposition existante pour la restauration de la Pologne, il n'est pas improbable au contraire que ce soit elle qui la réalise"... (Томъ II, стр. 207 — 249) (Теперь самое удобное время убѣдить поляковъ, что Россія не врагъ ихъ, но истинный и природный другъ, хотя всегда старались изобразить имъ Россію, какъ единственную оппозицію возстановленія Польши, но это не вѣрно: напротивъ, она только одна способна осуществить это дѣло).

Другой примѣръ: въ 1838 году, извѣстный русскій

дипломатъ, Брунновъ, призванъ былъ императоромъ Николаемъ I изложить Государю наслѣднику цесаревичу (впослѣдствіи императору Александру II-му) курсъ международной политики Россіи со времени императрицы Екатерины II-й.

Курсъ этотъ, въ 1881 году, разсмотрѣнный въ полномъ собраніи русскаго историческаго общества, подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра III-го, предназначенъ былъ для той же преподавательной цѣли нынѣшнему Наслѣднику русскаго престола, а потому нѣтъ и не можетъ быть документовъ большей оффиціальной важности, излагающихъ взгляды правительства на *„польскій вопросъ“* въ Россіи.

Посмотримъ, въ какомъ духѣ Брунновъ излагалъ императору Александру II-му фактъ раздѣловъ Польши и истекающія изъ него послѣдствія: „Deux grandes pensées politiques dominent le règne de l'Impératrice Cathérine: a) la destruction de l'independance de la Pologne, b) l'affaiblissement de l'Empire Ottoman. Ces combinaisons... furent accompagnées d'un plein succès... Mais, si nous comparons les principes qui dirigèrent à cette époque la marche du Cabinet Imperial à ceux qui le guident de nos jours, nous ne saurions nous empêcher de reconnaître que les moyens choisis par l'Imperatrice pour l'exécution de ses plans, *sont loin* de s'accorder avec ce caractère *de droiture et de loyauté*, qui fait aujourd'hui la règle invariable de notre politique“... „En poursuivant à la fois ce double plan avec une persévérance donc l'histoire offre peu d'exemple, l'Imperatrice n'hésita point à adopter des moyens que les moeurs politiques de cette époque tendaient à justifier en les colorant du nom d'habilité, mais qui de nos jours serait hautement reprouvés par notre Cabinet comme *contraire à la dignité de la Russie*“... (Сб. Имп. русск. Истор. Общ. т. XXXI, стр. 197. Выписки изъ этого сборника оставляемъ безъ перевода).

Сильнѣе и откровеннѣе выразиться нельзя, но всего замѣчательнѣе то, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Брунновъ, противупоставляя политику нашихъ временъ политикѣ Екатерины, утверждаетъ, что: „droiture et loyauté constituent ajourd'hui la règle invariable de la politique russe". Императоръ Николай собственноручно прибавилъ: „*et notre véritable force*"... Съ того времени прошло полвѣка, а большая часть русской печати до нынѣ не понимаетъ и повидимому не желаетъ понять, въ чемъ именно состоитъ эта „*véritable force*" Россіи.

ГЛАВА II.

Вліяніе политики Людовика XV-го на судьбу Польши.

II. ВЛІЯНІЕ ПОЛИТИКИ ЛЮДОВИКА XV-го НА СУДЬБУ ПОЛЬШИ.

Франція, отъ конца XVII вѣка, въ отношеніяхъ своихъ къ Польшѣ, дѣйствовала очень рѣдко *благоразумно*, а еще рѣже *благородно*.

Исторіографъ Людовика XV-го, Рюлье, откровенно говоритъ, что Франція до времени паденія Польши три раза ее волновала своими интригами, три раза образовывала въ Польшѣ свои сильныя партіи, которыя направляла въ собственныхъ политическихъ видахъ къ несбыточнымъ цѣлямъ и каждый разъ, въ самую критическую для Польши минуту, отъ нея отступалась, оставляя собственной злополучной судьбѣ тѣхъ изъ поляковъ, которые имѣли несчастіе довѣриться Франціи.

Послѣ смерти короля польскаго Августа II, въ 1733 г., большинство польскихъ магнатовъ, при выборѣ на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, слѣпо довѣрились Франціи, заручившись въ случаѣ надобности ея фактическимъ и активнымъ содѣйствіемъ, но когда понадобилась дѣйствительно энергическая и вооруженная помощь и поддержка со стороны Франціи, Франція отреклась отъ своихъ кліентовъ, отговариваясь то громаднымъ отъ Польши разстояніемъ, то предстоящими ей огромными военными издержками, то трудностью сообщенія съ Польшею и тому подобными отговорками и мнимыми препятствіями, которыя, до начала

интриги, надлежало Франціи заблаговременно предвидѣть и не обнадеживать поляковъ.

Приверженцы короля Лещинскаго, оставленные Франціею на произволъ судьбы, боролись поочередно то съ саксонскими, то съ русскими войсками; Польша въ этой неравной борьбѣ изнемогала и покорилась силѣ оружія, которое открыло путь къ польскому престолу Августу III.

Всѣ французскіе министры того времени умѣли ловко разжигать страсти поляковъ и вовлекать ихъ въ сѣть своихъ политическихъ интригъ. Казалось, Польшѣ слѣдовало быть осмотрительнѣе и осторожно относиться къ Франціи, помня ея поступокъ по злополучному дѣлу Станислава Лещинскаго, но, спустя десять лѣтъ, поляки все забыли, снарядили въ 1745 году посольство во Францію, во главѣ котораго стоялъ Мокроновскій, предложившій кн. Конти польскую корону, на случай смерти Августа III.

Людовикъ XV дозволилъ князю Конти принять посольство и вести съ нимъ переговоры.

Въ виду кандидатуры кн. Конти на польскій престолъ, Людовикъ XV-й сдѣлалъ князя шефомъ тайной своей канцеляріи, въ которой тогда составлена была смѣлая и фантастическая программа новой политической системы въ Европѣ. По этой программѣ предложено было: Францію соединить вѣчнымъ союзомъ съ Пруссіею, Польшею, Швеціею и Турціею; Англію лишить всѣхъ вообще союзниковъ; Австрію держать въ сторонѣ отъ дѣлъ европейскихъ, а Россію, —устранить отъ всякаго на тѣ дѣла вліянія. Дабы вполнѣ заинтриговать поляковъ и вовлечь ихъ въ французскую сферу иллюзій, содержаніе этой программы было конфиденціонально сообщено польскому посольству, а исполнителями программы назначены были во всѣ столицы тайные агенты секретной канцеляріи Людовика XV-го. Такимъ агентомъ въ Саксонію и въ Польшу назначенъ былъ полу-французъ, полу-итальянецъ, герцогъ де-Брольи. По словамъ историка Рюлье, это была необыкновенная личность: онъ былъ трудолюбивъ, обладалъ умомъ дѣятель-

нымъ, равно способнымъ какъ къ военному, такъ и къ гражданскому дѣлу; характеръ герцога былъ живой, безпокойный, дерзкій, горячій и неустрашимый. Онъ любилъ страстно, но и ненавидѣлъ страстно, безгранично, притомъ былъ смѣлый и отчаянно рѣшительный. Герцогъ де-Брольи былъ правою рукою кн. Конти и, какъ либералъ того времени, былъ почитателемъ Фридриха II; Англію ненавидѣлъ, какъ истый французъ, Австрію считалъ природнымъ врагомъ Франціи, о Россіи и слышать не хотѣлъ, а Польшу полюбилъ за то только, что она была предана вліянію Франціи и всецѣло ей довѣрялась.

Когда герцогъ де-Брольи пріѣхалъ въ Варшаву, Польша въ составѣ европейскихъ государствъ не имѣла никакого значенія и вліянія, съ нею ни одинъ дворъ не имѣлъ ни желанія ни надобности считаться. Хотя Англія была въ союзѣ съ Австріею и Россіею, а Франція въ союзѣ съ Пруссіею, но на прочность европейскаго мира никто не разсчитывалъ.

Постоянныя волненія и внутренніе безпорядки въ Польшѣ какъ нельзя болѣе подходили къ видамъ и цѣлямъ политики Людовика XV и его главнаго агента, герцога де-Брольи.

Король Августъ III и Чарторыскіе были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ, но Чарторыскіе вмѣстѣ съ симъ искали расположенія въ Лондонѣ, чрезъ англійскаго посланника въ Дрезденѣ Вилльямса, который съ Августомъ III пріѣхалъ въ Варшаву въ 1752 году.

Чарторыскіе, какъ люди передовые и добрые патріоты, понимавшіе всѣ недостатки тогдашняго государственнаго строя Рѣчи-Посполитой, желали какъ-нибудь ввести Польшу въ политическій союзъ съ Россіею, Англіею и Австріею, но для достиженія этой благой цѣли нужно было невозможное, — *единомысліе* сейма. Царствованіе Августа III, злополучное право единомыслія сеймовъ, истекающее изъ „liberum veto“, разсѣяло двѣнадцать сеймовъ изъ общаго

числа четырнадцати, а когда за симъ печальной памяти сохачевскій земскій посолъ, торговавшій явно своимъ правомъ „veto“, разрушилъ сеймъ, бывшій въ Гроднѣ въ 1752 году и притомъ дерзко посягнулъ на личность самого короля въ оффиціальномъ своемъ манифестѣ, тогда партія Чарторыскихъ сочла нужнымъ протестовать противу подобнаго и ничѣмъ необузданнаго своеволія пословъ, вслѣдствіе чего сто тридцать сенаторовъ Рѣчи-Посполитой составили, по совѣту Чарторыскихъ, адресъ сочувствія и преданности своему королю, прося его защитить край отъ безпорядковъ и вывести, наконецъ, Польшу изъ того хаотическаго состоянія, въ какомъ она тогда находилась.

Самъ гетманъ, Клеменсъ Браницкій, добрый полякъ и патріотъ, живо сочувствовалъ проекту необходимой реформы въ Польшѣ, онъ подписалъ сказанный адресъ и горячо у себя дома поощрялъ другихъ его подписывать.

Въ виду того новаго вѣянія въ Польшѣ, герцогъ де-Брольи не дремалъ, онъ сразу понялъ, что Польша, обновленная въ духѣ порядка и законности, Польша дружная съ Россіею и съ Австріею перестанетъ быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Франціи, для которой нужна была Польша *хаотическая*, Польша временъ Августа III. Герцогъ де-Брольи счелъ нужнымъ, для удовлетворенія требованіямъ политики Людовика XV, во что бы ни стало, разрушить благія начинанія польскихъ сенаторовъ, и легко достигъ преднамѣренной цѣли.

По словамъ Бутарика (Boutaric), изложеннымъ въ его: „Etat des ambassadeurs admis à la correspondance secrète par ordre de Louis XV“ товарищемъ герцога де-Брольи по тайной агентурѣ въ Польшѣ былъ Мокроновскій, бывшій глава польскаго посольства, посылаемаго во Францію въ 1745 году; герцогу де-Брольи легко было потребовать отъ Мокроновскаго, во имя извѣстной ему политической программы Людовика XV, разрушить и уничтожить усилія благомыслящихъ польскихъ сенаторовъ, въ самомъ началѣ ихъ политической акціи, и Мокроновскій, не долго думая,

явился во дворецъ гетмана Браницкаго, подъ предлогомъ подписать адресъ королю и тамъ, публично, разорвалъ почти готовый адресъ въ куски.

Своеволіе польскаго магната и агитатора вышло за предѣлы всякаго приличія и благоразумія.

Мокроновскій этимъ поступкомъ оскорбилъ польскій народъ въ лицѣ его представителей и государственныхъ сановниковъ; онъ, угождая сумасбродной политикѣ Франціи, обезчестилъ себя и сослужилъ плохую службу своему отечеству. Франція тогда легкомысленно играла съ Польшею, какъ кошка съ мышкою.

Наглая дерзость Мокроновскаго прошла безнаказанно, новый адресъ не состоялся, дѣла Польши пошли своимъ старымъ гибельнымъ порядкомъ, благодаря анархическимъ выходкамъ самодержавной польской шляхты и подстрекательствамъ французской тайной интриги.

Французскіе историческіе писатели восхваляютъ этотъ поступокъ герцога де-Брольи; мы видимъ въ немъ только фактъ, доказывающій ясно и наглядно, что Франція Людовика XV эксплоатировала Польшу для собственныхъ своихъ, часто фиктивныхъ, видовъ и цѣлей и этимъ путемъ, послѣдовательно, подвигала ее къ паденію.

Такой удачный шагъ герцога де-Брольи осмѣлилъ его организовать въ Польшѣ французскую партію, имѣвшую цѣлью противодѣйствовать сторонникамъ Россіи, Австріи и Англіи, — какъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Людовикъ XV въ 1756 заключилъ миръ съ Австріею, устранилъ отъ дѣлъ главу тайной своей канцеляріи, князя Конти, и велѣлъ герцогу де-Брольи занять его мѣсто.

Новый совѣтникъ и приближенный Людовика XV былъ уже явнымъ и непримиримымъ врагомъ поляковъ, склонявшихся къ Россіи.

Съ 1756 года, въ отношеніяхъ Франціи къ Польшѣ обнаруживается уже не тайная, а явная враждебная политика, цѣлью которой было содѣйствовать паденію Польши, то усиливая въ ней анархію, то развивая въ ней разла-

гающія начала, въ удостовѣреніе чего представляемъ читателю слѣдующіе многознаменательные и рѣжущіе глаза факты.

Среди кровавой борьбы въ 1759 году между коалиціею Франціи, Австріи, Саксоніи и Россіи противъ Фридриха II, новый французскій министръ Шуазель могъ и долженъ былъ, для пользы Польши, для пользы самой коалиціи, ввести Польшу въ эту войну, тѣмъ болѣе, что этого желалъ саксонскій дворъ, этого желала партія Чарторыскихъ, къ этому, наконецъ, легко было склонить стараго гетмана Браницкаго, а наконецъ, это былъ единственный и удобный моментъ вывести Рѣчь-Посполитую изъ той пассивной роли, какую она играла по отношенію къ иностраннымъ державамъ; но министръ Шуазель и слышать о томъ не хотѣлъ, онъ, по словамъ „Histoire de la diplomatie française“ par Flassan, IV, p. 134—145, вотъ что писалъ въ инструкціи, данной новому своему агенту въ Варшавѣ, маркизу де-Пальми:

„Что касается Польши, Франція до сихъ поръ держалась дорого стоющей методы, опиравшейся на давнемъ предразсудкѣ. Франція обходилась съ Польшею, какъ съ государствомъ, которое имѣетъ нормальное правительство, отъ котораго можно было бы ожидать чего-либо или опасаться его вліянія на европейскія дѣла. Это ошибка Франціи. Господствующая въ Польшѣ анархія вполнѣ согласна съ интересами Франціи и политика наша должна стремиться къ тому, чтобы эту анархію поддерживать. Еще долго нужно опасаться, дабы общая бѣда, вызванная конфедераціею, не довела народа до такого согласія, которое положило бы прочное основаніе правительству и укрѣпило его почву, однакожъ, *когда поддержаніе въ Польшѣ анархіи составляетъ главную цѣль инструкціи*, можно къ этой цѣли склонить конфедерацію. Вообще, маркизъ де-Пальми, по примѣру пословъ испанскаго и англійскаго, долженъ показывать видъ, что *король французскій есть защитникъ полской свободы и ея сторонниковъ*“.

Столь тонкому маккіавеллизму министра Шуазеля не легко бы вѣрить, еслибы всѣ до одного французскіе писатели того времени на содержаніе такой инструкціи не соглашались и еслибы того не удостовѣряли послѣдующія дѣйствія Шуазеля. По указанію изъ Парижа, маркизъ де-Пальми развивалъ анархію въ Польшѣ и ему въ томъ содѣйствовали всѣ тайные агенты, высланные нарочно въ Польшу шефомъ секретной канцеляріи Людовика XV, герцогомъ де-Брольи, а именно: Дюранъ — эксъ-министръ; Генненъ — секретарь посольства; Жеро, бывшій секретарь герцога де-Брольи и командированный въ Варшаву, послѣ смерти Августа III, французскій генералъ Монне.

Такова была сѣть французской интриги въ Польшѣ. Изъ поляковъ посвящали свои услуги Франціи, неизмѣнно вѣрный Людовику XV — Мокроновскій и бригадиръ Якубовскій.

Посредствомъ тѣхъ и другихъ агентовъ король французскій зналъ все, что дѣлалось въ Польшѣ, и не разъ говорилъ иронически, въ кругу своихъ приближенныхъ: „я для одной Польши содержу мою секретную канцелярію“.

Дабы вѣрнѣе достигнуть главной цѣли французской интриги, то-есть, *безпорядками въ Польшѣ занять Россію*, Людовикъ XV велѣлъ своимъ агентамъ, для формы и огласки, представлять себѣ мемуары и проекты о томъ, что можно сдѣлать для счастья Польши и поляковъ. Такими и тому подобными громкими фразами король французскій восхищалъ поляковъ, но въ серьезномъ случаѣ, когда нужно было дѣйствовать, Людовикъ XV уклончиво говорилъ: „для Польши не двину ни одного солдата“.

Министръ Шуазель, подражая Людовику XV, ненавидѣлъ Россію и изъ ненависти къ ней волновалъ Польшу и губилъ поляковъ. Въ 1762 году вступила на престолъ Екатерина II. Станиславъ-Августъ Понятовскій, повидимому, зналъ, что его ожидаетъ польская корона, и хотѣлъ было сблизиться съ французскимъ кабинетомъ, а пользуясь бытностью у себя въ Варшавѣ г. де-Бретейль, французскаго

посланника, ѣдущаго въ Петербургъ, неосторожно высказался передъ нимъ о своихъ намѣреніяхъ, совмѣстно съ Чарторыскими, произвести реформу въ Польшѣ. Людовикъ XV оттолкнулъ и Понятовскаго, и Чарторыскихъ, о чемъ упоминается въ книгѣ: „La Cour de Russie il y cent ans". Изъ этого факта видна непреклонная воля французскаго короля покровительствовать въ Польшѣ лишь тѣмъ полякамъ, которые только на одну Францію возлагали всѣ свои надежды и ей одной слѣпо и безсознательно довѣрялись.

Король Августъ III умеръ, наступила пора избранія новаго короля въ Польшѣ, пора сильныхъ волненій и интригъ въ Рѣчи-Посполитой.

Вѣрный указаніямъ своей инструкціи маркизъ де-Пальми объявилъ полякамъ, что „король французскій единственно того желаетъ, дабы народъ польскій остался при своихъ правахъ и привиллегіяхъ, а главное, при самой драгоцѣннѣйшей изъ нихъ: избирать себѣ королей. Король французскій не рекомендуетъ отъ себя никого, не сопротивляется какому бы то ни было выбору, даже не даетъ своего совѣта, ибо убѣжденъ, что Рѣчь-Посполитая сама отлично знаетъ свои дѣла, дабы не могла выбрать такого кандидата, который съумѣетъ со славою и справедливостью ею управлять".

Опять маккіавеллизмъ, опять пустая фразеологія, ибо, на самомъ дѣлѣ, французскія интриги были пущены въ ходъ и развиты въ высшей степени во время эллекціи Станислава-Августа.

„Не лучше ли было бы,—говорилъ нѣмецкій историкъ Раумеръ,—дабы Франція, не подстрекая духа партій, согласилась съ сосѣдними державами на выборъ Понятовскаго и тѣмъ помогла улучшенію польской конституціи"?

Вопреки желанію Франціи, Станиславъ-Августъ Понятовскій былъ избранъ королемъ и коронованъ 25-го ноября 1764 года.

Людовикъ XV и его министры остались этимъ выбо-

ромъ крайне недовольны и, повидимому, оскорблены и вслѣдъ за симъ отозвали маркиза де-Пальми изъ Варшавы, а вмѣстѣ съ нимъ выѣхала цѣлая корпорація французскихъ тайныхъ агентовъ изъ Польши.

Оскорбленное самолюбіе французскаго короля отразилось на злополучной судьбѣ польскаго народа, который невольно нажилъ себѣ въ Людовикѣ XV неумолимаго врага. Политика Франціи съ тѣхъ поръ систематически стремилась къ тому, дабы ускорить паденіе Польши. Людовикъ XV долго не признавалъ королемъ Станислава-Августа и едва въ декабрѣ 1765 года на это согласился.

Въ умѣ Фридриха II созрѣвалъ широкій планъ раздѣла Польши, и чѣмъ нагляднѣе этотъ планъ выдвигался впередъ, тѣмъ хладнокровнѣе выражалась Франція насчетъ участи Польши и будто бы казалось, что Людовикъ XV дѣйствовалъ за-одно съ Фридрихомъ II, въ доказательство чего министръ Шуазель сказалъ англійскому посланнику въ ноябрѣ 1767 года: „меня больше интересуютъ американскія затрудненія, нежели все то, что въ Польшѣ можетъ случиться“, а французскій резидентъ въ Вѣнѣ, Беранже, получилъ въ депешѣ отъ 12-го ноября 1766 года, по удостовѣренію Раумера (томъ IV, стр. 72), слѣдующую инструкцію: „Польша долго еще будетъ жертвою ненависти партій, мы можемъ хладнокровно смотрѣть на безпорядки въ этомъ краѣ и, если послѣдствіемъ того будетъ анархія, Польша останется тѣмъ, чѣмъ она была для насъ; въ противномъ же случаѣ, если король, укрѣпивъ монархическую власть, уничтожитъ республику, то при могуществѣ, какого тѣмъ путемъ достигнетъ, онъ останется союзникомъ Россіи, которой мы должны вредить во всѣхъ ея намѣреніяхъ, ибо Польша настолько насъ занимаетъ, насколько она будетъ полемъ русскихъ притязаній“.

Барская конфедерація дала королю Людовику XV и его министрамъ давно желанную возможность занять вниманіе Россіи и Польшею, и Турціею, причемъ Франція развила свою политику интригъ съ такою тонкостью и

ловкостью, которая доставила бы полное удовольствіе самому маэстро—Маккіавелли.

Въ началѣ конфедераціи, въ іюлѣ 1768 года прибылъ, по своему почину, въ Парижъ Мокроновскій, а за нимъ въ ноябрѣ епископъ Красинскій и оба самопроизвольно призывали именемъ Польши помощь Франціи. Съ тою-же нелегальною миссіею и цѣлью весь 1769 годъ провели въ Парижѣ такіе же самозванные послы: Вельгорскій, Ожаровскій и Ржевускій, а когда, подъ конецъ того же года, король Станиславъ-Августъ вмѣстѣ съ Сенатомъ выслали легальныхъ отъ имени Польши пословъ въ Парижъ и Лондонъ, тогда вышесказанные агенты барской конфедераціи объявили въ Парижѣ тѣхъ королевскихъ пословъ „*измѣнниками отечества*“.

Правительству Людовика XV, при провѣркѣ полномочій вышеназванныхъ лицъ, легко было отличить законныхъ отъ незаконныхъ представителей Польши или, смотря на дѣло съ монархической точки зрѣнія, выдѣлить легальныхъ пословъ королевской власти отъ агентовъ революціи, но министръ Шуазель обрадовался этой путаницѣ, онъ одинаково принялъ и одинаково усыпилъ и тѣхъ и другихъ: конфедератамъ онъ обѣщалъ помощь со стороны Франціи, а королевскихъ пословъ увѣрилъ, что ни Людовикъ XV, ни его правительство не принимаетъ никакого участія въ возстаніи конфедератовъ и о призваніи на польскій престолъ кого-либо другого вовсе не думаетъ.

Рюлье (Rulier, „*Ouevres*“, III vol., page 48) такъ описываетъ этотъ курьезный фактъ: „князь Шуазель, желая удовлетворить Францію за безчестіе, постигшее ее въ семилѣтней войнѣ, увидѣлъ съ радостью Россію, тратившую свои силы въ своихъ собственныхъ затрудненіяхъ“. Въ 1748 году, по ходатайству Англіи, въ помощь Австріи высланъ былъ русскій корпусъ на берега Рейна, что очень не понравилось Франціи, смотрѣвшей враждебно на каждое участіе Россіи въ дѣлахъ Запада.

По словамъ Рюлье, „возникшіе въ Польшѣ безпорядки

соотвѣтствовали плану французскаго министра Шуазеля и онъ горячо желалъ, чтобы эти безпорядки продолжались долго. Шуазель опасался *склонности* поляковъ къ примиренію и желалъ, прежде всего, довести безпорядки въ Польшѣ до крайнихъ предѣловъ". Все это дѣлалось для того, дабы легче было Франціи завладѣть Корсикою, дабы Англія, по примѣру 1848 года, не помѣшала Франціи и опять не двинула русскихъ войскъ на границы Франціи, на берега Рейна.

„Для того слѣдовало, говоритъ Рюлье, Россію задержать у себя — *дома*!" Для этой же цѣли князь Шуазель подстрекалъ противъ Россіи Турцію, для того онъ обѣщалъ конфедератамъ помощь, но не прежде, пока они окончательно не разрознятся съ королемъ Польши.

По мнѣнію князя Шауселя, — не грѣшно было пожертвовать и Польшею и Турціею, лишь бы Франція завладѣла Корсикою.

Въ половинѣ 1769 года Мокроновскій представилъ министру Шаузелю меморандумъ отъ старшинъ барской конфедераціи (Od Generalności Konfederacyi barskiej), которымъ старшины просили Людовика XV признать Вельгорскаго уполномоченнымъ въ Парижѣ по дѣламъ конфедераціи и домогались отъ Франціи денежной годовой субсидіи въ два милліона франковъ, дабы съ этими средствами конфедерація могла образовать стотысячную хорошо вооруженную армію, какъ для того, чтобы завладѣть всею Польшею, такъ и для того, чтобы безпокоить на всѣхъ пунктахъ русскую армію и тѣмъ служить диверсіею для Турціи.

Министръ, князь Шуазель и шефъ тайной канцеляріи Людовика XV, герцогъ де-Брольи, отлично понимали несбыточность такого проекта, какъ потому именно, что Людовикъ XV на осуществленіе его не далъ бы одного су, такъ и потому, что для приведенія этого проекта въ исполненіе нужно было Франціи неминуемо столкнуться съ Австріею и Пруссіею, но, не смотря на то, оба министра

оказали, повидимому, горячее сочувствіе этому смѣлому плану конфедератовъ и поощряли ихъ къ дальнѣйшимъ революціоннымъ дѣйствіямъ, враждебнымъ для Россіи и злополучнымъ для Польши, при чемъ дали Вельгорскому понять, что конфедерація не должна мириться съ королемъ Польши.

Историкъ Германнъ, въ своей: „Geschichte des Russischen Staats“ (T. V, 471), говоритъ, что прибывшему въ Парижъ Хрептовичу, посланнику короля Станислава-Августа, министръ, князь Шуазель, со свойственною ему маккіавеллевскою превратностью, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Франція очень довольна несогласіемъ короля съ Россіею и сочувствуетъ его намѣреніямъ помириться съ конфедератами, которымъ Франція окажетъ помощь, но тогда только, когда они будутъ съ королемъ дѣйствовать за-одно“.

Раумеръ въ томѣ IV своей исторіи, на стр. 258, приводитъ рапортъ англійскаго посланника въ Вѣнѣ отъ 9 іюня 1770 года, изъ котораго видно, что когда въ апрѣлѣ 1770 года маршалы барской конфедераціи, Красинскій и Потоцкій, объявили короля Станислава-Августа лишеннымъ престола, тогда французскій резидентъ въ Вѣнѣ, Durand (Дюранъ), получилъ приказаніе платить старшинамъ сказанной конфедераціи по шесть тысячъ червонцевъ въ мѣсяцъ и тогда прибылъ къ конфедератамъ отъ Шаузеля офицеръ Dumouriez (Дюмурье), для надлежащей организаціи конфедератскихъ партій, а резидентъ французскій въ Дрезденѣ получилъ тогда же приказаніе усиленно хлопотать о томъ, дабы дворъ саксонскій помогалъ конфедератамъ низвергнуть съ престола короля Станислава-Августа.

Превратность политическихъ интригъ Людовика XV и его достойныхъ совѣтниковъ и министровъ кажется неправдоподобною и невѣроятною, но всѣ до одного историки французскіе и иностранные согласны между собою при оцѣнкѣ зловреднаго вліянія Франціи на судьбу Польши. И въ самомъ дѣлѣ, по причинамъ до сихъ поръ непонятнымъ,

Франція относилась особенно враждебно къ Польшѣ въ послѣдніе годы ея существованія.

Въ дѣлѣ раздѣла Польши, Франція Людовика XV поступала въ высшей степени неблагородно для великой націи. Въ концѣ 1770 года, король прусскій Фридрихъ II началъ домогаться въ Петербургѣ раздѣла Польши и велъ о томъ настоятельные переговоры въ Петербургѣ, тайно отъ вѣнскаго кабинета, о чемъ въ Вѣнѣ узнали едва въ половинѣ 1771 года.

Марія-Терезія, на первыхъ порахъ, готова была съ оружіемъ въ рукахъ не допустить раздѣла Польши, изъ опасенія усилить и выдвинуть на первый планъ своего злѣйшаго врага и сосѣда, Пруссію.

Инстинктъ самообороны и разумно понимаемый государственный интересъ Австрійской имперіи, а не сантиментальность нервной женщины къ падающимъ царствамъ и народамъ, руководили политикою Маріи-Терезіи, въ виду проекта раздѣла Польши, при которомъ Австрія казалась изолированною.

По порученію Маріи-Терезіи, первый ея министръ, князь Кауницъ, спросилъ французскій кабинетъ, можетъ ли Австрія разсчитывать на помощь Франціи, взаимно обезпеченную версальскимъ договоромъ, по которому, въ случаѣ надобности, обѣ стороны обязались выставить или 24,000 войска, или выдать восемь милліоновъ лиръ деньгами; притомъ князь Кауницъ просилъ французскій кабинетъ, — предупредить короля Фридриха II, что, въ случаѣ войны изъ-за Польши, Австрія не выступитъ одна. Въ ожиданіи отвѣта Франціи, австрійская дипломатія завязала переписку съ Берлиномъ, Петербургомъ, Стокгольмомъ и Константинополемъ, нетерпѣливо ожидая каждой вѣсти, имѣющей связь съ раздѣломъ Польши, или разъясненія истинныхъ намѣреній двухъ сѣверныхъ державъ.

Между тѣмъ, Фридрихъ II энергически готовился къ войнѣ. По его плану, Россія должна была вступить въ Венгрію, Пруссія въ Моравію, а особо 50,000 русскихъ

войскъ должны были занять Польшу; одно только сильно безпокоило Фридриха II: *„что скажетъ на это Франція?“*...

Франція, къ полному удовольствію прусскаго короля, сказала чрезъ своего посланника въ Вѣнѣ, князя Рогана, что его правительство хочетъ какъ можно скорѣе избавиться отъ всѣхъ серьезныхъ политическихъ затрудненій въ Европѣ, дабы имѣть полную возможность и свободу дѣйствія заняться исключительно устройствомъ своихъ финансовъ. Такой отвѣтъ обезпокоилъ князя Кауница, но нисколько не озадачилъ Маріи-Терезіи, которая въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ 18 декабря 1771 года выразилась такъ:

„Вы знаете, милордъ, мое отвращеніе къ войнѣ, но я никакимъ образомъ не могу согласиться на раздѣлъ Польши и на такое возвышеніе моего противника. Мимо всѣхъ затрудненій, въ которыхъ я нахожусь, я хочу и должна буду взяться за оружіе и скорѣе всѣ мои силы истощу, нежели допущу увеличенія могущества короля прусскаго. Этого требуетъ интересъ Европы, а за симъ и мой; опасаюсь только того, нѣтъ ли какого либо тайнаго договора между Берлиномъ и Петербургомъ“.

Договора этого еще тогда не было. Петербургскій дворъ его не подписалъ, но въ январѣ 1772 года сорокатысячный русскій корпусъ занялъ Польшу, а этотъ фактъ, въ виду готовности Фридриха II начать войну, подѣйствовалъ сильно на императрицу Марію-Терезію и князя Кауница, озадаченныхъ отказомъ Франціи помогать Австріи, не смотря на версальскій договоръ. Между нихъ вмѣшался наслѣдникъ австрійскаго престола будущій императоръ Іосифъ II и сталъ доказывать, что Австрія, вмѣсто того, чтобы вести изъ-за Польши опасную войну съ двумя сильными сосѣдями, должна сама искать своихъ выгодъ въ дѣлѣ паденія Польши; вслѣдствіе такого посредничества въ дворцовомъ совѣтѣ рѣшено было 29 января 1772 года объявить князю Голицыну, россійскому посланнику въ Вѣнѣ, что вѣнскій кабинетъ не будетъ болѣе противиться намѣреніямъ

Россіи и Пруссіи, но при томъ присовокупилъ, что, для удержанія системы равновѣсія въ Европѣ, раздѣлъ надо отнести и къ другимъ государствамъ, намекая на Турцію, въ виду худо скрываемаго желанія Австріи присоединить къ своей державѣ придунайскія славянскія земли и народности и укрѣпиться твердо на Балканскомъ полуостровѣ.

Такое заявленіе Австріи сильно обрадовало Фридриха II, который со свойственнымъ ему цинизмомъ сказалъ: „надо Австрію наказать, не дать ей ни Сербіи, ни Бѣлграда, а заставить ее взять, наравнѣ съ нами, часть Польши". Объ этомъ упоминаетъ Янсененъ (Jansennen) въ своемъ: „Zur Genesis der ersten Theilung Polens" (стр. 146). О томъ же свидѣтельствуютъ шифрованныя депеши короля къ Сольму и къ принцу Генриху.

Когда князь Кауницъ сообщилъ эти слова императрицѣ Маріи-Терезіи, она съ горечью ихъ выслушала и сказала:

„Вижу хорошо, что я сама оставлена всѣми, да при томъ, не при силахъ, а потому оставляю эти дѣла ихъ теченію, хотя не безъ сильнаго *сочувствія*" [9]).

А между тѣмъ, послѣдній актъ исторической драмы, извѣстной подъ именемъ *„раздѣла Польши"*, приближался.

Россія и Пруссія, 17 февраля 1772 года, подписали трактатъ о раздѣлѣ Польши, а имѣя въ виду неполное, но условное, согласіе Австріи, на всякій случай готовились къ войнѣ съ Австріею.

Въ виду возможности войны, Фридрихъ II обѣщалъ дать 20,000 своего войска въ помощь Россіи въ Польшѣ, а самъ со всею арміею предполагалъ двинуться на Австрію. Россія, съ своей стороны, обѣщала дать Фридриху II на первыхъ порахъ только 10,000 войска, а покончивъ дѣла

---

[9]) Сочувствіе могло быть дѣйствительно; Марія-Терезія плакала, подписывая трактатъ о раздѣлѣ Польши, но эти слезы не помѣшали ея правительству, а въ особенности ея наслѣднику Іосифу II, самыми крутыми бюрократическими мѣрами и способами, онѣмечивать (denationalisiren) польскую и русскую Галицію (См. „Galiciana" Лозинскаго, Львовъ, 1872 года).

съ Турціею, послать еще 30,000, остальныя же всѣ свои силы двинуть на Венгрію, о чемъ удостовѣряетъ Fr. Smitt въ его сочиненіи: „Frédéric II, Cathérine et le partage de la Pologne“ (Paris, 1861, p. 72).

Князь Кауницъ, по вышеизложеннымъ нами политическимъ причинамъ, заключающимъ въ себѣ существенный интересъ Австрійской державы, былъ далекъ отъ изъявленія согласія на безусловный раздѣлъ Польши; его воздерживало, съ одной стороны, понятное негодованіе Маріи-Терезіи, а съ другой—слабая надежда на Францію.

Князь Кауницъ полагалъ, что Франція, хотя поздно, опомнится и пойметъ осязательно свой собственный въ этомъ дѣлѣ интересъ; за симъ Австрія, по-неволѣ, начала готовиться къ войнѣ: всѣ офицеры получили приказъ явиться къ своимъ полкамъ, а генералъ Ляудонъ, покрытый славою въ семилѣтней войнѣ, назначенъ былъ главнокомандующимъ австрійскими войсками.

Поговаривали въ Европѣ, что война между Австріей, съ одной, а Россіей и Пруссіей, съ другой стороны — неизбѣжна.

Австрійскій посолъ въ Парижѣ, графъ Мерси, получивъ настоятельныя отъ своего двора инструкціи, подалъ 18 февраля 1872 года французскому премьеръ-министру, князю д'Егильонъ, ноту, призывающую Францію къ общему дѣйствію противъ Пруссіи, для сохраненія цѣлости Польши.

Австрійскій посолъ свои требованія основывалъ:

1) на предложеніи Людовика XV, данномъ въ 1733 году, въ силу котораго французскій король обязался считать за свою личную обиду каждый ударъ, нанесенный Польшѣ, и

2) на договорѣ между дворами версальскимъ и вѣнскимъ, въ силу котораго оба правительства обязались не допускать, чтобы сѣверныя державы распространяли свои владѣнія.

Въ отвѣтъ на эту ноту, князь д'Егильонъ повторилъ прежде сказанное, что Франція обязалась помогать Австріи, но тогда только, когда австрійскія владѣнія были бы въ

опасности; что же касается Польши, то заявленіе Людовика XV относилось, по мнѣнію министра, къ выбору въ Польшѣ новаго короля, и только въ томъ единственномъ случаѣ считается обязательнымъ.

Такой изворотливый отвѣтъ французскаго премьеръ-министра не удовлетворилъ австрійскаго посланника и онъ подалъ вторичную ноту, въ которой опровергнулъ убѣжденія князя д'Егильонъ и потребовалъ, дабы въ виду опасности, которая угрожаетъ Польшѣ со стороны сѣверныхъ союзныхъ державъ, Франція дала рѣшительный отвѣтъ и, совмѣстно съ Австріею, изложила декларацію, цѣлью которой было бы предупредить раздѣлъ Польши.

По мнѣнію графа Мерси, это общее дѣло Франціи и Австріи, и обѣ державы должны оказать такую помощь, какой потребуютъ обстоятельства.

Такое энергическое требованіе со стороны Австріи озадачило князя д'Егильонъ, онъ обратился къ Людовику XV и получилъ разрѣшеніе дать такой отвѣтъ, чтобы не обидѣть императрицу Марію-Терезію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать на себя никакихъ обязательствъ.

Затѣмъ, князь Кауницъ счелъ нужнымъ попробовать еще одного пути: онъ зналъ о тайной канцеляріи, состоящей при особѣ Людвика XV, шефомъ которой былъ герцогъ де-Брольи, а потому предложилъ графу Мерси спросить герцога, какая, въ самомъ дѣлѣ, мысль короля?... Герцогъ де-Брольи отклонялъ отвѣтъ, притворяясь, что ничего не знаетъ.

Не имѣя другого выхода, австрійскій канцлеръ перенялъ тайную депешу Людовика XV, изъ которой документально убѣдился, что король рѣшительно избѣгаетъ войны.

Въ самомъ дѣлѣ, Людовикъ XV многократно повторялъ своимъ министрамъ:

„Je ne veux point la guerre, je m'en sais assez expliqué. A cinq cents lieues il est difficile de secourir la Pologne. J'aurais désiré qu'elle fût restée intacte, mais je ne puis

y faire, que des voeux". Достоинство этихъ словъ заключается въ ихъ откровенности.

Какъ жаль, что эта откровенность не руководила Франціею въ отношеніяхъ къ Польшѣ съ самаго начала царствованія Людовика XV. *Франкоманія* была долгое время хроническою болѣзнью поляковъ и болѣзнью смертельною.

Этой болѣзни поляки обязаны многими своими бѣдствіями и лишеніями.

Мы глубоко прочувствовали вліяніе Франціи на судьбу Польши и поляковъ.

Оцѣнивая критически приведенные нами выше историческіе факты, легко убѣдиться, что Франція, по легкомыслію своему, принадлежала къ числу опаснѣйшихъ враговъ, ласкающихъ подчасъ поляковъ, но всегда вводящихъ ихъ во искушеніе, на ихъ вѣрную гибель.

Сторонники Франціи,—а ихъ были цѣлые легіоны въ кругу отцовъ и дѣдовъ нашихъ,—увлекались французами до экзальтаціи, уклоняющей ихъ отъ всякой разумной критики и здравой оцѣнки совершившихся фактовъ.

Такъ легко обворожить поляковъ любезностью, присущею французскому высшему обществу.

Франкоманы не разъ намъ доказывали, что Франція дѣйствительно ничего не могла сдѣлать для спасенія Польши въ 1772 году.

Далеко не такъ!

Докажемъ это слѣдующимъ обличительнымъ фактомъ: въ подобномъ безсиліи, въ какомъ очутилась Польша въ половинѣ XVIII вѣка, находилась и Швеція. Безсиліе королевской власти, внутренніе безпорядки, а главное—открытая продажность,—терзали Швецію.

Если о Польшѣ саксонцы говорили, что она держится безурядьемъ (że Polska nierządem stoi), то въ Стокгольмѣ еще хуже отзывались, что продажность есть гарантія правъ и привиллегій каждаго шведскаго гражданина, какъ удостовѣряетъ Sautreau въ его „Correspondance de Suède" (v. II, p. 4). Фридрихъ II и тутъ не дремалъ.

Въ сочиненіи Тенгбера (Tengber): „Om Kejsarinnan Catharina II äsyfta de stora nordiska alliance“ (Lund—1863), а равно у графа Мандерштрема упоминается о трактатѣ между Россіею, Пруссіею и Даніею, въ силу котораго Швеція подлежала раздѣлу, въ случаѣ, еслибы шведскій король измѣнилъ форму правленія.

По смыслу этого трактата, Россія должна была получить Финляндію, Пруссія—сосѣднее Поморье, а Данія—Сканію и весь южный берегъ.

Для Швеціи предположено было оставить немного больше Далекарліи, изъ которой въ XVI вѣкѣ, во времена Густава I, возникло могущество дома Вазы. Трехвѣковой трудъ могъ исчезнуть подъ однимъ почеркомъ пера, которое уже чинилъ Фридрихъ II на погибель Швеціи.

Англія заявила свое содѣйствіе Россіи, Пруссіи и Даніи безъ всякаго интереса, а единственно изъ зависти къ Франціи, изъявившей готовность поддерживать короля шведскаго. Историкъ Фляссанъ (Flassan, v. VI, p. 570) говоритъ: „во всѣхъ сословіяхъ,—по словамъ французскаго посланника Вержена, находящимся въ его рапортѣ отъ 25 іюля 1771 года,—вмѣсто разумной воли и чувства чести вижу только алчную жадность“.

Сеймъ шведскій составлялся тогда изъ четырехъ палатъ:

1) Палата дворянская, имѣющая отъ 900 до 1,000 членовъ въ своемъ составѣ, изъ нихъ едва сорокъ членовъ вотировали по убѣжденію, остальные же голоса покупались по 3,000 до 4,000 ливровъ.

2) Палата крестьянская, которую можно было купить за 50,000 ливровъ.

3) Палата духовная, стоющая 300,000 ливровъ, и

4) Палата мѣщанская, оцѣненная въ лицѣ ея предсѣдателя въ 150,000 ливровъ.

Подобный торгъ на *plus* или *minus* повторялся каждый разъ при сеймѣ.

Въ этомъ униженіи спасло Швецію то, чего въ Польшѣ

не было, а именно: географическое положеніе, наслѣдственный престолъ и уничтоженіе крѣпостного права.

Франція серьезно и энергически спасала Швецію.

Въ 1763 году, министръ Шуазель далъ инструкцію французскому посланнику въ Стокгольмѣ, дабы онъ всѣми силами и зависящими отъ него способами поддерживалъ власть короля.

Герцогъ де Брольи совѣтовалъ Людовику XV обратить вниманіе на то, „что самую существенную пользу извлечетъ Франція изъ Швеціи, если будетъ имѣть дѣло лично съ королемъ, если вмѣсто бросанія денегъ народу и развитія тѣмъ путемъ продажности, Франція отдастъ тѣ деньги королю, для употребленія, какое онъ самъ сочтетъ нужнымъ (Boutaric. v. I. p. 475).

Людовикъ XV, въ борьбѣ короля шведскаго съ его подданными, усматривалъ общій всѣмъ государямъ вопросъ монархической власти и во имя того вопроса охотно сталъ на сторонѣ короля шведскаго.

Въ 1769 году французское правительство выдало королю шведскому чрезъ своего посла одинъ милліонъ шестьсотъ сорокъ восемь тысячъ ливровъ; въ 1770 году,—милліонъ четыреста тысячъ ливровъ; въ 1771 году, гр. Верженъ занялъ въ Голландіи для Швеціи два милліона ливровъ; въ 1772 году еще восемьсотъ тысячъ ливровъ, а всего Франція израсходовала для поддержаніи Швеціи пять милліоновъ восемьсотъ сорокъ восемь тысячъ ливровъ, и Швеція спасена. О вышесказанныхъ французскихъ затратахъ денегъ для Швеціи удостовѣряютъ: историкъ Раумеръ, томъ III, стр. 215 и депеша гр. Вержена, опубликованная въ 1857 году чрезъ Monthérot въ „Mémoires de l'Académie de Lyon".

Вотъ съ какими усиліями Франція спасала Швецію, а для спасенія Польши не нашлось во французской казнѣ *ни одного су*, во французскомъ кабинетѣ ни одного дѣльнаго дипломатическаго слова, котораго такъ опасался Фридрихъ II, и даже, сверхъестественнымъ образомъ, разстояніе Франціи

отъ Швеціи оказалось меньшимъ, нежели разстояніе Франціи отъ Польши, о которомъ говорилъ Людовикъ XV: a cinq cents lieues il est difficile de secourir la Pologne".

Вообще, обращаетъ на себя вниманіе рѣжущій глаза фактъ, что тотъ же Людовикъ XV и тѣ же его министры иначе говорили и дѣйствовали въ дѣлѣ Швеціи, а иначе— въ злополучномъ дѣлѣ Польши, съ которою Францію, въ нѣкоторомъ отношеніи, связывали договоры и обязательства, то-есть дѣла чести и нравственнаго долга, какъ ясно сказано въ послѣдней нотѣ австрійскаго посла, графа Мерси, поданной 18 февраля 1772 года французскому премьеръ-министру, князю д'Егильонъ.

Кстати повторить еще разъ эти многозвучныя обязательства Франціи по отношенію къ Польшѣ, обязательства, оставшіяся мертвою буквою; вотъ они:

1) Въ 1733 году, французскій король обязался считать за свою личную обиду каждый ударъ, нанесенный Польшѣ, и

2) по версальскому договору, Франція и Австрія обязались не допускать, дабы сѣверныя державы распространяли свои владѣнія.

Словомъ, Франція Людовика XV нарушила свои, данныя ею добровольно, обязательства по отношенію и къ Польшѣ и къ Австріи.

Польша пала, въ виду апатичнаго молчанія всѣхъ дворовъ европейскихъ.

Англія хладнокровно молчала, такъ какъ характеристическою чертою англійской политики въ XVIII вѣкѣ было невмѣшательство въ дѣла материка Европы, за исключеніемъ только тѣхъ крайнихъ случаевъ, когда она могла повредить Франціи; наконецъ, Англія всегда равнодушно смотрѣла на паденіе царствъ и народовъ, если только отъ этого не страдали ея матеріальные интересы. Извѣстна всему свѣту меркантильная политика Англіи, всецѣло озабоченной своею промышленностью и торговлею, а въ результатѣ всего—денежною наживою.

Швеція и Турція были безсильны и, наравнѣ съ Польшею, стояли на краю гибели.

Голландія, Данія, Италія, Испанія и Португалія были безгласны.

Голосъ Папы былъ уже тогда гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Оставалась только одна и единственная, по понятіямъ того вѣка, натуральная заступница и защитница Польши, горячо возлюбленная поляками Франція, отъ которой, какъ отъ земного Провидѣнія, поляки ожидали помощи и спасенія въ своемъ безвыходномъ положеніи, въ виду разставленныхъ на Польшу сѣтей королемъ прусскимъ, Фридрихомъ II.

Какъ отнеслась къ предсмертной агоніи Польши Франція?.. Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ мы дали въ настоящей главѣ, посвященной воспоминанію злополучнаго вліянія Франціи Людовика XV на судьбу Польши.

Надгробное слово, произнесенное на свѣжей могилѣ Польши Людовикомъ XV и его министрами, преисполнено цинизма, лицемѣрія и политики булавочныхъ уколовъ по адресу бывшей Польши, разлагаемой Франціею. Вотъ обличительные факты:

1. Людовикъ XV, тотчасъ послѣ раздѣла Польши, говорилъ лицемѣрно Ксаверію Браницкому, послу короля Станислава-Августа, что если бы онъ еще нашелъ возможность помѣшать соединеннымъ дѣйствіямъ трехъ дворовъ, то воспользовался бы ею, но пока они дѣйствуютъ заодно, онъ, король Франціи, не въ силахъ имъ мѣшать.

2. Тотчасъ послѣ раздѣла Польши, Франція отказала въ гостепріимствѣ маршаламъ несчастной барской конфедераціи, увлекаемымъ долго французскою интригою и тщетными надеждами на помощь Франціи, наконецъ, вынужденными скитаться по міру.

3. Тотчасъ послѣ раздѣла Польши, въ январѣ 1773 года, Франція искала союза съ Россіею.

4. Тотчасъ послѣ раздѣла Польши, Франція искала

торговаго трактата съ Пруссіею, расширившею свои территоріальныя владѣнія на счетъ Польши и, наконецъ,

5) Въ отношеніяхъ къ уменьшенной послѣ перваго раздѣла Польшѣ, Франція сохранила прежнюю холодность и цинизмъ, составляющій отличительную черту политики XVIII вѣка. Герцогъ де-Брольи, въ обширной запискѣ, составленной въ 1773 году для Людовика XV, съ цѣлью сблизить его съ Пруссіею, по словамъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Politique“ par Ségur (томъ I, стр. 299), выразился такъ: „останется въ Польшѣ король, пока это угодно будетъ Богу и тремъ сосѣднимъ державамъ; дѣла дошли до того, что еслибы этимъ тремъ державамъ угодно было изгнать короля польскаго и остальную часть его королевства раздѣлить между собою, ни Франція, ни остальная Европа не помѣшали бы имъ это сдѣлать. Какая бы судьба ни ожидала Польшу, она не будетъ имѣть ни связей, ни общихъ интересовъ съ Франціей или съ другими государствами. Въ глазахъ Франціи и Европы, Польша сдѣлалась членомъ, исключеннымъ изъ общества, членомъ умершимъ граждански, не имѣющимъ ни собственности, ни личности“.

Людовикъ XV въ XVIII вѣкѣ, а Наполеоны въ XIX смотрѣли всегда на поляковъ, какъ на яблоко раздора, не интересуясь нисколько будущею судьбою довѣрявшаго имъ польскаго народа.

Фактъ раздѣла Польши заставилъ однако-жъ Францію призадуматься. Сохе, въ томѣ I, на стр. 35, увѣряетъ, что дворы лондонскій, парижскій, стокгольмскій и копенгагенскій протестовали противъ раздѣла Польши, но въ такомъ протестѣ заключалась только лишь одна простая дипломатическая формальность; фактъ раздѣла Польши, совершившійся спокойно, по милости Людовика XV и его министровъ, не прошелъ безслѣдно для судебъ Франціи, помогшей Фридриху II возвеличить сосѣднее Прусское королевство.

Сто лѣтъ спустя, послѣднее слово раздѣла Польши сказала Пруссія—подъ Седаномъ!

Сто лѣтъ спустя, совершился первый раздѣлъ Франціи,— потомками Фридриха II-го!..

Рука исторической Немезиды неумолима!

Въ XVIII вѣкѣ, не коварная Франція, а благородный французъ, графъ Верженъ, далъ только одинъ разумный и честный совѣтъ Польшѣ, въ словахъ, сказанныхъ въ 1783 году Мокроновскому: *„жить въ согласіи съ Россіею и съ нею связаться тѣсными узами“*.

Въ XIX вѣкѣ, подобный совѣтъ давалъ полякамъ Гамбетта, трибунъ Франціи, смотрѣвшій на поляковъ сквозь призму собственнаго политическаго горя. Вотъ его слова: *„разумная политика поляковъ заключается въ серьезномъ и искреннемъ сближеніи ихъ съ Россіею“*.

Судьбѣ угодно было многократно предварять поляковъ, что они не должны никогда полагаться на чужую помощь а сами, собственнымъ своимъ умомъ и трудомъ, обязаны устраивать свой бытъ на условіяхъ возможно лучшихъ, сообразно съ политическими обстоятельствами и съ требованіемъ нашего желѣзнаго вѣка.

Совѣтъ здраваго смысла и исходная точка польскаго вопроса въ Европѣ слѣдующіе:

„Вѣчный разрывъ съ революціею и съ иностранными обнадеживаніями и подстрекательствами, а за симъ, искренній, братскій политическій союзъ поляковъ съ русскими и съ остальными братьями славянами“.

ГЛАВА III.

Поляки послѣ паденія Польши.

III. ПОЛЯКИ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ ПОЛЬШИ.

Державы, раздѣлившія Польшу, поспѣшили вырѣзать на надгробномъ ея камнѣ печальную эпитафію: „Finis Poloniæ“, хотя исторія учитъ, что государства падаютъ, а народы не умираютъ. Польша пала, подавленная нѣмецкою грубою силою и интригою, но на развалинахъ ея остались милліоны польскаго народа, обездоленнаго и обиженнаго чужеземною нѣмецкою, враждебною полякамъ, властью.

Сосѣди Польши раздѣлили между собою польскую землю, но народность, развивавшаяся въ теченіе вѣковъ и поколѣній въ предѣлахъ бывшей Польши, какъ положительная сила и неуловимая идея, дѣлежу не подлежала. Такова сила и живучесть каждой исторической старой народности.

Поляки, послѣ утраты своего отечества, проснулись отъ вѣкового сна, съ полнымъ сознаніемъ своихъ безчисленныхъ историческихъ ошибокъ въ прошломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вѣрою и надеждою на свое возрожденіе въ будущемъ, но не въ Польшѣ „отъ моря до моря“, въ чемъ поляковъ укоряютъ ихъ недоброжелатели изъ нѣмецкаго лагеря, а въ какой-либо новой формѣ народнаго существованія, какую укажетъ время и политическія обстоятельства невѣдомаго будущаго. Что̀, какъ и когда на

почвѣ польской народности можетъ устроиться, о томъ пока ничего и никому неизвѣстно, но достовѣрно извѣстно только то, что старая, польская, шляхетская Рѣчь Посполитая умерла уже на вѣки, и воскресеніе ея не только немыслимо, но даже нежелательно современнымъ полякамъ и ихъ потомкамъ.

Исторія не повторяется! Мертвые не воскресаютъ изъ гроба для политической жизни.

Одновременно съ паденіемъ Польши выдвинулся на сцену Европы великій военный геній вѣка — Наполеонъ I, и съ того времени начинается отчаянная, полная приключеній, борьба поляковъ за возстановленіе утраченнаго ими отечества.

Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и поляки ухватились за Наполеона I и, въ погонѣ за своимъ полу-богомъ, проливали свою кровь: въ снѣгахъ Апенинъ, на поляхъ Маренго, Гогенлиндена, въ Египетскихъ пескахъ, у подножья пирамидъ, въ Каирѣ, въ Испаніи, на поляхъ Аустерлица, Ваграма, Эйлау и Бородино; поляки охотно гибли въ ущельяхъ Сомо-Сіерра, въ Санъ-Доминго и на англійскихъ понтонахъ, словомъ, сражались и гибли вездѣ, гдѣ только увлекалъ ихъ за собою кровавый геній вѣка, Наполеонъ.

„Ils ont suivi Napoléon partout, éspérant qu'il rétablirait la Pologne“, говоритъ вѣрно одна французская брошюра. „Они слѣдовали за Наполеономъ вездѣ, въ надеждѣ, что онъ возстановитъ Польшу“.

Изъ-за любви къ идеалу утраченнаго отечества, поляки усѣяли своими костьми четыре части свѣта!

Доказавъ безграничную любовь свою къ отечеству, поляки вмѣстѣ съ тѣмъ доказали и право на свой „raison d'être“. Наполеонъ I, въ 1807 году, въ Тильзитѣ, вырвалъ изъ рукъ пруссаковъ много польскихъ земель, захваченныхъ Пруссіею до 1793 года, и образовалъ изъ нихъ, съ добавкою нѣкоторыхъ австрійско-польскихъ округовъ „Великое Герцогство Варшавское“.

За эту скромную лепту поляки были благодарны Наполеону, удовлетворившему въ нѣкоторомъ отношеніи ихъ народное чувство, хотя морщились за нѣмца, поставленнаго во главѣ герцогства [10]).

Гораздо болѣе Наполеона I сдѣлалъ для поляковъ, блаженной памяти императоръ Александръ I, возстановившій, мимо всеобщей оппозиціи на Вѣнскомъ Конгрессѣ, въ 1815 году, Конгрессовую Польшу, подвластную Россіи, въ лицѣ русскаго императора и польскаго короля.

Благодарность поляковъ высказалась своему королю-освободителю въ торжественной встрѣчѣ, оказанной императору Александру I въ Варшавѣ, ноября 12 дня 1815 г.

Въ этотъ достопамятный историческій день поляки ликовали, искренно радуясь своему освобожденію изъ-подъ тевтонскаго владычества и тогда именно выразилось славянское ихъ чувство ясно и отчетливо. Варшава приняла 12 ноября высокоторжественный праздничный видъ, воздвигнуты были тріумфальныя ворота; всѣ почти дома польской столицы были украшены флагами, цвѣтами и транспарантами, съ вензелевымъ изображеніемъ августѣйшаго имени любимаго монарха, при соотвѣтствующихъ торжеству надписяхъ; всѣ улицы и площади г. Варшавы были полны польскаго ликующаго народа.

Императоръ и король польскій Александръ I и при немъ Государь, Великій Князь и Цесаревичъ Константинъ

---

[10]) Понимаемъ, что въ серьезной политической брошюрѣ не должно быть мѣста для политическихъ анекдотовъ, но „en passant“ добавляемъ, что Н. И. Павлищевъ, въ своихъ „Седьмицахъ“ польскаго возстанія, т. IV, стр. 231, помѣстилъ стихи, приписываемые полковнику Мольскому, посредственному, но иногда остроумному стихотворцу. Вотъ начало этихъ курьёзныхъ стиховъ:

„W Księstwie panuje król — niemiec
„Polak w kraju, — cudzoziemiec.
„Żolnierz polski, pieniądz pruski,
„Rząd obcy, — kodeks francuzki.

Стихи эти доказываютъ понятное нерасположеніе поляковъ къ нѣмцамъ-правителямъ.

Павловичъ, въѣзжали рядомъ въ столицу Польши, между шпалерами польскихъ и русскихъ войскъ, при звукахъ польской и русской военной музыки.

Одѣтые въ польскіе мундиры и возложивъ на себя лишь одни польскіе ордена, Высочайшіе гости милостиво выслушивали многія привѣтствія по-польски, отъ духовенства, отъ военныхъ и гражданскихъ властей, а равно отъ разныхъ народныхъ депутацій и ласково разговаривали со всѣми поляками по-польски.

Польскіе безногіе и безрукіе ветераны наполеоновской арміи, при видѣ возстановленной императоромъ Александромъ Польши, плакали отъ радости и забывали наболѣвшія свои раны.

Восторгъ былъ народный, всеобщій, искренній, неподдѣльный! Президентъ г. Варшавы, Станиславъ Венгржецкій, при тріумфальныхъ воротахъ поднесъ императору и королю на голубой бархатной подушкѣ ключи г. Варшавы; но король не принялъ ключей, сказавъ милостиво, съ благосклонною своею улыбкою, что „ключи эти остаются въ вѣрныхъ рукахъ“.

Утонченная любезность и особыя ласки императора Александра I обворожили всѣхъ безъ исключенія поляковъ, потому они страстно любили и почитали своего освободителя. Ученые поляки посвящали его Августѣйшему имени свои труды,—имя это, было любезно и популярно въ цѣлой Польшѣ. Несмотря на послѣдующія со временемъ ограниченія польской конституціи, ограниченія, исходившія отъ Великаго Князя-Цесаревича Константина Павловича, или лучше сказать отъ окружавшей его канцелярской, бюрократической среды, поляки оплакивали горькими слезами преждевременную кончину незабвеннаго своего короля-освободителя; Польша надѣла добровольно всенародный трауръ, а сеймъ 1830 года, наканунѣ предстоящаго ноябрьскаго польскаго возстанія, единогласно постановилъ воздвигнуть памятникъ польскому королю Александру I, воскресившему Царство Польское.

Выраженіемъ этой искренней благодарности поляковъ является сто девятнадцать отдѣльныхъ литературныхъ трудовъ, посвященныхъ дорогому имени любимаго своего короля, какъ это видно изъ: „Bibliographie Polonaise par Charles Estreicher, ci-devant Professeur de bibliografie à l'université de Varsovie, Directeur de la Bibliothèque, des Jagell·ns à Cracovie. 1870".

Заря Конгрессовой Польши, созданной императоромъ Александромъ I, была ясна и свѣтла, полдень ея — былъ пасмурный, а вечеръ, къ несчастью, очень бурный и грозный.

Конгрессовая Польша управлялась своею конституціею, и имѣла сначала свое собственное, независимое мѣстное управленіе, свое войско, свои финансы, словомъ — свою полную автономію.

Намѣстникомъ короля и начальникомъ гражданскаго управленія въ Конгрессовой Польшѣ былъ полякъ, князь Заіончекъ, а главнокомандующимъ польскими и русскими войсками — Великій Князь-Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, которому современемъ, и по его настоятельному требованію, неожиданно для поляковъ, была предоставлена особая власть, называемая *„pouvoir discretionnel"* — власть, идущая въ разрѣзъ съ конституціонными порядками въ Польшѣ.

О вліяніи на Польшу этой „pouvoir discretionnel" безпристрастная исторія произнесла свой приговоръ.

Власть эта, примѣняемая часто, ложилась тяжелымъ гнетомъ на жизнь и развитіе конституціонныхъ учрежденій въ Польшѣ и, силою неизбѣжныхъ мѣстныхъ и многихъ постороннихъ обстоятельствъ, разразилась неожиданно катастрофою 1831 года.

Изъ числа русскихъ людей, приближенныхъ къ Великому Князю Константину Павловичу въ Варшавѣ, выдѣлялся особенно сенаторъ Новосильцовъ, правая рука Цесаревича, человѣкъ дѣловой, способный, но крутого нрава и самовластный, врагъ всякихъ либеральныхъ учрежденій,

не умѣвшій мириться съ конституціонными порядками въ Конгрессовой Польшѣ.

Сенаторъ Новосильцовъ зналъ хорошо и Польшу и поляковъ, ибо жилъ долго въ Польшѣ: въ 1813 году онъ былъ вице-предсѣдателемъ совѣта временнаго управленія Великаго Герцогства Варшавскаго; съ 1815 года, уполномоченнымъ русскимъ комиссаромъ при управленіи Царствомъ Польскимъ; съ 1818 года, консерваторомъ варшавскаго Ягеллонскаго университета, а съ 1821 года, предсѣдателемъ комитета народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ.

По почину сенатора Новосильцова [11]) и солидарной съ нимъ бюрократической русской партіи въ Варшавѣ, тотчасъ-же послѣ перваго сейма, бывшаго 4 сентября 1818 года, нарушена была польская конституція въ главныхъ ея основахъ и принципахъ: потребовано отъ польскаго сейма дѣла невозможнаго, какъ-то: уничтоженія отвѣтственныхъ министровъ, отмѣны традиціонной сеймовой обрядности, допущенія въ засѣданія сейма бюрократическаго элемента и другихъ тому подобныхъ перемѣнъ, идущихъ въ разрѣзъ съ конституціонными учрежденіями автономнаго Королевства.

Многимъ историкамъ и публицистамъ до сихъ поръ кажется неяснымъ и непонятнымъ то, почему поляки, пользуясь съ 1815 года конституціею и широкимъ автономическимъ управленіемъ въ Конгрессовой Польшѣ, не умѣли удержать за собою своихъ широкихъ правъ и потеряли ихъ добровольно въ ноябрьской революціи. Нѣкоторые относятся къ этому событію очень легко и очень поверхностно и, не желая разбирать фактовъ критически, голословно утверждаютъ, что поляковъ никогда и ничѣмъ удовлетворить нельзя, что ихъ желанія неограниченны и что они всегда домогаются больше и больше.

---

[11]) Въ „*Memoires*“ Князя Чарторыскаго, Новосильцовъ представляется человѣкомъ тонкимъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ одно время принадлежалъ къ партіи Воронцовыхъ и слылъ либераломъ. Въ Польшу онъ явился деспотомъ, враждебнымъ конституціи и автономіи.

Историки и публицисты въ этомъ случаѣ ошибаются! Де-Пуле выразился вѣрно: „поляки и русскіе, при близкомъ племенномъ родствѣ, никогда не понимали другъ друга“.

Не будь въ Конгрессовой Польшѣ, этой „*pouvoir discretionnel*“, поставленной надъ автономическимъ и конституціоннымъ королевствомъ, не будь въ Польшѣ сенатора Новосильцова и его бюрократической партіи, навѣрно не было бы революціи 1831 года. Полякамъ не страшна русская Верховная Власть, не страшны русскіе законы, но они не могли никогда примириться съ бюрократическимъ произволомъ.

„*Нѣтъ дыму безъ огня*“,—„*нѣтъ слѣдствія безъ причины!*“

Нельзя безусловно винить поляковъ за смуты 1831 года, вошедшія уже въ область исторической старины. Исторія указываетъ на дѣйствительныхъ виновниковъ этихъ злополучныхъ смутъ, — на правящую нѣмецкую, чуждую стариннымъ русскимъ правамъ и обычаямъ, бюрократію въ Варшавѣ.

Съ 1831 года, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ включительно, до вступленія на престолъ Императора Александра II, въ Польшѣ царствовалъ полнѣйшій милитаризмъ или военная диктатура князя Варшавскаго, продолжавшаяся въ менѣе сильной степени и при намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ, князѣ Горчаковѣ.

Подъ вліяніемъ этого военно-бюрократическаго режима поляки были безгласны и бездѣятельны, они составляли для бюрократіи обширную почву для всевозможныхъ административныхъ опытовъ и изслѣдованій. Тогда не было буквально поля для общественной работы, на все требовалась казенная мѣрка и рамка, словомъ,—не было тогда малѣйшей надежды на лучшее будущее для поляковъ въ Россіи; военно-полицейскія мѣры поглощали тогда все вниманіе варшавскаго правительства, которое само не замѣчало того грустнаго явленія, что жизнь недавно еще конституціоннаго народа сразу

остановилась и функціонировала неправильно, подъ гнетомъ военно-полицейскихъ мѣропріятій. Между тѣмъ, враги Россіи не дремали и старались убѣдить поляковъ въ томъ, чтобы они никогда и ничего не ожидали для себя отъ Россіи, а обращали свои взоры и упованія только на Западъ Европы, который, въ сущности, изъ русской Польши составилъ для своихъ собственныхъ видовъ и цѣлей арену для своихъ интригъ, а равно больное мѣсто Россіи.

Военная диктатура князя Варшавскаго сама за поляковъ думала, дѣлала, рѣшала и опредѣляла, что̀ для нихъ полезно, а что̀ вредно, и сама поэтому приняла на себя полную отвѣтственность за систематическое подготовленіе почвы для будущей несчастной и вовсе нежеланной революціи въ Польшѣ.

Къ тому же, скоро послѣ смерти князя Варшавскаго въ Варшавѣ случилось оффиціальное происшествіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и остающееся для многихъ до сихъ поръ загадочнымъ. Поляки, какъ извѣстно, во время Крымской войны оказались глухими на всѣ подстрекательства, идущія къ нимъ прямо изъ запада, враждебно настроеннаго противъ Россіи; въ Польшѣ, дѣйствительно, все обстояло благополучно и спокойно; поляки, во все время войны, держали себя безупречно, а польская молодежь, наравнѣ съ русскою, проливала свою кровь за Россію и гибла подъ стѣнами Севастополя.

Въ брошюрѣ дипломата, писавшаго подъ псевдонимомъ K. D. Schedo-Ferroti, подъ заглавіемъ: „*Etudes sur l'avenir de la Russie*“ 1864, въ главѣ VIII, на стр. 2-й авторъ говоритъ: „Malgré, je dirai même à cause de la pression que le gouvernement exercait sur le pays, la Pologne demeurait tranquille. Les années pendant lesquelles se fit la guerre de Crimée, années si propices à une insurrection, se passèrent sans qu'on se soulevât, et même, sans qu'on regrettât de ne pas avoir préparé les moyens pour un soulèvement“.

Аттестація благонадежности поляковъ кажется вполнѣ достаточна.

Въ 1856 году пронеслись въ Польшѣ слухи о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Александромъ II города Варшавы. Поляки радостно ожидали пріѣзда новаго своего монарха, связывая съ именемъ Александра, симпатичнымъ въ Польшѣ, пріятныя воспоминанія о своемъ блаженной памяти королѣ-освободителѣ.

Встрѣча монарха была вполнѣ торжественная, настроеніе поляковъ праздничное и радостное, какъ вдругъ, съ высоты трона, раздались неожиданно громовыя слова Императора: „*Point de réveries! Je sevirais et je saurais sevir!...*“

Поляки остолбенѣли!....

Угроза кары послѣдовала безъ сознанія малѣйшей вины со стороны поляковъ, ожидавшихъ отъ новаго монарха милостей и ласки.

Враги Россіи воспользовались этимъ случаемъ и разъяснили полякамъ, чтобы они никогда и ничего не ожидали для себя отъ Россіи, ибо въ этомъ смыслѣ и для этого нарочно произнесены были монархомъ слова: „*Point de réveries!....*“

Многіе приписываютъ этой злой интригѣ зародышъ революціи 1863 года и всѣхъ печальныхъ ея послѣдствій, выгодныхъ лишь для пруссаковъ.

Благія за симъ намѣренія и начинанія императора Александра II, явившіяся въ смутное, революціонное время, пришли для Польши не впору и въ самый неудобный моментъ сильнаго общественнаго броженія.

Еслибы подобныя права, исходатайствованныя маркизомъ Велёпольскимъ, были дарованы полякамъ въ нормальное, мирное время, они были бы надлежаще оцѣнены поляками и связали бы ихъ съ Россіею.

Поляки въ 1856 году просили императора Александра II гораздо меньше сдѣланныхъ имъ послѣ уступокъ, но ихъ просьба не была повергнута къ подножію Трона, опять-таки, какъ говорятъ, по интригѣ русскихъ нѣмцевъ, приближенныхъ къ Государю Императору.

K. D. Schedo-Ferroti [12]) на стр. 4 своей брошюры исчисляетъ эти просьбы и пожеланія поляковъ въ 1856 г.

Вотъ они: 1) возвратъ эмигрантовъ; 2) всепрощеніе сосланнымъ въ Сибирь; 3) участіе дворянъ-землевладѣльцевъ въ земской администраціи края и въ земскомъ судопроизводствѣ, и 4) основаніе польскаго университета.

Слова брошюры: „Ces quatre demandes étaient: 1) La rentrée des émigrés; 2) L'amnistie des détenus de Sibérie; 3) La participation de la noblesse terrienne à l'administration du pays, par le choix des juges et des officiers de paix dans les districts; 4) La création d'une université polonaise."

Далѣе авторъ брошюры замѣчаетъ: „Voilà à quoi se bornaient les prétentions des Polonais en 1856, voilà ce qui aurait suffi pour rendre populaire le gouvernement Impérial...."

Заключительное слово автора слѣдующее: „La Pologne, tout en étant irrévocablement unie à la Russie, doit être gouvernée par des Polonais".

Но этому не суждено было совершиться.

На весь за симъ періодъ времени съ 1863 года до нашихъ дней опускаемъ охотно занавѣсъ, такъ какъ подобнаго періода кары и сопряженныхъ съ нею испытаній не переживали еще никогда поляки.

Это испытаніе предназначено Провидѣніемъ, быть можетъ для пользы польской народности, сила которой крѣпка и живуча, несмотря на годину испытаній.

Оцѣнивая эту силу, одинъ русскій патріотъ выразился такъ: „Les Polonais sont élevés de manière à ne pas comprendre qu'ils puissent être autre chose que de Polonais".

Поляки отстаивали и будутъ отстаивать свой народный индивидуализмъ, они благодарны Богу за то, что ихъ

---

[12]) Schedo-Ferroti, курляндскій уроженецъ, баронъ Фирксъ, состоявшій при русскомъ посольствѣ въ Брюсселѣ, авторъ, надѣлавшій въ свое время много шума брошюрой, подъ заглавіемъ: „Que fera-t-on de la Pologne?"

народный организмъ не пораженъ еще—ни космополитизмомъ, ни соціализмомъ, ни нигилизмомъ.

Поляки будутъ всегда народомъ отстаивающимъ права своей западной культуры, которою они гордятся.

Средніе вѣка, ихъ вѣрованія и понятія давно миновали для всѣхъ народовъ запада, стало быть, миновали и для поляковъ.

Польская шляхта потеряла окончательно свою руководящую силу и значеніе,—она потонула и расплылась въ многомилліонной массѣ простого, освобожденнаго изъ крѣпостной зависимости и равноправнаго съ нею народа. Польской интеллигенціи, какого бы она ни была происхожденія, шляхетскаго или простонароднаго, предстоитъ будущее поляковъ и почетное мѣсто на аренѣ общественнаго труда.

Гербы, титулы и пергаменты сданы уже давно въ родовые архивы, дабы напоминали грядущимъ поколѣніямъ польской шляхты доблестное правило: „la noblesse oblige!“

„*Наука* и *трудъ!*“—это девизъ нашего вѣка. На всемірной аренѣ науки и труда выдвигается впередъ новая всемірная аристократія.

Эдиссоны ставятся теперь выше Рогановъ!

Золотыя слова умирающаго Гёте: „*Licht, mehr Licht!...*“ поняли народы запада, а трудолюбивый и мыслящій нѣмецкій народъ, носитель идеаловъ Гёте и Шиллера, — внялъ завѣту своихъ народныхъ геніевъ и сталъ на высотѣ своего призванія. Съ этимъ добрымъ народомъ славяне симпатизируютъ, но имъ противенъ наѣзднический, всепоглощающій „*furor theutonicus*“, дающій себя сильно чувствовать всѣмъ европейскимъ народамъ, чуждымъ тевтонскихъ инстинктовъ и стремленій.

Желаніе европейскаго мира составляетъ обще-сознанную потребность нѣмецкаго народа,—тевтонская политика „*крови* и *желѣза*“ вызываетъ европейскую войну. Во время осеннихъ преній о новомъ военномъ кредитѣ, въ ноябрѣ 1889 года, соціалъ-демократъ Бебель сказалъ между прочимъ въ германскомъ рейхстагѣ: „Народъ не хочетъ войны!

Оффиціозная печать увѣряетъ насъ, что только правительству онъ обязанъ сохраненіемъ мира, въ дѣйствительности же происходитъ совершенно обратное явленіе. Война входитъ въ систему господствующихъ классовъ".

Если за симъ, на слѣдующихъ страницахъ нашей брошюры, прорвется иногда острое наше слово противъ нѣмецкой политики вообще, то просимъ благородный нѣмецкій народъ не принимать этого слова горечи на свой счетъ, а передавать оное по адресу: „*furor theutonicus in Berlin*".

Поляки имѣютъ вѣковой историческій процессъ съ тевтонами, но не имѣютъ никакихъ счетовъ съ культурнымъ нѣмецкимъ народомъ, вложившимъ крупный вкладъ науки и труда въ дѣло западной цивилизаціи, съ которою ихъ собственная неразрывно связана. Поляки это помнятъ тѣмъ тверже, что въ одно время эта западная цивилизація ставилась полякамъ въ укоръ и въ вину, и за нее извѣстнаго пошиба публицисты хотѣли было поляковъ выбросить за бортъ славянскаго корабля.

Прости имъ Господи,—не вѣдаютъ, что творятъ!

ГЛАВА IV.

Историческія прусско-русскія отношенія съ начала XVI вѣка до нашихъ дней.

IV. ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРУССКО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ СЪ НАЧАЛА XVI ВѢКА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Знаменитый русскій публицистъ, С. С. Татищевъ, въ одномъ изъ своихъ „политическихъ обозрѣній“, помѣченномъ „Парижъ 20 іюля (1 августа) 1889 года“, говоритъ слѣдующее:

„Россія, — разсуждаютъ питомцы берлинскаго генеральнаго штаба, — естественный врагъ Германіи, историческій и географическій. Задача новосозданной имперіи Гогенцоллерновъ — разгромить, расчленить ее, отбросить за Вислу, за Нѣманъ, за Днѣпръ, вогнать въ Азію, лишить всякаго вліянія на судьбы Европы. Такова историческая миссія, оказавшаяся не подъ силу Фридриху Великому и Наполеону, выпавшая на долю современнаго нѣмецкаго поколѣнія. Съ уничтоженіемъ могущества Россіи, ничто уже не будетъ препятствовать широкому распространенію нѣмецкой культуры во всѣ концы вселенной и утвержденію политическаго господства Германіи не только надъ всѣмъ нѣмецкимъ, но и надъ романскимъ и славянскимъ мірами.

„А если такъ, то чего же медлить?..

„Чѣмъ раньше примется Германія за осуществленіе своей задачи, тѣмъ легче разрѣшитъ ее. Пока еще перевѣсъ силъ на ея сторонѣ. Германія вооружена съ головы до ногъ, измышлены всѣ способы нападенія, приняты всѣ мѣры. Съ другой стороны, Россія еще не готова отразить

вторженіе. Вооруженныя силы ея далеко не достигли крайняго предѣла напряженія. Финансы не вполнѣ окрѣпли, стратегическіе желѣзные пути не достроены, наконецъ, у нея нѣтъ пока союзниковъ въ Европѣ. Не заключенъ оборонительный союзъ съ Франціею, не возстановлены нормальныя отношенія къ единовѣрнымъ государствамъ Балканскаго полуострова. Всего этого еще нѣтъ, но все это можетъ быть современемъ. Ждать ли той минуты, когда Россія, познавъ все то, чего требуютъ ея интересы политическіе и военные, изъ великой могущественной державы, какова она уже и нынѣ, преобразуется въ державу *неодолимую?*

„Что же отвѣчаютъ на это органы нѣмецкаго канцлера?.. Отвергаютъ ли они исходную точку разсужденій берлинскихъ стратеговъ? Ставятъ ли иную цѣль внѣшней политикѣ Германіи?.. Ничуть! Относительно этой цѣли между всѣми нѣмцами военными и статскими, учеными и неучеными, правительственными чиновниками и простыми обывателями господствуетъ трогательное единомысліе. Но если въ цѣли согласны всѣ, то о средствахъ спорятъ съ остервенѣніемъ. Не дѣло военныхъ, — утверждаютъ газетные голоса, внушаемые изъ Wilhelmstrasse, — опредѣлять ни способы, ни время дѣйствія. Армія есть не что иное, какъ орудіе политики и къ ней прибѣгаютъ, какъ къ *ultima ratio*, лишь когда исчерпаны всѣ прочія *мирныя* средства. Въ возраженіяхъ этихъ прежде всего сказывается страстная ревнивость, съ которою князь Бисмаркъ оберегаетъ ввѣренное ему вѣдомство отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Но нельзя не признать также, что мнѣніе свое о дѣйствительности дипломатическихъ средствъ въ борьбѣ съ возрастающею мощью Россіи нѣмецкій канцлеръ основываетъ на двухвѣковомъ опытѣ, извѣстномъ въ имперіи подъ названіемъ *традиціонной русско-прусской дружбы.*

„Кто не слыхалъ у насъ объ этой пресловутой дружбѣ, въ продолженіе двухъ столѣтій яко-бы связывавшей неразрывными узами Россію и Пруссію? Въ нашихъ дипло-

матическихъ кругахъ вѣра въ упомянутую дружбу недавно еще была возведена на степень догмата и стояла выше какихъ-либо испытаній или сомнѣній. Никому и въ голову не приходило изслѣдовать ея сущность, провѣрить дѣйствительность, подвести итоги ея политическихъ результатовъ. Напротивъ, въ Германіи она была подвергнута тщательному и всестороннему изученію. Давно уже нѣмецкая историческая наука пришла къ убѣжденію, что, если трудно побороть Россію, то ничего нѣтъ легче, какъ обойти ее. Князь Бисмаркъ съ первыхъ лѣтъ вступленія своего на дипломатическое поприще усвоилъ себѣ этотъ урокъ исторіи и за все время нахожденія своего у власти никогда не упускалъ его изъ виду.

„Въ томъ-то и главная наша бѣда, ставящая насъ относительно прочихъ государствъ, а въ частности Германіи, въ положеніе невыгодное, а порою унизительное, что мы плохо знаемъ собственную нашу исторію“.

Легенду о двухсотъ-лѣтней дружбѣ и союзѣ съ Пруссіею мы съ настойчивостью, достойною лучшей участи, повторяемъ съ голоса нѣмцевъ, не подозрѣвая, что, при мало-мальски внимательномъ отношеніи къ предмету, эта прусская дружба не выдерживаетъ самой поверхностной и снисходительной критики.

Начало дипломатическихъ сношеній Россіи съ Пруссіею относится къ XVI вѣку, когда Альбрехтъ Бранденбургскій, послѣдній великій магистръ нѣмецкаго ордена и первый свѣтскій герцогъ Пруссіи, предложилъ великому князю Василію Іоанновичу Московскому союзъ противъ Польши и Литвы. Обнародованные Русскимъ Историческимъ Обществомъ документы устанавливаютъ, что эта первая попытка государя изъ Гогенцоллерновъ заручиться поддержкою Россіи была разсчитана на обманъ, и что, заполучивъ отъ насъ помощь людьми и деньгами, герцогъ Альбрехтъ заключилъ съ Рѣчью Посполитою отдѣльный миръ, ни мало не заботясь о выполненіи принятыхъ на себя передъ нами союзныхъ обязательствъ.

Тоже повторилось сто тридцать лѣтъ спустя, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ возобновлена была союзная связь между Московскимъ государствомъ и великимъ курфюрстомъ. Ссылаемся въ данномъ случаѣ на профессора Ѳ. Ѳ. Мартенса, котораго никто, конечно, не заподозритъ въ предвзятой враждебности къ Пруссіи и который въ предисловіи къ V тому своего „Собранія трактатовъ и конвенцій“ приводитъ неоспоримыя доказательства недобросовѣстности берлинскаго двора въ его сношеніяхъ съ Москвою въ XVII вѣкѣ; исторія сношеній Петра Великаго къ королямъ прусскимъ Фридриху I и Фридриху-Вильгельму I, составляетъ продолженіе той же системы лицемѣрія и обмана, которые позволили Пруссіи усилиться и расшириться, благодаря помощи Россіи безъ того, чтобы она когда-либо оказала Россіи поддержку или просто доброжелательство.

Въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія Пруссія то и дѣло переходила съ русской стороны на сторону враговъ Россіи и обратно безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, иногда на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, руководствуясь исключительно собственными выгодами и нисколько не стѣсняясь договорами, попеременно заключенными то съ Россіею, то съ ея противниками.

Далѣе Татищевъ говоритъ: прусская беззастѣнчивость относительно Россіи достигла крайнихъ предѣловъ въ правленіе Фридриха II. Изданная берлинскою академіею наукъ политическая переписка этого государя являетъ намъ на каждомъ шагу двуличіе, коварство и обманъ, возведенные на степень руководящихъ началъ его политики по отношенію, впрочемъ, не къ одной Россіи, но и ко всѣмъ остальнымъ государствамъ Европы. Мы ничего не знаемъ возмутительнѣе тѣхъ лживыхъ увѣреній въ дружбѣ, которую онъ расточалъ императрицамъ Елисаветѣ и Екатеринѣ II, осыпая ихъ одновременно бранью и клеветою въ довѣрительныхъ сообщеніяхъ своихъ собственнымъ министрамъ или иностраннымъ государямъ. Къ счастію для Россіи, обѣ

императрицы не поддавались льстивымъ словамъ и съумѣли, первая въ открытой борьбѣ съ Фридрихомъ, вторая въ настойчивомъ противудѣйствіи его своекорыстнымъ замысламъ, отстоять государственныя пользу, честь и достоинство Россіи.

„Еще далѣе,—говоритъ Татищевъ,—пошелъ порочный и презрѣнный преемникъ знаменитаго дяди, Фридрихъ-Вильгельмъ II. Постоянныя колебанія его между Россіею и ея врагами въ эпоху второй турецкой войны, французской революціи и двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши, превышаютъ всякое вѣроятіе и превзойдены лишь поведеніемъ Фридриха-Вильгельма III отъ самаго вступленія его на престолъ до славнаго для Россіи исхода отечественной войны 1812 года.

Авторъ сочиненія: „*Императоръ Николай и иностранные дворы*“, С.-Петербургъ 1889, на стр. 225, такъ разсказываетъ отношенія къ Россіи прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III: Въ исторіи международныхъ сношеній европейскихъ государствъ не существуетъ другого примѣра столь быстрыхъ и рѣзкихъ перемѣнъ, какъ тѣ, которыя въ продолженіе первыхъ тринадцати лѣтъ настоящаго столѣтія происходили во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Пруссіи, нѣсколько разъ переходившихъ отъ самой тѣсной дружбы къ открытой враждѣ... И такъ, въ 1802 году, во время свиданія императора Александра I съ королемъ прусскимъ въ Мемелѣ, король Фридрихъ-Вильгельмъ III поклялся ему въ вѣчной дружбѣ, но вслѣдъ за симъ, въ слѣдующемъ 1803 году предлагалъ Наполеону вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ. Въ русско-прусской декларацiи отъ 12 — 24 мая 1804 года установлены были общія мѣры противудѣйствія Франціи, но какъ только дѣло дошло до ихъ исполненія, король прусскій не только отказался приступить къ коалиціи, но и воспротивился проходу русскихъ войскъ чрезъ прусскія владѣнія. Въ 1805 году 22 октября (3 ноября) послѣдовало заключеніе Потсдамскаго договора между Россіею

и Пруссіею. Русскій императоръ и прусскій король клялись въ вѣчной дружбѣ на гробницѣ Фридриха Великаго, причемъ Пруссія обязалась присоединить всѣ свои силы къ силамъ Россіи, Австріи и Англіи для общаго дѣйствія противъ Наполеона, но шесть недѣль спустя послѣ подписанія Потсдамскаго договора, берлинскій дворъ, устрашенный исходомъ аустерлицкаго сраженія, не только покинулъ своихъ союзниковъ, но безъ ихъ вѣдома заключилъ тайно съ Франціею союзный трактатъ. Это, однако же, не помѣшало прусскому королю въ 1806 году опять казаться сторонникомъ Россіи и склоняться къ ней. По Тильзитскому договору 26 іюня (8 іюля) 1807 года, Наполеонъ лишь изъ уваженія къ императору Александру I возвратилъ королю прусскому часть его владѣній, что не помѣшало прусскимъ министрамъ обвинять Россію въ вѣроломствѣ и въ измѣнѣ союзническому долгу. Въ 1808 году и въ началѣ 1809, въ виду признаковъ близкаго разрыва между Россіею и Франціею, прусскій король и его совѣтники удалялись отъ Россіи и склонялись въ пользу сближенія съ тюльерійскимъ дворомъ. Въ 1811 году, была заключена русско-прусская тайная конвенція о совокупномъ дѣйствіи противъ Франціи, но король прусскій, согласившійся на заключеніе конвенціи, не утвердилъ ея своимъ подписомъ и взялъ на себя починъ предложить Наполеону наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи, и договоръ, враждебный Россіи, былъ заключенъ между Пруссіею и Франціею въ Парижѣ 12—24 февраля 1812 года, по которому Пруссія предоставляла Наполеону двадцатитысячный вспомогательный корпусъ противъ Россіи, за что при заключеніи мира Наполеонъ обѣщалъ Пруссіи территоріальное вознагражденіе на счетъ русскихъ владѣній.

За симъ въ цѣлый промежутокъ времени, между Вѣнскимъ конгрессомъ и Крымскою войною, въ политикѣ берлинскаго двора замѣчается болѣе устойчивости, благодаря вліянію на Пруссію сильной воли императора Николая, при которомъ Пруссія будто бы примыкала къ Россіи во

всѣхъ внѣшнихъ вопросахъ, но и тутъ дѣло не обходилось безъ значительныхъ недочетовъ и уклоненій.

Объясняется это прежде всего неисчислимыми выгодами, извлеченными изъ благосклоннаго выше всякой мѣры расположенія къ Пруссіи императоровъ Александра I и Николая. За то съ перваго дня возникновенія восточныхъ замѣшательствъ, приведшихъ къ Крымской войнѣ, Пруссія снова подъ личиною дружбы и преданности точила въ тайнѣ ножъ на Россію, замышляла ея расчлененіе и если не вступила въ ряды ея явныхъ враговъ, то потому только, что морскія державы отвергли, въ угоду Австріи, предложенныя имъ королемъ прусскимъ услуги.

Такимъ образомъ, повторяемъ, въ продолженіе двухъ столѣтій Пруссія въ отношеніяхъ своихъ къ Россіи руководилась исключительно своекорыстнымъ разсчетомъ: то примыкала къ Россіи, то обращалась противъ нея, извлекая всегда изъ союзовъ всевозможныя выгоды и никогда не думая объ отплатѣ услугою за услугу.

Государственному росту Россіи Пруссія помогала лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ сопровождался собственнымъ ея приращеніемъ, и не пропускала ни единаго случая поживиться на счетъ Россіи, приступая къ общеевропейскимъ противъ Россіи коалиціямъ, причемъ берлинскій дворъ не переставалъ никогда прикрывать свои дѣйствія щедро расточаемыми Россіи увѣреніями въ союзнической вѣрности и родственной любви.

Такова была Пруссія по отношенію къ внѣшней политикѣ Россіи, изъ которой Россія всегда выходила, если не торжествующею побѣдительницею, то цѣлою и невредимою.

Гораздо болѣе зла причинила Россіи Пруссія, и ея агенты, во внутренней политикѣ Россіи по такъ называемому *„польскому вопросу“*, изъ котораго Пруссія успѣла сдѣлать *„Ахиллесову пяту Россіи“*,—ея *„больное мѣсто“*.

Пруссія, съ незапамятныхъ временъ, прямо или косвенно, всегда и при каждомъ удобномъ случаѣ подкапы-

валась подъ Россію и отдаляла отъ нея и Францію и поляковъ, какъ-бы предчувствуя, что искренніе союзы франко-русскій и русско-польскій должны измѣнить вліяніе Пруссіи и на Россію, и на дѣла Европы.

Доказательствомъ самаго утонченнаго прусскаго макіавеллизма по адресу Россіи, служатъ два слѣдующіе, касающіеся польскихъ дѣлъ, историческіе документы: 1) наканунѣ перваго раздѣла Польши, во время самыхъ дружественныхъ и, повидимому, интимныхъ отношеній между Пруссіей и Россіей, Фридрихъ II писалъ 8 марта 1769 года брату своему, принцу Генриху о Россіи слѣдующее: „C'est une terrible puissance qui dans un demi siècle fera trembler toute l'Europe...“ (Это грозная держава, которая въ теченіе полувѣка будетъ угрожать цѣлой Европѣ), а ниже сего Фридрихъ II говоритъ: „Je n'y vois plus de remède qu'en formant avec le temps une ligue des plus grands souverains pour s'opposer à ce torrent dangereux“. (Я не вижу другого способа, какъ образовать со временемъ лигу изъ первостепенныхъ государей, дабы противудѣйствовать этой опасности). Извлеченіе это сдѣлано изъ сочиненія Duncker'a: „Aus der Zeit Friedrichs des Grossen“ (Leipzig, 1876). Нѣмецкій источникъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Слова Фридриха II,—это закваска нынѣшней пресловутой „*Лиги мира*“, направленной всецѣло противъ Россіи. Изъ этого многознаменательнаго документа ясно видно, что хотя еще раздѣлъ Польши фактически не состоялся, но Фридрихъ II, заботясь только о собственныхъ своихъ пользахъ и выгодахъ, опасался возможнаго государственнаго роста Россіи, завидовалъ ему и придумывалъ коварные планы и способы, какъ-бы повредить Россіи, а при удобномъ случаѣ поживиться на счетъ ея будущихъ владѣній. 2) Другой, въ этомъ же родѣ и духѣ документъ, современный первому, вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе. Это рапортъ Нугента (de Nugent), австрійскаго посланника при дворѣ Фридриха II отъ 26 ноября 1768 года. Въ этомъ рапортѣ находится слѣдующій любопытный

разговоръ о томъ, какъ понималъ великій прусскій вдохновитель Екатерины II-й заключенный съ нею союзъ, которымъ подъ видомъ вмѣшательства въ дѣла Польши, Пруссія положила основаніе нѣмецкимъ кознямъ въ славянскомъ мірѣ. Нугентъ сто двадцать лѣтъ тому назадъ устраивалъ свиданіе Фридриха II съ Іосифомъ II въ 1769 году въ Нейсѣ и старался убѣдить прусскаго короля въ необходимости сплоченія нѣмецкихъ силъ Австріи и Пруссіи, въ виду *„извѣстныхъ притязаній сосѣдей“* (читай *„Россіи“*), значитъ нѣмцы участіе Россіи въ раздѣлѣ Польши считали и называли прямо *притязаніемъ*. Фридрихъ соглашался на предложеніе Нугента и прибавилъ: „de cette manière il ne pourrait pas être question d'angrandissements futurs ni de la part de la France... ni *d'autre part*“. (Такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о расширеніи границъ въ будущемъ ни Франціи—ни другой стороны) (читай: „со стороны Россіи) Нугентъ понялъ, что значитъ *„d'autre part“* и сказалъ: „de cette autre part Votre Majesté est un peu plus exposée que nous...“ „C'est vrais—отвѣчалъ король—que messieurs les Russes s'étendent aussi loin qu'il leur plait du côté de la mer Noire; mais du côté de l'Europe“... (Съ этой другой стороны Ваше Величество болѣе подвержены опасности, нежели мы... „Это вѣрно,—отвѣчалъ король,—что господа русскіе посягаютъ такъ далеко, какъ это имъ желательно по направленію къ Черному морю, но со стороны Европы....“) Фридрихъ II не кончилъ угрозы, но австрійскій посолъ хорошо его понялъ и ничего больше не требовалъ. (Arneth: „Geschichte Maria Theresia“, VIII томъ, стр. 562).

Это опять закваска берлинскаго конгресса, бывшаго въ 1768 г., при участіи „честнаго маклера“.—Это программа для всѣхъ будущихъ конгрессовъ, направленныхъ противъ Россіи, при столкновеніи ея съ западомъ Европы.

Изъ этихъ двухъ источниковъ, завѣщанныхъ Пруссіи Фридрихомъ II, истекаетъ прямое направленіе той антирусской политики, которую Пруссія постоянно примѣняетъ

къ Россіи, не желавшей почему-то этого видѣть и оцѣнить надлежащимъ образомъ.

Въ доказательство неизмѣнности этой политики, приводимъ слѣдующій, довольно длинный перечень прусскихъ услугъ по адресу Россіи.

1) Въ 1788 году Пруссія интриговала сильно въ Польшѣ, чтобы перемѣнить форму правленія, учрежденнаго Россіею въ 1775 году, подъ именемъ *„постоянной рады“* короля, а въ сущности для того только, чтобы разрознить Польшу съ Россіей.

2) Въ 1790 году, въ то время, когда Россія съ Австріею были заняты войною съ Турціею, союзница ихъ, Пруссія, заключила съ поляками тайный договоръ, которымъ обѣщала защищать цѣлость и независимость Польши отъ новыхъ посягательствъ со стороны Россіи и Австріи, а въ сущности для того только, чтобы сѣять раздоры между Польшею и Россіею.

3) Въ 1807 году, въ Тильзитѣ, Наполеонъ возстановилъ Великое Герцогство Варшавское, и пруссаки помирились съ этою политическою необходимостью, но когда, впослѣдствіи, пронеслись слухи о намѣреніи императора Александра I возстановить Польшу, прусскіе дипломаты настойчиво домогались возвращенія Пруссіи Великаго Герцогства Варшавскаго (съ нѣкоторыми австрійско-польскими округами, вошедшими въ его составъ), но когда это не удалось, составили смѣлый планъ во что бы ни стало ослабить и унизить Россію.

4) Въ 1812 году Пруссія выставила двадцати-тысячный корпусъ противъ Россіи и содѣйствовала познанскимъ полякамъ участвовать въ походѣ Наполеона противъ Россіи, а въ 1813 году, тотчасъ послѣ освобожденія Германіи русскою кровью, прусскіе генералы, какъ свидѣтельствуетъ исторія, занялись въ знакъ благодарности изысканіемъ средствъ къ завладѣнію русскимъ прибалтійскимъ краемъ.

5) Въ 1814 году, сентября 16-го, прусскій генералъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ Кнезебекъ (Записки Татищева,

въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ октябрь и ноябрь 1888 года) писалъ прусскому министру барону Штейну о Россіи слѣдующее: „нѣтъ безопасности для Пруссіи съ той минуты, какъ Россія обширною территоріею врѣзывается въ прусскія владѣнія; нѣтъ безопасности и для Австріи, коль скоро Россія переступаетъ за Вислу, естественную границу Россіи отъ Пруссіи; Кнезебекъ назначалъ Бугъ, Наревъ и Пинскія болота. Кнезебековская программа 1814 года, которою руководствуется князь Бисмаркъ, заключается въ слѣдующемъ:

а) Австрія тѣсно сближается съ Пруссіею, которая, чтобы стать вполнѣ независимою отъ Россіи, должна развить свои силы и расширить свою территорію.

б) Германія получаетъ военную организацію и примыкаетъ къ обѣимъ великимъ державамъ: Пруссіи и Австріи.

в) Пруссія и Австрія заботятся объ усиленіи своихъ армій и дѣятельно готовятся къ войнѣ.

г) Австрія, Пруссія и Германія вступаютъ въ тѣсный союзъ съ Англіей.

д) Политика этихъ четырехъ державъ работаетъ въ смыслѣ недопущенія союза между Россіей и Франціей.

е) Австрія, Пруссія, Германія и Англія заключаютъ союзъ съ Турціей и Персіей и стараются на случай войны съ Россіей, которая неизбѣжна въ близкомъ будущемъ, возбудить противъ Россіи—Турцію и Персію.

ж) Войны этой слѣдуетъ избѣгать, по возможности, до тѣхъ поръ, пока турки и персіяне не примутъ въ ней участія.

з) Цѣль войны—отобраніе у Россіи всѣхъ западныхъ областей ея, отъ Балтійскаго моря до Чернаго.

Кстати замѣтить, что едва начинавшій свою дипломатическую карьеру, представитель Пруссіи при Германскомъ Сеймѣ, маленькій еще тогда Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ, называлъ кнезебековскую программу несомнѣнно правильною (*Unzweifelhaftrichtig*), о чемъ писалъ къ барону Мантейфелю 29 декабря 1854 года.

6) Въ 1822 году, сентября 9-го, русскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Алопеусъ, въ донесеніи своемъ графу Нессельроде, свидѣтельствовалъ о томъ, что для отвоеванія у Россіи такъ называемой „*Южной Пруссіи*“ (Конгрессовой Польши), прусскій генеральный штабъ, тотчасъ по заключеніи мира въ 1815 году, приступилъ къ составленію плана похода на Россію.

7) Польская революція въ 1831 году, возникшая одновременно съ возстаніями въ Бельгіи, Италіи и даже Германіи, была, между прочимъ, дѣломъ французской интриги, имѣющей цѣлью задержать Россію у себя, дома, такъ какъ императоръ Николай I предпринималъ походъ во Францію для подавленія революціи и возстановленія Бурбоновъ. Франціи легко было сдѣлать эту интригу, въ виду накипѣвшаго неудовольствія въ Варшавѣ, по поводу бюрократическаго самовластія сенатора Новосильцова и его партіи, а главное и потому, что Россія намѣревалась поставить польскія войска въ авангардѣ русской арміи, имѣющей воевать съ Франціею. Луи Бланъ, въ своей „*Histoire de dix ans 1830—1840*“ въ томѣ II, глава V, на стр. 14, такъ объ этомъ говоритъ: „Tout-à-coup arrive un édit impérial qui ordonne que l'armée polonaise soit mise sur le pied de guerre, à cette nouvelle, la Pologne tout entière s'émut. Nul n'y avait oublié cette longue et glorieuse fraternité d'armes qui rendait une guerre à jamais impossible entre les compatriotes de Poniatowski et ceux de Napoléon. L'ordre donné aux Polonais de se tenir prêts à marcher contre la France comblait à l'égard de la Russie, la mesure de leurs ressentiments. L'avantgarde, comme le dit plus tard M-r de Lafayette, resolut de se retourner contre le corp de bataille“ (Louis Blanc). (Вдругъ получено императорское повелѣніе поставить польскую армію на военное положеніе. На это извѣстіе Польша взволновалась, никто еще тогда въ Польшѣ не забылъ той долгой и славной связи, которая соединяла соотечественниковъ Понятовскаго и Наполеона,—и войну между ними дѣлала невозможною.

Приказъ, данный полкамъ собираться въ походъ на войну съ Франціей, усилилъ въ Польшѣ всѣ неудовольствія противъ Россіи. Передовыя польскія колонны, по словамъ Лафайета, рѣшились обратиться противъ главнаго русскаго корпуса). Австрія тайно содѣйствовала польскому возстанію 1831 года, а за симъ конвенціею, заключенною между Россіею и Австріею 6/18 сентября 1833 года, гарантированы взаимно русскія и австрійскія польскія владѣнія и взаимное содѣйствіе въ случаѣ возникновенія въ нихъ безпорядковъ. Два года спустя, протоколомъ, заключеннымъ между Россіею, Австріей и Пруссіей въ Берлинѣ, 2/14 октября 1835 года, вольный городъ Краковъ предоставленъ Австріи, что и приведено въ исполненіе, по непонятнымъ причинамъ, одинадцать лѣтъ спустя, въ 1846 году, когда послѣдній лоскутокъ польской земли отданъ на жертву нѣмцамъ.

8) Въ 1835 году блестящій сборъ русско-прусскихъ войскъ подъ Калишемъ вызвалъ враждебное настроеніе прусскихъ офицеровъ къ Россіи, возбудилъ въ нихъ зависть и желаніе помѣряться силами, а равно обнаружилъ стремленіе пруссаковъ проникнуть русскія военныя тайны.

9) Въ 1848 году, въ Берлинѣ вспыхнуло революціонное движеніе, выдвинувшее на первый планъ поляковъ, что отразилось въ русской Польшѣ попыткою возстанія въ Сѣдльцахъ. „Революціонная буря 1848 года, —по словамъ Татищева,—отвлекла вниманіе императора Николая съ Востока на Западъ; не въ разсчетъ на благодарность государей и народовъ, а во исполненіе того, что считалъ своимъ высшимъ нравственнымъ долгомъ, русскій императоръ великодушно протянулъ руку помощи своимъ погибавшимъ союзникамъ и спасъ австрійскаго императора отъ торжествующаго мятежа мадьяръ, а короля прусскаго — отъ мести австрійцевъ, за попытку низвергнуть ихъ изъ Германіи. И Австрія и Пруссія отплатили за то императору Николаю I, въ годину испытанія въ 1854 году, присоединяясь на перерывъ другъ предъ другомъ къ европейской

коалиціи противъ Россіи, не говоря о венгерцахъ, которые до сихъ поръ не могутъ забыть Россіи 1848 года.

10) Въ 1850 году пруссаки учредили въ Познани мнимо-польскій революціонный комитетъ, завязавшій сношенія съ польскою эмиграціею въ Лондонѣ. Главою этого комитета былъ начальникъ прусской полиціи Беренспрунгъ, а его агентами, враги поляковъ: Постъ Гинтеръ и вся чистокровная прусская бюрократія. Цѣль комитета была вызвать возстаніе поляковъ, въ подражаніе Австріи, произвести, посредствомъ черни, рѣзню шляхты и католическаго духовенства, перенести эту акцію въ русскую Польшу, дабы обезпокоить Россію. Эти планы, а главное, прусская услуга Россіи, не удались прусскимъ агитаторамъ.

11) Во время ополченія Европы на Россію, передъ крымскою войною въ 1853 году, великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, а вмѣстѣ съ нимъ лордъ-канцлеръ Пальмерстонъ и супругъ англійской королевы, принцъ Альбертъ, пламенный нѣмецкій патріотъ и сторонникъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи,—всѣ трое домогались европейской коалиціи противъ Россіи, а за симъ погрома ея и урѣзки всѣхъ русскихъ западныхъ территорій. Англія хотѣла тогда нанести тяжкій ударъ могуществу своей морской соперницы, Россіи, и это понятно, но интереснѣе всего то, что къ англійской анти-русской партіи присоединился и прусскій посланникъ въ Лондонѣ, Бунзенъ, любимецъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV, человѣкъ, имѣвшій сильное вліяніе на слабую волю этого монарха. Бунзенъ, представитель берлинской либеральной партіи, въ пространной своей запискѣ, составленной на имя короля, изложилъ ясно цѣль западно-европейской коалиціи: „разрушить могущество Россіи“,—для чего вызывалъ и Пруссію на войну съ Россіей, подъ страхомъ лишиться всякаго значенія въ Германіи и въ Европѣ. Въ этой запискѣ Бунзенъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: „на заднемъ планѣ является политическою возможностью грѣхъ XVIII столѣтія, чумный

нарывъ XIX-го—Польша... Если можно возстановить Польшу, то это должно совершиться въ настоящій, столь возвышенный, моментъ всемірной исторіи, — не полякамъ въ угоду, а въ качествѣ пограничнаго стража противъ Москвы".

Далѣе, Бунзенъ полагалъ, что возрожденному королевству Австрія возвратитъ всю Галицію, а Пруссія часть Познани; на престолѣ польскомъ возсядетъ саксонская династія,—въ видѣ вознагражденія за присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи. Бунзену, какъ истому пруссаку и исповѣднику традиціонной тевтонской политики захватовъ, представлялось возможнымъ, по случаю войны съ Россіею, захватить Саксонію, а въ добавокъ къ тому русскій прибалтійскій край для округленія границъ и укрѣпленія Пруссіи на Балтійскомъ морѣ. Такимъ образомъ, прусскій дипломатъ навязывалъ польскій вопросъ Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи и приводилъ его въ связь съ восточнымъ вопросомъ, возгорѣвшимся сильно въ 1853 году.

Взглядъ Бунзена раздѣляли въ Берлинѣ: предсѣдатель прусскаго совѣта министровъ баронъ Мантайфель, военный министръ Бонинъ и старшій совѣтникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, бывшій прусскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Пурталесъ.

Проекту Бунзена сочувствовалъ наслѣдникъ престола, принцъ прусскій. Самъ король, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, въ виду этого проекта, отклонилъ предложенный ему императоромъ Николаемъ I договоръ съ Австріею о нейтралитетѣ и вступилъ въ переговоры съ Англіею, обнаруживъ готовность подъ извѣстными условіями заключить англо-прусскій союзъ противъ Россіи.

Такъ Пруссія готовилась заплатить Россіи за дружбу императора Николая, который, увлекаясь своимъ рыцарскимъ великодушіемъ и безкорыстіемъ по отношенію къ Пруссіи, споспѣшествовалъ ея развитію и утвержденію ея международнаго положенія; мало того, всегда готовъ былъ защищать Пруссію отъ внѣшнихъ нападеній и малѣйшаго посягательства на ея внутреннюю самостоятельность. Подъ

могучимъ покровомъ императора Николая выросла и окрѣпла прусская монархія и развила въ себѣ тѣ нравственныя и вещественныя силы, которыя дали ей возможность стать на высотѣ настоящаго ея величія и могущества.

Но предоставимъ слово Татищеву [11]): „въ Лондонѣ шла рѣчь о томъ, какъ бы не пропустить случая силами европейской коалиціи не только лишить Россію преобладающаго положенія, занимаемаго ею на Востокѣ, но вообще ее ослабить, унизить, отнявъ у нея всѣ завоеванія, совершенныя со временъ Петра Великаго. Мысли эти англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, открыто высказалъ въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ лордовъ 12—24 февраля 1854 года. Три дня спустя Англія и Франція послали Россіи свой ультиматумъ, съ требованіемъ немедленнаго очищенія дунайскихъ княжествъ. Въ случаѣ отказа Россіи подчиниться ему, воздвигалась противъ Россіи грозная коалиція, состоявшая изъ всѣхъ безъ исключенія великихъ державъ. Испуганная заискиваніями Пруссіей англійскаго союза, Австрія объявила о готовности своей дѣйствовать за-одно съ дворами лондонскимъ и парижскимъ. Цѣли коалиціи съ необыкновенною откровенностью изложилъ Бунзенъ въ довѣрительной запискѣ, представленной имъ королю. Изъ нея мы узнаемъ, что рѣшено было поднять на Россію всю Европу и подѣлить наши окраины между нашими сосѣдями, заключивъ Россію въ ея „естественныя границы“. Такъ, предполагалось отдать Финляндію и Аландскіе острова — Швеціи; Крымъ, Бессарабію и весь Новороссійскій край, а также Дунайскія княжества—Австріи, которая за это переуступитъ Ломбардію Сардиніи и откажется отъ Галиціи. Послѣднее необходимо-де для полнаго возстановленія Польши въ границахъ 1772 года, съ предоставленіемъ польскаго престола саксонской династіи, причемъ, разумѣется, Саксонія должна

---

[11]) „Императоръ Николай и иностранные дворы“ С. С. Татищева. С.-Петербургъ, 1889 года, стр. 292 и 293.

была отойти къ Пруссіи, которая сверхъ того получала отъ Австріи Моравію и австрійскую Силезію и становилась во главѣ Германіи, обращенной подъ ея властью въ союзное государство" (См. сочиненіе Морица Буша: „*Unser Reichskanzler*" II, 204). Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV отклонилъ на первыхъ порахъ это заманчивое англо-французское предложеніе, о чемъ поспѣшилъ увѣдомить императора Николая, но вскорѣ послѣ того, узнавъ, что Австрія заключила уже договоръ съ Англіею и Франціею помимо Пруссіи, онъ по проекту, составленному графомъ Узедомомъ, выражалъ готовность принять участіе въ войнѣ противъ Россіи и присоединиться къ коалиціи.

Императоръ Николай I ничего не подозрѣвалъ о новой измѣнѣ Пруссіи, но ея традиціонная политика по отношенію къ Россіи сказалась многократно.

Коварнымъ замысламъ Бунзена помѣшалъ маленькій еще въ 1854 году фонъ-Бисмаркъ, лично убѣждавшій прусскаго короля прервать всѣ сношенія съ Сентъ-Джэмскимъ дворомъ, не вмѣшиваться въ борьбу Россіи съ западно-европейскою коалиціею, а самое главное, о возстановленіи Польши не думать, изъ опасенія за существованіе Пруссіи, которая бы была немыслима, какъ самостоятельное государство безъ захваченныхъ отъ Польши земель, то-есть: безъ нижней Вислы, безъ Познани и безъ Силезіи.

Фонъ-Бисмаркъ съ самаго начала своей дипломатической карьеры казался сторонникомъ союза Пруссіи съ Россіей. Какъ почитатель императора Николая I и какъ горячій противникъ Австріи, Бисмаркъ въ 1859 году былъ хорошо принятъ въ Петербургѣ, въ качествѣ прусскаго посланника. Князя Горчакова Бисмаркъ обворожилъ своею любезностью и мнимо глубокимъ къ нему уваженіемъ. Бисмаркъ считалъ князя своимъ наставникомъ и говорилъ о немъ громко: „c'est notre maître à tous!".

Вообще Пруссія, чѣмъ глубже подкапывалась подъ Россію, тѣмъ на словахъ казалась любезнѣе, что и со-

ставляло суть тончайшей ея тевтонской политики; и такъ въ правительственныхъ и консервативныхъ кругахъ Берлина русскаго императора Николая I называли *„прусскимъ царемъ“*, а въ 1854 году, во время самаго сильнаго разгара бунзеновской интриги, одинъ изъ членовъ берлинской палаты господъ произнесъ во всеуслышаніе знаменательныя слова: *„мы принадлежимъ къ Россіи!“*

Такою и тому подобною лестью Пруссія старалась усыпить Россію и заручиться ея снисхожденіемъ къ будущимъ своимъ политическимъ планамъ, проектамъ и замысламъ, коихъ достигла вполнѣ: по шлезвигъ-голштейнскому вопросу, подъ Садовою и Седаномъ, при объединеніи Германіи на берлинскомъ конгрессѣ и въ балканскихъ дѣлахъ, словомъ—всегда и вездѣ Пруссія успѣвала вполнѣ только при активномъ или пассивномъ содѣйствіи Россіи.

12) Въ 1854 году, въ началѣ сентября Наполеонъ III признался принцу Альберту, посѣтившему его въ Булонскомъ лѣсу, что онъ имѣетъ задушевное желаніе возстановить Польшу въ предѣлахъ бывшаго герцогства Варшавскаго.

13) Въ 1854 году Турція, при участіи западно-европейской коалиціи, формировала польскіе легіоны противъ Россіи.

14) Въ 1856 году, при переговорахъ о заключеніи Парижскаго мира, лордъ Кларендонъ, по порученію лорда-канцлера Пальмерстона, упомянулъ о Польшѣ. Наполеонъ III поставилъ тогда лорду Кларендону вопросъ о томъ, чего именно слѣдуетъ добиваться для Польши?.. Лордъ Кларендонъ отвѣтилъ: „введенія въ Польшѣ національнаго управленія, обезпеченія правъ католической церкви и введенія преподаванія въ общественныхъ училищахъ на польскомъ языкѣ“... Графъ Орловъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, какъ представитель Россіи на Парижскомъ конгрессѣ, поспѣшилъ заявить Наполеону III, что императоръ Александръ II одинако близко принимаетъ къ сердцу счастіе и преуспѣяніе поляковъ, какъ и всѣхъ прочихъ своихъ подданныхъ и

питаетъ въ отношеніи къ нимъ великодушныя намѣренія, но что достоинство Россіи не позволяетъ ему, графу Орлову, допустить обсужденіе этого предмета на конгрессѣ.

15) Въ 1857 году, сентября 17 дня, во время штутгардскихъ переговоровъ, Наполеонъ III опять заговорилъ о Польшѣ. Русскій императоръ отвѣтилъ Наполеону, что никто болѣе его самого не желаетъ Польшѣ спокойствія, но что всякое чужеземное вмѣшательство можетъ только повредить исполненію его добрыхъ намѣреній, возбуждая въ полякахъ несбыточныя надежды.

16) Въ 1860 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, послѣдовало въ Варшавѣ свиданіе русскаго императора съ императоромъ австрійскимъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ, во время котораго, въ виду несбыточности надеждъ и упованій на улучшеніе быта поляковъ въ Россіи, по почину Россіи, на политическомъ горизонтѣ Европы показалась возбуждаемая изъ-за границы грозная туча уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ, заявившая себя непріятными для Россіи и оскорбительными для русскаго гостя, австрійскаго императора Франца-Іосифа, враждебными манифестаціями поляковъ. Францу-Іосифу поляки тогда кричали: „*Vive Solferino*!“ А у прусскаго министра графа Ремберга похищенъ портфель съ бумагами и деньгами. Бумаги пропали, а деньги возвращены черезъ одного капуцинскаго монаха. (Н. И. Павлищевъ, „*Сѣдьмицы*“ польскаго возстанія Т. IV, стр. 25).

17) Въ 1862 году цѣлая западная дипломатія трудилась усердно, чтобы не допустить никакого компромисса и примиренія между Россіею и Польшею, во времена маркиза Велёпольскаго, а Англія, кромѣ того, желала открытаго возстанія поляковъ, дабы этимъ путемъ разрознить Россію съ Наполеоновскою Франціею, чего Англія вполнѣ достигла для своихъ собственныхъ видовъ и цѣлей.

18) Въ 1863 году, уличные безпорядки въ Варшавѣ завершились открытымъ возстаніемъ поляковъ. Возстаніе это возбуждалось Наполеономъ III, его двоюроднымъ братомъ принцемъ Наполеономъ, французскимъ народомъ, польскою

эмиграціею, цѣлою западно-европейскою прессою и общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ безъ исключенія столицъ Западной Европы, враждебно настроенныхъ противъ Россіи.

Въ англійскомъ парламентѣ произносились громовыя рѣчи по поводу польскаго возстанія, въ обѣихъ французскихъ палатахъ то же; прусская палата депутатовъ перещеголяла Англію и Францію, она приняла резолюцію, въ которой, перечисливъ всѣ права, истекающія для поляковъ изъ постановленій вѣнскаго конгресса, а также изъ жертвъ, принесенныхъ ими отечеству, приглашала королевское правительство оказать содѣйствіе тому, чтобы были приведены въ исполненіе положительнымъ международнымъ правомъ гарантированныя: территоріальное единство бывшаго польскаго государства 1772 года, а также принадлежащія полякамъ въ этихъ предѣлахъ національныя и политическія права, и чтобы права эти не были впослѣдствіи нарушаемы по произволу связанныхъ обязательствами державъ, коимъ на основаніи вѣнскаго и другихъ договоровъ и подъ занесенными въ нихъ условіями, присуждены части Польши. Словомъ, прусская палата депутатовъ, ратуя за права поляковъ, пошла дальше нежели Лондонъ и Парижъ.

Между тѣмъ броженіе въ Царствѣ Польскомъ подъ вліяніемъ подстрекательствъ и обнадеживаній, со стороны почти всѣхъ правительствъ и народовъ Западной Европы, принимало съ каждымъ днемъ бо́льшіе и бо́льшіе размѣры. Говорятъ, что прусскій консулъ въ Варшавѣ склонилъ намѣстника князя Горчакова стрѣлять въ народъ 8-го апрѣля 1861 года [13]). Это новое доказательство нѣмецкой услуги и нѣмецкаго вліянія въ Россіи. Вслѣдъ за симъ, во французскомъ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ ораторы всѣхъ партій вопили противъ жестокости русскихъ властей въ Польшѣ, а парижская печать дошла до

[13]) Въ это же время секретарь англійскаго консула въ Варшавѣ White постоянно ссорилъ между собою гр. Андрея Замойскаго съ маркизомъ Велёпольскимъ, дабы вызвать между ними и ихъ партіями антагонизмъ и не допустить примиренія поляковъ съ Россіею.

крайнихъ предѣловъ неблагопристойности въ обсужденіи варшавскихъ происшествій.

Въ Варшавѣ дѣло дошло до того увлеченія, что совѣты холоднаго разсудка были совершенно безполезны, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ фактъ, что 10-го апрѣля 1862 года революціонная Варшава сдѣлала враждебную манифестацію варшавскому архіепископу Фелинскому, за его усилія успокоить возбужденные умы и умѣрить страсти.

Назначеніе въ 1863 году кн. фонъ-Бисмарка прусскимъ министромъ-призидентомъ сильно повліяло на дѣла въ Польшѣ. Кн. Бисмаркъ повелъ сразу польскій вопросъ діаметрально противуположно намѣреніямъ прусской палаты депутатовъ; кн. Бисмаркъ всегда держался того принципа, что „прусскіе и русскіе интересы должны быть признаны крѣпко связанными тѣмъ неизмѣннымъ положеніемъ, которое занимаютъ Пруссія и Россія относительно всѣхъ плановъ и интригъ, направленныхъ къ возстановленію польскаго государства“.

Идею возстановленія Польши кн. Бисмаркъ находилъ утопіею, въ виду необходимости уступить новому королевству бывшія польскія земли, составляющія нынѣшнюю Пруссію. По мнѣнію кн. Бисмарка, возстановленная Польша, въ границахъ 1772 года, рѣшала вопросъ существованія Пруссіи, которая въ такомъ случаѣ обратилась бы въ первобытное состояніе курфюршества бранденбургскаго и потеряла бы балтійское побережье съ приморскими городами: Данцигомъ, Оливою, Фрауэнсбургомъ и Брауенсбергомъ, а равно и внутренніе города и крѣпости: Познань, Торнъ и Маріенбургъ, съ землями нижней Вислы, Великаго Княжества Познанскаго и части Силезіи.

Кн. Бисмаркъ отлично понималъ и понимаетъ, кому именно угрожаютъ поляки Польшею: *„отъ моря до моря“*. Польша въ 1772 году не владѣла Чернымъ моремъ, ея южная сухая граница пролегала мимо такъ называемыхъ *„Дикихъ полей“*, составлявшихъ татарскія кочевья, а ши-

рина этой степи отъ польской границы до Чернаго моря была отъ 130 до 260 верстъ, между тѣмъ прусскіе нынѣ берега Балтійскаго моря дѣйствительно принадлежали Польшѣ въ 1772 году, и полякамъ желательно исторгнуть ихъ изъ рукъ пруссаковъ и возвратить по принадлежности—славянамъ, какъ достояніе славянства. Не даромъ кн. Бисмаркъ въ 1848 году, осуждая въ извѣстномъ своемъ письмѣ берлинцевъ за ихъ мартовскія волненія и за ихъ сочувствіе къ полякамъ, называлъ тогдашнюю прусскую акцію глупою и измѣнническою, не даромъ доказывалъ берлинцамъ, что недопущеніе возстановленія Польши составляетъ жизненный интересъ Германіи. Для насъ понятно, почему призракъ возстановленной Польши сильно дѣйствовалъ всегда и дѣйствуетъ теперь на воображеніе кн. Бисмарка и почему прусскій министръ-президентъ въ 1863 году готовъ былъ къ услугамъ Россіи, для подавленія польской революціи. Впрочемъ, въ этой услугѣ Россія не имѣла дѣйствительной надобности, потому что русскій канцлеръ, князь Горчаковъ, самъ, безъ помощи Бисмарка, одержалъ въ 1863—64 году по польскому вопросу блистательную и полную дипломатическую побѣду надъ тремя державами западной Европы. Побѣда эта, удовлетворительная для государственнаго достоинства Россіи, вмѣстѣ съ симъ доказала несостоятельность политики вѣнчаннаго шарлатана, Наполеона III-го, который взялся не за свое дѣло и повергнулъ поляковъ въ пучину всевозможныхъ народныхъ бѣдствій. Исторія еще разъ дала полякамъ чувствительное предостереженіе, что имъ не слѣдуетъ полагаться на иностранную помощь и довѣрять себя иностранной политикѣ.

Но возвратимся ко мнимымъ услугамъ кн. Бисмарка, будто бы оказаннымъ Россіи въ 1863—64 году. Какъ только вспыхнулъ вооруженный мятежъ въ Польшѣ, 11 января 1863 года, прусское правительство приняло рядъ энергическихъ мѣръ, направленныхъ противъ мятежниковъ: на русско-прусской границѣ поставлено было четыре прусскіе полка, усиленные надлежащими резервами, дабы не допускать въ Пруссію

вооруженныхъ повстанцевъ.—Прусскій генералъ-адъютантъ Альвенслебенъ и флигель-адъютантъ Раухъ посланы были въ Варшаву, а оттуда въ Петербургъ для собранія свѣдѣній о ходѣ возстанія и для соглашенія съ русскимъ правительствомъ объ общихъ мѣрахъ къ его усмиренію. Всѣ эти распоряженія истекали изъ личной иниціативы кн. Бисмарка, безъ всякаго предварительнаго уговора съ Россіей, слѣдствіемъ чего 27 января 1863 года была подписана въ Петербургѣ княземъ Горчаковымъ и генераломъ Альвенслебеномъ предложенная Пруссіею: *„тайная военная конвенція“* съ Россіей.

19) Прусскій министръ-президентъ, кн. фонъ-Бисмаркъ, заключая съ Россіею вышесказанную тайную военную конвенцію, любезностью и предупредительностью своею доказалъ, что онъ другъ Россіи и защитникъ ея жизненныхъ интересовъ, но несмотря на эту кажущуюся тевтонскую дружбу, спустя три недѣли со дня подписанія пресловутой конвенціи, уполномоченные кн. Бисмарка предлагали представителямъ польскаго революціоннаго правительства возстановленіе и основаніе при помощи Пруссіи *„независимаго польскаго государства“* съ королемъ, княземъ Богуславомъ Радзивилломъ, родственникомъ Гогенцоллерновъ. Члены ржонда не хотѣли даже слышать о подобнаго рода предложеніяхъ, и переговоры прекратились. [14]) Отказъ поляковъ нисколько не уменьшилъ достоинства и значенія тончайшей прусской политики по отношенію къ Россіи; этотъ отказъ, конечно, дѣлаетъ честь полякамъ, которые, даже въ такую критическую для ихъ родины минуту, не поддались тевтонскому искушенію враждебнаго имъ Бисмарка. Въ виду этой неудачи кн. фонъ-Бисмаркъ задумалъ другую комбинацію, одинаково враждебную Россіи: онъ совѣтовалъ полякамъ довѣрить участь русской Польши покровительству Пруссіи. Мысль эту Бисмаркъ сообщалъ кн. Чарторыскому въ Парижѣ и проводилъ ее въ взволнованной революціею Польшѣ

---

[14]) См. № 13 *„Голоса“* за 1880 годъ.

посредствомъ своего агента, пруссака Кейделя, крупнаго землевладѣльца въ Царствѣ Польскомъ, бывшаго послѣ посланникомъ прусскимъ при итальянскомъ дворѣ. Въ апрѣлѣ 1863 года львовская „*Narodówka*“ въ № 56 разбирала статью „*Kölnische Zeitung*“, подъ названіемъ: „*Проектъ новаго раздѣла Польши*“, задуманный будто бы Бисмаркомъ, а состоящій въ томъ, чтобы для пресѣченія всякихъ постороннихъ вмѣшательствъ (Англіи и Франціи), раздѣлить Царство Польское между тремя сосѣдними державами и тѣмъ навсегда стереть имя Польши съ европейской карты. Это яснѣе тайной конвенціи.

Знаменательная русско-прусская тайная военная конвенція никогда обнародована не была, никогда не примѣнялась къ дѣлу и всегда была „*мертвою буквою*“, но за эту фиктивную услугу, навязанную Пруссіей Россіи, въ 1863 году, кн. Бисмаркъ подалъ свой длинный аптекарскій счетъ, уплата по которому произведена Россіею полностью, нейтралитетомъ при разгромѣ Даніи, Австріи и Франціи, а равно согласіемъ Россіи на объединеніе Германіи. Все вышесказанное совершенно вѣрно, а между тѣмъ „*Kölnische Zeitung*“ въ декабрѣ 1889 года печатала слѣдующее: „болѣе двухъ вѣковъ русскіе привыкли съ помощію Германіи дѣлать пріобрѣтенія въ Европѣ. Пруссія помогла Петру I утвердить владѣніе остзейскими провинціями; и Пруссія, и Австрія не только помогли, но и сдѣлались союзниками Екатерины Великой въ дѣлѣ раздѣленія Польши. Въ Турціи, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, господствовало русское *veto* потому только, что Германія молча на это взирала. Во время крымской войны Пруссія оградила своего русскаго сосѣда отъ серьезныхъ потерь. Что же удивительнаго, что Россія привыкла къ такимъ отношеніямъ Германіи и считаетъ совершенно естественнымъ, что эта послѣдняя должна поддерживать русскіе завоевательные планы на Дунаѣ!“ (См. Гражданинъ 11 декабря 1889 года, № 343). Изъ сказаннаго оказывается, что не Россія Пруссіи, а Пруссія Россіи благодѣтельствовала *два вѣка* сряду,

и даже, по словамъ „*Kölnische Zeitung*“, болѣе двухъ вѣковъ, хотя Пруссія, какъ королевство, не считаетъ двухъ вѣковъ своего существованія. Такова исторія съ прусской точки зрѣнія... Притомъ „*Kölnische Zeitung*“ злорадно объявляетъ, что „теперь Россія, благодаря усиліямъ Германіи, дальше отъ Константинополя, чѣмъ была въ 1875 году“.

Безцеремоннымъ цинизмомъ въ политикѣ отличался, какъ извѣстно, прусскій король Фридрихъ II, увѣрявшій нагло императрицу Марію-Терезію въ томъ, что присоединеніемъ австрійской Силезіи къ прусскимъ владѣніямъ онъ оказалъ Австріи величайшую услугу.

Прусскій министръ-президентъ кн. Отто фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, по отношенію цинизма въ политикѣ, перещеголялъ самого Фридриха II.

Извѣстно, что Голштинія и Шлезвигъ были заняты въ 1865 году прусско-австрійскими войсками, въ обезпеченіе будто бы правъ германскаго союза; союзныя войска одержали общими силами полную побѣду надъ Даніею, и въ результатѣ этой побѣды Пруссія получила двѣ датскія провинціи, а Австрія,—пораженіе подъ Садовою.

Въ войнѣ противъ Даніи, Россія предоставила Пруссіи полную свободу дѣйствія; Россія не возражала, когда Пруссія завладѣла Кильскою гаванью и приступила къ устройству громадныхъ своихъ сооруженій на берегахъ Остзейскаго моря, стремясь, со временемъ, сдѣлаться первоклассною морскою державою, а въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ превратить Балтійское море въ нѣмецкое озеро, конечно, не въ пользу Россіи.

За все это Пруссія не платитъ Россіи взаимностью и добромъ. Пруссаки увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что Бисмаркъ оказалъ Россіи въ 1863—64 году, по польскому дѣлу, громадную услугу, присовокупляя цинично, что сильная Пруссія есть вѣрнѣйшая охрана слабаго мѣста Россіи, *ея польскихъ земель*, а отправленный въ Петербургъ генералъ Мантейфель, близкій довѣренный покойнаго императора Вильгельма I-го, доказывалъ убѣдительно пользу для

Россіи, истекающую изъ расширенія прусско-германскаго могущества въ Европѣ.

Далѣе говоритъ Татищевъ: „едва завершилось „великое дѣло“ разгромомъ Франціи въ 1870—1871 годахъ, не высохли еще чернила на письмѣ, коимъ нововѣнчанный императоръ Германіи призналъ, что успѣхомъ его онъ обязанъ могучей поддержкѣ своего любимаго племянника, императора Александра II, какъ берлинская государственная канцелярія уже въ 1871 году измышляла планъ примиренія съ Австро-Венгріею, цѣною подчиненія ей всего православнаго Востока, въ ущербъ вѣковыхъ историческихъ правъ русскаго государства, въ поруганіе священнѣйшихъ завѣтовъ и вѣрованій русскаго народа“.

Неблагодарность Австріи ясна и понятна въ Россіи, быть можетъ потому, что объ ней одно время много говорили въ Петербургѣ; о неблагодарности же Пруссіи до сихъ поръ исторія умалчивала, вѣроятно потому, какъ замѣчаетъ Татищевъ, что мы плохо знаемъ наши русско-прусскія отношенія.

Въ предвидѣніи казавшихся неизбѣжными столкновеній Германіи съ Россіей, берлинскій генеральный штабъ приступилъ въ 1871 году къ составленію плана вторженія въ предѣлы Россіи, руководствуясь извѣстною „кнезебековскою программою“, но князь Бисмаркъ остановилъ рвеніе генеральнаго штаба, могущее послужить лишь помѣхою къ осуществленію его болѣе широкихъ видовъ и замысловъ: вытѣснить русское вліяніе съ Балканскаго полуострова и замѣнить его австро-венгерскимъ.

20) Въ 1872 году удалось князю Бисмарку, въ угрозу Франціи и для удержанія за Германіею Эльзаса и Лотарингіи, устроить знаменитый „тройственный союзъ“, направленный всецѣло къ пользамъ и выгодамъ одной Германіи, а въ сущности для парализированія русской политики на Востокѣ. По завѣренію нѣмцевъ, Россія вошла въ составъ этого союза, единственно для охраны княземъ Бисмаркомъ — *ея польскихъ земель.*

21) Въ 1873 году, по поводу посѣщенія императоромъ Вильгельмомъ с.-петербургскаго двора, оффиціальный органъ нѣмецкаго канцлера, берлинская „Provinzial-Correspondenz“ отъ 19 апрѣля (1 мая) коснулась излюбленнаго княземъ Бисмаркомъ „польскаго вопроса“ и возвѣстила *urbi* et *orbi*, что „общность взглядовъ, создавшая союзъ Пруссіи и Россіи въ 1863 году, во время польскаго возстанія, была исходною точкою той нынѣшней политики обоихъ государствъ, которая по поводу великихъ событій послѣднихъ лѣтъ проявила свое могущество“... Князь Бисмаркъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, повторялъ своимъ русскимъ друзьямъ: „Si j'admettais seulement la pensée d'être jamais hostile à l'Empereur et à la Russie, je me considérais comme un traître“. (Еслибы я могъ могъ только допустить мысль, что стану когда-либо враждебно относиться къ Императору и Россіи, то я призналъ бы себя измѣнникомъ). Спустя два года послѣ этого, князь Бисмаркъ не стѣснялся и снялъ маску.

22) Въ 1875 г., едва не разыгралась новая франко-прусская война. До 1875 года въ русско-германскихъ отношеніяхъ все обстояло благополучно, пока Россія, сохраняя строгій нейтралитетъ, содѣйствовала Пруссіи къ осуществленію всѣхъ ея честолюбивыхъ замысловъ. Въ виду возможности новой франко-прусской войны, князь Горчаковъ сказалъ свое „veto“, и миръ былъ сохраненъ. За симъ русскій канцлеръ, въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Лефло, совѣтовалъ Франціи „быть сильною“, и имѣлъ на то полное основаніе, въ виду угрожающаго тона прусскихъ военныхъ дѣятелей и публицистовъ. Узнавъ объ этомъ совѣтѣ русскаго канцлера, князь Бисмаркъ серьёзно обидѣлся, сталъ въ явно непріязненныя отношенія къ князю Горчакову и началъ подпольную войну съ Россіей, первымъ выраженіемъ чего было возбужденіе прусскими агентами восточнаго вопроса, а за симъ и война съ Турціею.

23) Въ 1877 году Россія ополчалась на брань, и

вздрогнули берлинскіе стратеги, даже не подозрѣвавшіе, что натолкнулъ ее на Турцію не кто иной, какъ нѣмецкій канцлеръ. Берлинскимъ стратегамъ показалось какъ нельзя болѣе своевременнымъ воспользоваться сосредоточеніемъ главныхъ силъ Россіи на Дунаѣ, чтобы напасть на нее врасплохъ и отторгнуть очищенныя отъ войска пограничныя русскія области, давно составляющія предметъ алчныхъ нѣмецкихъ вожделѣній. „Если мы упустимъ этотъ случай,—говорилъ берлинскій генеральный штабъ,—то Россія, одолѣвъ Турцію, твердою ногою станетъ въ Царьградѣ, между двумя проливами, на рубежѣ Азіи и Европы“. Князь Бисмаркъ не обратилъ вниманія на эти разсужденія военной партіи въ Берлинѣ, онъ зналъ заранѣе, что кровопролитная и побѣдоносная война разрѣшится для Россіи, по живописному выраженію его, нѣсколькими бунчуками плѣнныхъ пашей и побѣдною пальбою въ Москвѣ.

24) Во время восточной войны 1877—1878 годовъ, князь Бисмаркъ, не слушавшій совѣтовъ берлинскаго генеральнаго штаба, желалъ по собственной иниціативѣ сдѣлать Россіи сюрпризъ и вызвать въ Польшѣ новое вооруженное возстаніе, для чего онъ велъ переговоры съ поляками, отличавшимися во время пресловутой парижской комуны, обѣщая имъ „ad usum delphini“ свое содѣйствіе и денежную помощь изъ прусскаго государственнаго фонда; но здравый смыслъ поляковъ опять отклонилъ эту „медвѣжью услугу“ желѣзнаго канцлера, за что и послѣдовало гоненіе поляковъ въ прусской Польшѣ, извѣстное въ исторіи Германіи подъ именемъ гартмановскаго „ausrotten“.

25) Въ виду неудачи услужить Россіи новымъ польскимъ возстаніемъ, князь Бисмаркъ въ 1877 году высказался оффиціально, что въ случаѣ столкновенія Россіи съ Австріей, Германія была бы призвана вступиться за Австрію и объявить Россіи войну.

26) Поведеніе Германіи на берлинскомъ конгрессѣ, нагло выдаваемомъ за благодѣяніе, оказанное Россіи кня-

земъ Бисмаркомъ, ниже всякой критики и устраняетъ даже тѣнь дружбы въ прусско-русскихъ отношеніяхъ. Князь Горчаковъ убѣдился въ явной непріязни князя Бисмарка и во время восточныхъ замѣшательствъ, и за столомъ берлинскаго конгресса. „Я сказалъ русскому канцлеру, выразился князь Бисмаркъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Times'a" въ 1878 году, что я добрый другъ съ друзьями, а добрый врагъ съ противниками. Не будь дѣла 1875 года, князь Горчаковъ не былъ бы теперь на берлинскомъ конгрессѣ". Слова эти доказываютъ, что князь Бисмаркъ вполнѣ сознавалъ двусмысленность своей политики по восточному вопросу, что онъ плохо маскировалъ свою непріязнь къ Россіи и цинично объяснялъ свое поведеніе личными счетами съ княземъ Горчаковымъ. Въ виду этого обличительнаго факта оставалось одно князю Бисмарку: завѣрить опять Россію, что и этотъ политическій скандалъ сдѣланъ имъ для охраны больного мѣста Россіи — *ея польскихъ земель.*

27) Въ 1878 году, на берлинскомъ конгрессѣ, быть можетъ по тайному совѣту и указанію желѣзнаго канцлера, лордъ Биконсфильдъ выдвинулъ на столъ „польскій вопросъ"; но князь Бисмаркъ, помня отказъ поляковъ въ 1877 году возстать противъ Россіи, отклонилъ разсужденіе по этому вопросу, стараясь не даромъ быть „честнымъ маклеромъ" и казаться не только сторонникомъ Россіи, но и защитникомъ ея интересовъ, а въ сущности же для того только, чтобы замаскировать свои интриги и происки на Балканскомъ полуостровѣ. Фактъ этотъ настолько извѣстенъ, что на немъ даже нѣтъ надобности останавливаться.

28) Въ 1879 году (9) 21 сентября, князь Бисмаркъ отправился лично въ Вѣну и тамъ уговорился съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ о союзномъ австро-германскомъ трактатѣ, *прямо направленномъ противъ Россіи.* Объ этомъ договорѣ Татищевъ выразился коротко и ясно: „Австро-нѣмецкій договоръ 1879 года опредѣлилъ безповоротно

дальнѣйшее направленіе политики Германіи. Съ исторической точки зрѣнія онъ, такимъ образомъ, является послѣднимъ словомъ того, что̀ принято называть доселѣ „традиціонною и неразрывною дружбою“, которою въ продолженіе двухъ столѣтій не переставала яко-бы дарить Пруссія нашъ царственный домъ и Россію“.

Австро-нѣмецкій договоръ 1879 года былъ дерзкимъ вызовомъ, брошеннымъ княземъ Бисмаркомъ прямо и исключительно противъ Россіи, столь недавно считавшейся союзницею обѣихъ договаривающихся сторонъ. Говорятъ, что покойный императоръ Вильгельмъ I долго не хотѣлъ ратификовать этотъ актъ, убѣжденный, что онъ неминуемо поведетъ къ войнѣ съ Россіей, и не хотѣлъ обнажить мечи противъ Государя, коему, какъ самъ онъ признался, онъ обязанъ былъ императорскою короною Германіи.

Князь Бисмаркъ говорилъ французскому послу при берлинскомъ дворѣ, графу Сенъ-Валье (2) 14 ноября 1879 года по поводу этого договора слѣдующее: „Взгляните на полученные результаты: тому назадъ шесть недѣль Россія мечтала лишь объ огнѣ и пламени; пріемъ, оказанный вами ея предложеніямъ, заставилъ ее призадуматься; мой уговоръ съ Австріею окончательно ее образумилъ. Мы рѣшили въ Вѣнѣ, что сообщимъ с.-петербургскому кабинету наше соглашеніе. Императоръ, мой государь, полагалъ, что сообщеніе это будетъ сочтено за вызовъ; онъ нѣсколько дней отказывалъ въ своемъ согласіи. Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству и подалъ въ отставку. Онъ ее не принялъ и отвѣчалъ предложеніемъ самому отречься отъ престола. Я отклонилъ это въ свою очередь и мы кончили тѣмъ, что уговорились. Желаемое мною сообщеніе состоялось; восемь дней спустя, какъ я предсказалъ императору, въ С.-Петербургѣ стали покладистѣе (on devenait plus doux à Saint-Pétersbourg), а теперь и совершенно пріостановили газетный походъ, воспретивъ газетамъ всякое нападеніе на насъ и на Австрію...“

29) Съ 1881 по 1883 годъ нѣмцы три года сряду увѣряли поляковъ, что никто другой, только одни нѣмцы возстановятъ Польшу.

30) Въ 1885 году, во время англо-русскаго спора въ Афганистанѣ, Англія, при содѣйствіи Пруссіи, старалась вызвать въ Польшѣ вооруженное возстаніе, чтобы занять Россію на западныхъ ея окраинахъ, отвлечь ея вниманіе отъ дѣлъ дальняго Востока и дать кн. Бисмарку возможность опять вмѣшаться въ дѣла Россіи.

Въ виду возможности русско-германской войны, въ послѣдніе годы ведется непрерывная изъ-за границы подпольная агитація, имѣющая цѣлью, во что-бы ни стало, возстановить поляковъ противъ Россіи, но поляки относятся къ этой агитаціи *индифферентно*. А между тѣмъ, князь Бисмаркъ усердно ищетъ способовъ расширить область пресловутой *„лиги мира“*. Въ половинѣ 1889 года онъ домогался рѣшительнаго отвѣта отъ Турціи, съ которою уже нѣсколько лѣтъ заигрываетъ; произведено было даже изъ Берлина сильное давленіе на султана и его совѣтниковъ, съ цѣлью побудить Порту формально приступить къ союзу средне-европейскихъ державъ. Абдулъ-Гамидъ уклонялся, отлично понимая, что принятіе предложенія изъ Берлина не доставило бы ему никакой выгоды, а между тѣмъ могло бы подвергнуть грозной опасности самое существованіе Оттоманской Имперіи.

Неизвѣстно, остался ли султанъ при своемъ мнѣніи и послѣ визита, сдѣланнаго ему въ Константинополѣ императоромъ германскимъ, или, колеблясь, обѣщалъ Вильгельму II на всякій случай *нейтралитетъ* Турціи, но положительно извѣстно то, что, несмотря на политическую прозорливость и дипломатическое искусство князя Бисмарка, Пруссіи не удалось завлечь Турцію въ сѣть *„лиги мира“*.

Подводя итоги трехъ-вѣковымъ прусско-русскимъ отношеніямъ, оказывается, что они были всегда своекорыстны для Пруссіи, а въ послѣднемъ столѣтіи даже вредны для Россіи. Пруссія создала въ Россіи *„польскій вопросъ“*, —

больное мѣсто Россіи, — *„ахиллесову ея пяту“*, открытую для иноземныхъ вмѣшательствъ въ дѣла внѣшней и внутренней политики Россіи.

Вотъ какъ дорого обходится вмѣшательство нѣмцевъ въ домашнія дѣла славянъ, если они сами не умѣютъ или не желаютъ миролюбиво разобраться между собою. Не даромъ знаменитый Крыловъ сказалъ: „всѣхъ тяжебъ выгоды суть стряпчимъ, да судьямъ“!... Какихъ штукъ не выкидывалъ *„честный маклеръ“* для охраны *„польскихъ земель Россіи“*, хотя эти земли могли быть охраняемы дружными усиліями русскихъ и поляковъ, живущихъ мирно и согласно.

Неразрѣшенный до сихъ поръ польскій вопросъ въ Россіи остается другое сряду столѣтіе открытымъ и доступнымъ для иноземной интриги, и если вѣрно, что настоящее не все значитъ въ политикѣ и что необходимо также считаться съ будущимъ, то для выгодъ и пользы русско-польскаго будущаго желательно было бы, чтобы Россія отказалась отъ своей вѣковой нѣмецкой политики по отношенію къ полякамъ и замѣнила ее славянскою, дружелюбною и родственною политикою.

Неужели тевтонское злополучное иго еще одно столѣтіе будетъ руководить нами, славянами, даже въ домашнихъ нашихъ дѣлахъ и спорахъ?... Пора бы довѣриться собственнымъ силамъ.

Во время гартмановскаго *ausrotten*'а въ прусской Польшѣ, князь Бисмаркъ заявилъ *à priori*, что каждый полный хозяинъ у себя дома, а между тѣмъ, Пруссія всегда вмѣшивалась между поляками и русскими въ Россіи и никогда не допускала ихъ жить въ мирѣ и согласіи. Носятся слухи, что князь Бисмаркъ и его партія никогда не допустятъ примиренія русскихъ съ поляками, въ видахъ и цѣляхъ своей тевтонской политики, девизомъ которой: *„divide et impera“*.

Въ заключеніе этой главы, раскрывающей нѣкоторыя тайны тевтонской вѣковой политики по отношенію ея къ Россіи, считаемъ долгомъ добавить, что переживаемый нами десятки

лѣтъ вооруженный миръ, въ экономическомъ отношеніи, былъ хуже войны, ибо отъ такого мира бѣднѣли государства и народы. Мы, конечно, не чувствовали запаха пороха, насъ не тревожилъ грохотъ выстрѣловъ, ни громъ боевыхъ орудій, но мы всѣ до одного испытывали послѣдствія непрерывной борьбы: финансовой, таможенной, промышленной, торговой и другихъ экономическихъ, тяжесть которыхъ ложилась гнетомъ на жизнь народовъ и выражалась дефицитомъ въ ихъ карманахъ.

По смыслу бисмарковской логики, пруссаки могутъ сказать еще разъ, что и эта подпольная война ведется нѣмцами тоже въ угоду Россіи и для охраны ея *польскихъ земель*.

Грустна эта политика нѣмецкихъ благодѣяній для Россіи, но она не менѣе грустна и для Германіи. „*Furor theutonicus*“ даетъ себя сильно чувствовать недавно благоденствующимъ народамъ объединенной Германіи. Нѣмцы подавлены навязаннымъ имъ насильно прусскимъ милитаризмомъ, стѣснены у себя дома экономически и въ своихъ отдѣльныхъ правахъ, выработанныхъ вѣками, а по поводу солидарности съ пруссаками изолированы въ общественномъ мнѣніи остальныхъ народовъ Европы; иностранцы объѣзжаютъ нѣмецкія земли, подвластныя желѣзной рукѣ желѣзнаго канцлера; нѣмцы окружены прусскою полиціею и прусскими шпіонами, вовлечены въ водоворотъ прусскаго культуръ-кампфа, словомъ, нѣмцы не очень благоденствуютъ подъ главенствомъ Пруссіи.

Постоянные походы пруссаковъ противъ русскихъ финансовыхъ операцій и русскихъ бумагъ, постоянное запугиваніе общества и биржи, вызывало также во всѣхъ кругахъ и слояхъ нѣмецкаго общества сильное неудовольствіе. Въ слѣпомъ стремленіи повредить Россіи, князь Бисмаркъ наносилъ громадный вредъ пруссакамъ и нѣмцамъ и готовилъ для германской торговли и промышленности еще болѣе тяжелыя времена, потому что Россія, не желая оставаться въ долгу, принимала тоже свои контръ-мѣры и ставила ввозу германскихъ товаровъ въ Россію новыя затрудненія.

Словомъ, „*furor theutonicus*“ грозенъ и опасенъ для всѣхъ народовъ вообще, а для нѣмцевъ — въ особенности.

Но опаснѣе всего *furor theutonicus* является для настоящаго и будущаго славянъ, разрозненныхъ между собою исторіею, что весьма удобно и выгодно для берлинской дипломатіи, которая очень любитъ въ мутной водѣ рыбу ловить.

Глава этой дипломатіи, искусный „желѣзный канцлеръ“ ставилъ бы ни во что слабыя младшія славянскія племена и народности, если бы политическая необходимость не заставляла его считаться съ Россіею, ставшею твердо на стражѣ славянства, во имя своей исторической миссіи.

Не легко тоже князю Бисмарку справиться съ чехами, явными антагонистами нѣмцевъ, несмотря на полную готовность къ услугамъ Берлина бисмарковскаго агента въ Австріи, графа Таафе, созвавшаго недавно конференцію по вопросу о соглашеніи между нѣмцами и чехами, населяющими Богемію. Младо-чешская партія отстранилась отъ совмѣстнаго обсужденія вопроса, имѣющаго для будущности богемскихъ славянъ крайне громадное значеніе. Патріоты младо-чехи, ни подъ какимъ предлогомъ, не примкнутъ къ новой программѣ и доведутъ свое сопротивленіе до крайняго предѣла. Это сознаетъ и сторонникъ графа Таафе, представитель старо-чеховъ, Ригеръ.

Трудно также князю Бисмарку справиться съ поляками, которые, несмотря на безвыходность своего положенія, не примутъ изъ рукъ тевтоновъ не только царства земного, *въ родѣ свободной и независимой Польши*, но даже и царства небеснаго.

Но самый трудный и опасный порогъ на пути германско-бисмарковской политики, стремящейся къ всемірному владычеству, — это Россія.

Нѣмецкая историческая наука выработала слѣдующее убѣжденіе: что если трудно побороть Россію, то ничего нѣтъ легче, какъ обойти ее. Князь Бисмаркъ, со дня вступленія своего на дипломатическое поприще, усвоилъ себѣ

этотъ урокъ нѣмецкой исторіи и за все время нахожденія своего у власти никогда не упускалъ его изъ виду.

Закончимъ эту главу многознаменательными словами русскаго патріота, С. С. Татищева:

„Державная Воля, руководящая судьбами Россіи, не поддается ни лести, ни угрозѣ, недоступна иноземнымъ внушеніямъ. Она самостоятельно взвѣшиваетъ нужды и пользы государства, вдохновляемая свыше, умудряемая опытомъ исторіи. Въ непоколебимой твердости ея, — залогъ внутренняго порядка и внѣшней безопасности отечества“.

Это—совершенно вѣрно! Внѣшняя политика нашей непоколебимой Державной Воли очертана ясно при воцареніи Государя Императора въ циркулярѣ отъ 4 марта 1881 года.

Благодаря только сильному вліянію на иностранную политику русской Державной Воли, Россія устояла въ виду многократныхъ искушеній и отклонила кровопролитныя столкновенія, и мы съ вѣрою и надеждою встрѣтили 1890 годъ, какъ новую эпоху давно желаннаго мира, о которомъ единомышленно гласятъ герольды западной публицистики.

Но оглашенія герольдовъ не разрѣшаютъ еще вопроса о всеобщемъ разоруженіи, а пока это не случится, трудно вѣрить въ прочность мира, въ виду шестнадцати милліоновъ вооруженнаго съ ногъ до головы войска, и при всемъ нашемъ желаніи настоящаго мира, при крайней его необходимости для упорядоченія обще-европейскихъ экономическихъ затрудненій, мы подозрѣваемъ новую хитрость „стараго желѣзнаго канцлера“, которую онъ „съ Новымъ годомъ“ преподнесъ Россіи, вдобавокъ къ столь многимъ прусскимъ любезностямъ, описанію которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ, мы посвятили настоящую главу.

ГЛАВА V.

Вѣковое господство нѣмецкой политики въ Россіи, по отношенію къ Польшѣ и къ полякамъ.

V. ВѢКОВОЕ ГОСПОДСТВО НѢМЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ ВЪ РОССІИ, ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ПОЛЬШѢ И КЪ ПОЛЯКАМЪ.

Раздѣлы Польши увеличили Пруссію территоріально и содѣйствовали государственному ея возвышенію, до нынѣшней первенствующей и, такъ сказать, „*диктаторской*“ роли въ Европѣ.

Россія, потворствуя и благодѣтельствуя маленькой при Петрѣ I Пруссіи, усиливая ея могущество, незамѣтно сама себѣ создала опаснаго сосѣда, съ которымъ должна постоянно считаться и смотрѣть на него въ оба. По отношенію къ Польшѣ и къ полякамъ, Россія болѣе ста лѣтъ была солидарною съ пруссаками и постоянно работала и трудилась „*pour le roi de Prusse*“.

Князь Бисмаркъ не даромъ выдумалъ принципъ, что „прусскіе и русскіе интересы должны быть признаны крѣпко связанными тѣмъ неизмѣннымъ положеніемъ, которое Пруссія и Россія занимаютъ относительно Польши и поляковъ“. Князю Бисмарку, видно, удобнѣе, при послабленіи со стороны Россіи, давить славянъ, для того-то онъ и навязывалъ свой тевтонскій принципъ славянской Россіи.

Возбудить недовѣріе всѣхъ славянъ къ русской политикѣ было задачею враговъ Россіи, а во главѣ ихъ — князя Бисмарка.

Нѣмцы ловко выгораживаютъ себя отъ всякой отвѣтственности за раздѣлы Польши, они считаютъ добычу польскихъ земель плодомъ своей же вѣковой борьбы съ поляками за право существованія, согласно тяготѣнію „*nach Osten*“, а раздѣлы Польши нѣмцы приписываютъ одной только Россіи, которая въ 1768 году гарантировала полякамъ „неприкосновенность польскихъ земель“, а потомъ согласилась на отдачу этихъ земель—нѣмцамъ.

„*Beati possidentes*“, говорятъ пруссаки, наше дѣло сторона.

И. С. Аксаковъ въ своей политической статьѣ, составленной въ 1861 году, подъ заглавіемъ: „Наши нравственныя отношенія къ Польшѣ“, сказалъ: „изобрѣтательности Фридриха II, такъ называемаго Великаго, принадлежитъ фактъ, что осужденіе за раздѣлы Польши легло всею тяжестью на Россію“.

Пруссаки, съ предвзятою цѣлью, создали въ Россіи и для Россіи „*польскій вопросъ*“, и слишкомъ сто лѣтъ тормозятъ этимъ вопросомъ внутреннюю и внѣшнюю политику Русскаго Государства.

„*Польскій вопросъ*“ почему-то не существуетъ ни въ Австріи, ни въ Пруссіи, гдѣ для него было бы болѣе приличное и подобающее мѣсто.

Все это горькіе плоды нѣмецкой политики въ Россіи, которая заявила себя ясно въ 1772 году, когда Россія дѣлила Польшу между нѣмцами и отдавала поляковъ-славянъ на жертву германизаціи. Несогласіе Россіи на раздѣлъ Польши было бы тогда рѣшающимъ для Фридриха II; онъ самъ, одинъ, не посягнулъ бы на цѣлость и независимость польскаго государства, а потому искалъ на Сѣверѣ сообщницы, готовой служить нѣмецкой политикѣ, ея видамъ и цѣлямъ. Россія долго увлекалась нѣмецкою политикою и очень недавно начала сознавать свою славянскую миссію и свои права на первенствующую роль въ группѣ славянскихъ народовъ, благодаря трудамъ и усиліямъ русскихъ славянофиловъ и русскихъ патріотовъ: Погодина,

Кирѣевскаго, Аксакова, Хомякова, князя Вяземскаго, Гильфердинга, Розенгейма, Миллера, Бестужева-Рюмина, Ламанскаго и другихъ.

Русскіе и не-русскіе нѣмцы цѣлый вѣкъ занимали высшія государственныя должности въ Россіи и правили Россіею, а отъ нѣмцевъ, конечно, трудно было домогаться славянской политики, по отношенію къ Польшѣ, къ полякамъ и прочимъ славянамъ. Преобладаніе нѣмецкой партіи въ русскихъ правительственныхъ сферахъ въ Петербургѣ продолжалось съ самаго начала Петровскаго періода до послѣдняго времени включительно. Все нѣмецкое ставилось на первый планъ, имѣло свою силу, свое вліяніе, а равно престижъ и обаяніе въ Россіи. Въ сороковыхъ годахъ разсказывали оригинальный анекдотъ извѣстнаго русскаго генерала и патріота А. П. Ермолова, будто бы просившаго, за вѣрную и усердную его службу царю и отечеству, сдѣлать его нѣмцемъ. На сколько оффиціальная Россія была онѣмечена въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I, мы не имѣемъ подъ рукою положительныхъ данныхъ, но должно быть тогда на высшихъ ступеняхъ правительственной іерархіи было много нѣмцевъ, если еще недавно, въ 1876 году, онѣмеченіе высшихъ оффиціальныхъ сферъ въ Россіи доходило до громаднѣйшихъ размѣровъ. Авторъ сочиненія: „*Les Prussiens en Allemagne*“, Victor Tissot, Paris, 1877, на стр. 446 и 447 говоритъ слѣдующее:

„Aujourd'hui l'invasion allemande en Russie atteint des chiffres surprénants. L'Allemagne a une armée en Russie. Voici la statistique publiée par „*Le monde Russe*“ (Русскій міръ) au mois de janvier 1876; il ne s'agit que des Allemands employés de l'Etat... Dans le conseil de l'empire, les Allemands figurent pour 36%. Dans *le Senat*—pour 33%. Parmi les secrétaires d'Etat,—pour 43%. Parmi les ministres et les chefs des grandes administrations (contrôle de l'empire, postes, télégraphe)—pour 62%. Dans *le ministère de la cour:* Adjudants généraux—pour 33%; dans la suite

de l'émpereur—pour 34%; officiers d'ordonnance—pour 46%; fonctonnaires civils de I classe—pour 66%; fonctionnaires, civils de II classe—pour 27%; fonctionnaires civils de grades inférieurs—pour. 71%; dans le service médical—pour 71%. *Dans le ministère des affaires étrangères*: administration centrale—pour 59%; ambassadeurs, ministres plenipotentiaires, agents diplomatiques, chargés d'affaires, conseils généraux—pour 50%. *Ministère de l'interieur*: conseil des ministres — 13%; départements — pour 16%; département médical — pour 43%; gouverneurs généraux — pour 40%; gouverneurs militaires—pour 43%; gouverneurs—pour 18%. *Ministère de la guerre*: conseil militaire—pour 36%; comités centreaux — pour 36%; Etat-major général — pour 35%; administration médicale—pour 32%; administration centrale de l'artillerie — pour 47%; fabrique d'armes, fabrique de poudre, arsenaux — pour 53%; administration centrale de l'intendance—pour 60%; administration centrale du génie—pour 70%; commandement des bataillons des tirailleurs—pour 83%; tribunal militaire, académie de droit, tribunaux militaires de district—pour 32%; écoles militaires—pour 28%; comité pour les blessés—pour 43%; commandants des districts militaires—pour 43%; administrations des districts et commandements militaires provinciaux: dans les districts de Finlande—pour 90%; de S.-Pétersbourg—pour 32%; de Varsovie—pour 37%; de Kieff—pour 17%; d'Odessa—pour 14%; de Kharkoff—pour 13%; de Moscou—pour 21%; de Kasan—pour 25%; d'Orenbourg—pour 22%; de Turkestan—pour 21%; de Caucase — pour 30%. *Dans les troupes de campagne*: chefs des divisions d'infanterie de la garde—pour 33%; chefs des régiments—pour 60%; chefs de divisions, de cavalerie de la garde — pour 52%; chefs de régiments de cavalerie de la garde—33%; chefs de brigades d'artillerie de la garde—pour 75%; chefs de bataillons de tirailleurs de la garde — pour 50%; chefs de divisions d'infanterie de l'armée—pour 37%; chefs de brigades—pour 37%; chefs de régiments—pour 67%; chefs de division de cavalerie—

pour 75$^0/_0$; chefs de brigades de cavalerie — pour 56$^0/_0$; chefs de regiments de cavalerie — pour 47$^0/_0$. *Artillerie*: chefs de brigades — pour 28$^0/_0$; chefs de brigades des bataillons de tirailleurs — pour 28$^0/_0$; chefs de bataillons — pour 42$^0/_0$; chefs de brigades des sapeurs — pour 80$^0/_0$; chefs de bataillons des sapeurs — pour 85$^0/_0$; chefs de bataillons de ligne et de forteresse — pour 30$^0/_0$. *Ministère de cultes:* administration centrale—pour 6$^0/_0$; curateurs — pour 51$^0/_0$. *Finances*: administration centrale—pour 28$^0/_0$; banque de l'émpire, comptoirs, chefs de cours camérales, des districts douaniers et de bureaux de douane — pour 27$^0/_0$. *Ministère des domaines*: administration centrale—pour 33$^0/_0$; chefs des cours de domaines—pour 55$^0/_0$; mines—pour 44$^0/_0$. *Ministère de la justice*: administration centrale—pour 33$^0/_0$; cours palatines—pour 25$^0/_0$; cours de districts—pour 25$^0/_0$; procureurs—pour 17$^0/_0$. *Ministère de travaux publics*: administration centrale — pour 37$^0/_0$; chefs de districts — pour 40$^0/_0$; inspecteurs de chemins de fer—pour 33$^0/_0$. *Contrôle de l'empire*: administration centrale—pour 22$^0/_0$; chefs des cours centrales — pour 14$^0/_0$. *Ministère de la marine*: administration centrale — pour 40$^0/_0$; amireaux, vice-amireaux, contre-amireaux—pour 55$^0/_0$; commandants de ports — 22$^0/_0$. —Que reste-t-il aux Russes?"... (Victor Tissot). Впрочемъ, за послѣдній 1854 годъ царствованія императора Николая, какъ это оказывается изъ Адресъ-календаря за этотъ годъ, часть I, стр. 135—140, видно, что по внутреннимъ должностямъ на 135 человѣкъ русскихъ приходилось 122 иностранца. При императорѣ Александрѣ I было еще больше иностранцевъ на службѣ.

Пораженный громадностью нѣмцевъ на всѣхъ высшихъ государственныхъ должностяхъ въ Россіи, французскій туристъ, Викторъ Тиссо, спрашиваетъ удивленный: „*Que reste-t-il aux Russes??*"...

Мы, поляки, привыкли давно ничему не удивляться, потому что мы чувствовали на своей злополучной судьбѣ нѣмецкую политику во многихъ правящихъ сферахъ. Поли-

тику эту отражать сразу не легко было, ибо она пустила глубоко свои корни и воспитала цѣлыя поколѣнія нѣмецкихъ бюрократовъ на русской почвѣ и подкладкѣ.

Странная судьба польскаго народа!

За вѣковую, историческую борьбу его съ нѣмцами на рубежахъ славянства,—за кровавыя побѣды поляковъ надъ нѣмцами на поляхъ Гундсфельда, Гринвальда и Таненберга, поляки наказаны, по приговору исторіи,—*„нѣмцами“*, не только въ Пруссіи и Австріи, но даже и въ славянской Россіи.

Не удивительно, что нѣмецкая политика всегда противудѣйствовала дѣйствительному умиротворенію поляковъ и сближенію ихъ съ Россіею, и не удивительно потому, что славянская рознь любезна нѣмцамъ и составляетъ ихъ главную историческую задачу. Нѣмецкая политика въ Россіи дразнила поляковъ, вызывала ихъ оппозицію и доводила ихъ нерѣдко до отчаянія, и если Россія, въ теченіе ста двадцати лѣтъ, не успѣла сладить съ поляками, вина въ томъ не поляковъ, а нѣмецкой политики въ Россіи.

Стоитъ посмотрѣть, что дѣлали въ Польшѣ и изъ Польши нѣмцы.

Въ Польшѣ и въ земляхъ бывшей Польши, послѣ печальныхъ событій 1863 года, нѣмцамъ, по милости намѣстника, графа Берга и бывшаго варшавскаго генералъ-губернатора Коцебу, дана была полная воля и свобода дѣйствія, а равно самыя широкія права по отчужденію и арендованію польскихъ земель. Все это творилось въ видахъ будто бы *обрусѣнія* Польши и для противувѣса мѣстному польскому элементу, а въ сущности, для приготовленія князю Бисмарку аванъ-постовъ въ предѣлахъ русскаго государства, на случай приведенія въ исполненіе *„кнезебековской программы“*. Слѣдуя этой нѣмецкой политикѣ, нѣмцы давно бы уже онѣмечили Польшу и западныя окраины Россіи, если бы на это не обратила вниманія истинно-русская Верховная Власть и не ограничила прилива нѣмцевъ въ предѣлы Россіи благотворнымъ закономъ *„о иностранцахъ“*.

Какъ относились истинно-русскіе люди и чистокровные нѣмцы къ Польшѣ и къ полякамъ послѣ возстанія 1863 года, лучше всего разскажутъ намъ факты: императоръ Александръ II, не желая мѣшать политики въ дѣло воспитанія и образованія юношества, двумя именными Высочайшими повелѣніями, данными въ 1864 и 1866 годахъ, всемилостивѣйше даровалъ польскимъ дѣтямъ право учиться въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства, на родномъ ихъ, польскомъ языкѣ, отведя въ школѣ подобающее мѣсто и русскому, государственному языку. Милости эти исходатайствовалъ для поляковъ русскій человѣкъ— Милютинъ; но дѣло русскаго въ Польшѣ испортилъ нѣмецъ, Витте, бывшій попечитель варшавскаго учебнаго округа, который воли государя не исполнилъ, польскаго языка въ школу не только не допустилъ, но даже распорядился преподавать и польскій языкъ на русскомъ изложеніи, и то въ очень маленькихъ, гомеопатическихъ дозахъ. Цѣль такой нѣмецкой политики въ Варшавѣ была ясна: онѣмечить колонистами цѣлую Польшу и возстановить противъ Россіи подростающее молодое поколѣніе поляковъ.

Благодаря нѣмецкой политикѣ, Россія, съ самаго начала царствованія императора Николая I-го, совсѣмъ не дорожила Польшею и поляками, какъ это видно изъ „*Norddeutsche Allg. Ztg.*“, которая въ 1863 году рѣшилась опубликовать слѣдующее: „возможность отдачи Польши нѣмцамъ затрогивалась неоднократно со дня кончины императора Александра I, но всегда только по русской иниціативѣ и въ анти-польскомъ духѣ. Со стороны императора Николая I, мысль объ уступкѣ Пруссіи не только лѣваго берега Вислы, но и г. Варшавы была будто-бы высказываема нѣсколько разъ королю Фридриху Вильгельму IV, и въ послѣдній разъ во время крымской войны“.

Мы выше сказали, что поляки во время крымской войны вели себя безупречно хорошо, мирно и спокойно. За это поведеніе поляковъ, Россія предлагала Польшу— *нѣмцамъ!*

Далѣе „*Nordd. Allg. Ztg.*“ говоритъ: „въ царствованіе императора Александра II-го, послѣ неудачи примирительныхъ попытокъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, графа Лямберта и маркиза Велёпольскаго, въ русскихъ правительственныхъ сферахъ въ Петербургѣ обсуждался вопросъ: „*о новомъ раздѣлѣ Польши*“ между Россіей и Пруссіей, за исключеніемъ лишь Варшавы, этого излюбленнаго Россіею гарнизоннаго мѣста и важнаго укрѣпленнаго пункта“.

Русскій человѣкъ и патріотъ, генералъ М. Ѳ. Скобелевъ 2-й, выразился о польскомъ вопросѣ совершенно вѣрно: „пока польскій вопросъ будетъ тяготѣть надъ нами, всякое правильное развитіе въ лучшемъ народно-историческомъ значеніи этого слова будетъ крайне затруднительно“.

Разрѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи Скобелевъ понималъ, какъ славянинъ, и скорбѣлъ о томъ, что въ Россіи есть мѣсто для нѣмецкой политики, по отношенію къ братьямъ-славянамъ. Скорбь эта выразилась въ 1881 году въ его рѣчи къ сербскимъ студентамъ въ Парижѣ, когда онъ, намекая на нѣмецкую политику въ Россіи, сказалъ: „*Quoique chez nous, nous ne sommes pas chez nous!*“ [15]).

Авторъ политической брошюры, изданной въ Парижѣ въ 1885 году, подъ заглавіемъ: „*Russie-Pologne*“, графъ Янъ Замойскій, доказывая необходимость примиренія русскихъ съ поляками, для пользы славянства и для торжества славянской идеи въ Европѣ, между прочимъ, говоритъ, что онъ встрѣтилъ за-границею бывшаго варшавскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Альбединскаго, который прямо сообщилъ графу, что Россія, на случай войны съ пруссаками, готова имъ уступить Царство Польское, лишь бы прекратить вовсе нежеланную кровопролитную войну.

Почитая глубоко добрую память о покойномъ генералѣ Альбединскомъ, позволяемъ себѣ сомнѣваться въ вѣрности этихъ словъ, потому что Россія, уступая Польшу

---

[15]) См. „Отвѣтъ генералу Скобелеву графа Петра Кутузова“. 1882.

Пруссіи, сказала бы свое послѣднее слово въ славянскомъ вопросѣ и покончила бы разъ навсегда свою славянскую миссію, а главное и потому еще, что, уступая Польшу пруссакамъ, Россія открыла бы имъ давно желанный путь „*Von der Weichsel bis zum Dniepr*“,— такъ какъ старинный тевтонскій лозунгъ: „*Drang nach Osten!*“ уже устарѣлъ и не удовлетворяетъ современнаго аппетита ненасытной тевтонской рассы.

Польскій вопросъ въ Россіи, въ настоящемъ его видѣ, „*in statu quo*“, заграждаетъ Россіи путь къ славянству и дѣлаетъ невозможнымъ образованіе славянской группы въ Европѣ, крайне необходимой для противувѣса грозной германской группѣ.

Не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію, что единственный и ближайшій путь Россіи къ славянству пролегаетъ чрезъ Польшу, на которую обращено вниманіе всѣхъ остальныхъ славянъ.

Безъ разрѣшенія Россіей польскаго вопроса въ смыслѣ политической справедливости, дающей полякамъ возможность развивать свою національную особенность и свою многолѣтнюю народность, немыслимо влеченіе и тяготѣніе остальныхъ славянъ къ Россіи. Анти-русская партія за-границею постоянно указываетъ юго-западнымъ славянамъ на судьбу поляковъ, русскихъ подданныхъ, что уже сказывалось въ славянской печати, въ болгарскомъ собраніи и, подъ вліяніемъ Австріи, въ засѣданіяхъ сербской скупщины.

На современныхъ русско-польскихъ отношеніяхъ трудно строить громадное зданіе славянской группы.

На этомъ мѣстѣ, считаемъ долгомъ повторить сказанное нами въ 1881 году, въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Примиреніе русскихъ съ поляками“, изданной и напечатанной въ С.-Петербургѣ: „Тройственное положеніе поляковъ въ земляхъ бывшей Польши, составляетъ гордіевъ узелъ польскаго вопроса въ Европѣ, а вмѣстѣ съ симъ и кость раздора между Россіею, Австріею и Пруссіею. Каждое изъ трехъ правительствъ обходится съ поляками согласно

духу времени и политическимъ обстоятельствамъ. Если такая колеблющаяся политика свойственна и прилична Пруссіи и Австріи, то соплеменная Россія должна бы выработать у себя польско-русскую политику, основанную на уваженіи взаимныхъ племенныхъ правъ и интересовъ, политику славянскую по внѣшнему ея виду и по внутреннему ея содержанію.

Не нужно быть дальновиднымъ дипломатомъ, чтобы заранѣе предсказать, что настоящимъ положеніемъ поляковъ въ Россіи захочетъ, со временемъ, воспользоваться кто-либо изъ враговъ ея [16]). Трудно желать и домогаться, чтобы поляки въ безконечномъ періодѣ политической кары, лишенные всѣхъ правъ, присущихъ мирнымъ жителямъ края, правильно развивались граждански и выработали у себя столько зрѣлаго и политическаго такта, дабы въ данный часъ могли рѣшительно отклонить всѣ искушенія и заманчивыя обѣщанія, какими обыкновенно увлекаются недовольныя народности.

Слишкомъ столѣтній опытъ доказалъ, что польская народность крѣпка и живуча. Вообще всѣ историческія старыя народности, тѣмъ дороже цѣнятся, тѣмъ крѣпче отстаиваются, — чѣмъ больше и сильнѣе ихъ подавляютъ.

Народность, — это неуловимая, воплощенная въ жизнь сила.

Разсчитаться съ нею — невозможно.

Несмотря на эту аксіому, въ Россіи продолжается нѣмецкая политика по отношенію къ полякамъ и примѣняется къ малѣйшимъ подробностямъ ихъ жизни.

Анти-польская политика почему-то усиливается и, неизвѣстно для какихъ видовъ и цѣлей, — удерживается подлежащій уже забвенію польскій вопросъ на той точкѣ, на которую его поставили смутныя обстоятельства 1863 г.

Только исконные враги славянъ — нѣмцы могли, съ

---

[16]) Такъ и случилось: князь Бисмаркъ въ 1877, а Англія въ 1885, хотѣли вызвать революцію въ русской Польшѣ.

предвзятою цѣлью, создать въ Россіи такую враждебную политику по отношенію къ единоплеменнымъ полякамъ, дабы фактически показать западнымъ и южнымъ славянамъ, чего именно они могутъ ожидать для себя и своихъ поколѣній, при болѣе ихъ тѣсной связи съ Россіей.

И въ самомъ дѣлѣ, такихъ пріемовъ и ограниченій, какіе начертала чисто нѣмецкая политика въ Россіи противу поляковъ, русскихъ подданныхъ, не употребляли никогда древніе тевтонскіе рыцари, извѣстные заклятые враги славянъ вообще, а поляковъ — въ особенности, чему доказательствомъ служитъ историческій трудъ Кентржинскаго: „*O ludności polskiej w Prusach niegdyś krzyżackich*“ (Польское населеніе въ тевтонской Пруссіи. Львовъ, 1882 года).

На стр. 109 и 110 этого труда мы нашли слѣдующій любопытный документъ, касающійся польскаго землевладѣнія въ тевтонской Пруссіи, въ XIII вѣкѣ: „не подлежитъ сомнѣнію, что Тевтонскій Орденъ владѣлъ не только туземною коренною польскою шляхтою, но и шляхтою-выходцами изъ другихъ польскихъ провинцій, которую принималъ охотно и водворялъ у себя прочною осѣдлостью, на правахъ мѣстныхъ гражданъ“.

„Ограниченіе, находящееся въ привиллегіи 1236 года: „*vendat libere bona sua, cui vult prœterquam Polono seu Pomerano*“, нисколько не воспрещало полякамъ покупать рыцарскія земли и не ограничивало польскаго землевладѣнія въ Тевтоніи“.

„Слова: „*Polonus, Pomeranus, Theutonicus*“, надо понимать въ значеніи не народности, а государственности“.

„Не воспрещалъ Тевтонскій Орденъ продавать тевтонскія земли полякамъ и поморцамъ, принявшимъ тевтонское подданство, даже самъ отъ себя щедро ихъ надѣлялъ землями, но воспрещалъ отчуждать эти земли иностранцамъ, чужимъ гражданамъ, не связаннымъ съ Орденомъ ничѣмъ болѣе, кромѣ землевладѣнія“.

Нѣмцы-правители въ Россіи, желая насолить славянамъ,

поступили въ этомъ отношеніи діаметрально противуположно: они хлопотали усердно о воспрещеніи полякамъ, русскимъ подданнымъ, покупать землю въ границахъ бывшей Польши, а зато дозволяли нѣмцамъ, иностраннымъ подданнымъ, выкупать польскія земли и этимъ путемъ онѣмечивать Польшу и Русь, для достиженія чего нѣмцы-колонисты переименовывали искони славянскія села, деревни и урочища нѣмецкими прозвищами [17]).

Далѣе историкъ Кентржинскій говоритъ: „Тевтонскій Орденъ домогался, чтобы всѣ его осѣдлые жители, несли обязательно воинскую и другія государственныя повинности, чего не могъ требовать отъ иностранцевъ, владѣющихъ его землями. Чужое землевладѣніе въ тевтонскомъ краѣ могло быть вредно въ политическомъ отношеніи: каждый пришлый землевладѣлецъ могъ удачно въ рядахъ непріятельской арміи воевать съ Орденомъ, зная хорошо мѣстность края, — а этого именно не желалъ тевтонскій законъ 1236 года“.

Но этого именно желали нѣмцы на высшихъ государственныхъ постахъ въ Россіи, содѣйствуя онѣмеченію Польши и Руси, въ угоду всемогущему „желѣзному канцлеру“.

---

[17]) Авторъ настоящей брошюры первый обратилъ вниманіе русскаго правительства на это нѣмецкое хозяйство въ Россіи, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Примиреніе русскихъ съ поляками“, Спб. 1881 г. Онѣмеченіе Польши доказываетъ слѣдующій фактъ: въ небольшой сравнительно Люблинской губерніи къ 1 января 1889 года, было еще 2,829 семействъ нѣмцевъ-земледѣльцевъ, германскихъ подданныхъ. Такое иностранное землевладѣніе, это авангардъ прусской арміи въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Вотъ, что сотворила нѣмецкая у насъ партія... Интересны изслѣдованія г. Велицына о нѣмецкихъ колоніяхъ на югѣ Россіи. Колонисты сто лѣтъ назадъ пришли въ Россію пѣшкомъ, а теперь ихъ земельная собственность и запасные капиталы достигаютъ многихъ сотенъ милліоновъ рублей, владѣльцы которыхъ буквально ничѣмъ не связаны съ Россіею. Такого благополучія нѣмцы-колонисты, безъ особой поддержки и протекціи, достигнуть не могли бы, хотя необходимо отдать полную справедливость ихъ экономическому труду и разумной бережливости.

Примѣненіе вышесказаннаго тевтонскаго закона 1236 года къ полякамъ въ Россіи имѣло бы, по крайней мѣрѣ, историческую подкладку, но такъ называемыя *„временныя мѣры“*, ограничивающія польское землевладѣніе въ Польшѣ и въ девяти западныхъ губерніяхъ Россіи, не имѣютъ своего первообраза въ исторіи царствъ и народовъ. Фридрихъ II лично началъ германизацію бывшихъ польскихъ областей. Дѣло Фридриха II подвигалось однакожъ медленно, но когда Россія начала обрусѣніе Польши и поляковъ, тогда и пруссаки опомнились, а ярый нѣмецкій философъ, Эдуардъ фонъ-Гартманнъ, въ январѣ 1885 года, въ газетѣ *„Gegenwart“*, приглашалъ нѣмцевъ истреблять славянское землевладѣніе въ предѣлахъ Германіи, не жалѣя на это дѣло даже милліардовъ. Программу Гартманна усвоилъ себѣ кн. Бисмаркъ, по отношенію къ прусскимъ полякамъ, и въ маѣ мѣсяцѣ 1885 года началъ выгонять поляковъ изъ предѣловъ Восточной и Западной Пруссіи, Силезіи и изъ Великаго Княжества Познанскаго, а засимъ открылъ нѣмцамъ кредитъ изъ германскаго государственнаго фонда въ сто милліоновъ марокъ, для выкупа польскихъ земель.

Вслѣдствіе безвыходнаго положенія поляковъ въ Россіи, польско-русская международная пропасть, созданная на славянской почвѣ нѣмецкою интригою, расширяется и углубляется постепенно, во вредъ великой идеѣ — славянскаго сближенія и славянскаго единства.

ГЛАВА VI.

Историческія отношенія поляковъ къ русскимъ.

VI. ИСТОРИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ КЪ РУССКИМЪ.

Съ незапамятныхъ временъ, внѣшнія отношенія поляковъ къ русскимъ, какъ народа къ народу, всегда были хороши, всегда дружественны, пока они не подверглись искусственному вліянію и направленію враждебной славянамъ нѣмецкой политики.

Поляки, до раздѣла Польши, никогда не хотѣли чѣмъ-либо помогать врагамъ Россіи, не желая зла русскому народу. Припомнимъ факты: когда турецкій султанъ Солиманъ II приглашалъ короля польскаго Сигизмунда-Августа напасть на Царство Русское, во время похода царя Ивана Грознаго на Астрахань около 1557 года; поляки просили своего короля отвѣтить Солиману: „я этого сдѣлать не могу, ни за какія блага въ мірѣ,—Іоаннъ IV мнѣ соплеменный государь!“ Баторій предлагалъ Ивану Грозному личный поединокъ, лишь бы невинно не проливать братней крови, польской и русской. Поляки съ негодованіемъ отклонили предложеніе шведскаго короля Густава-Адольфа посягнуть на цѣлость и независимость Русскаго Царства. Вообще, короли польской династіи Пястовъ и Ягеллоновъ не гонялись за политикою захватовъ и не нападали на Московское Государство, ихъ историческая миссія была: на западѣ Польши оберегать славянство отъ наѣздовъ германцевъ и тевтоновъ, а на югѣ—отпирать набѣги турокъ и

татаръ. Во время похода Стефана Баторія на Полоцкъ и Великіе Луки въ 1579 году, литовско-польская шляхта, не сочувствуя войнѣ, отказала дать королю деньги на войну съ Москвою, окончившуюся миромъ въ Киверовой Горкѣ 15 января 1582 года. Поляки воевали съ Москвою въ царствованіе иноземцевъ на польскомъ тронѣ, а домъ Вазы служилъ болѣе шведской и нѣмецкой, нежели польской политикѣ. Нѣкоторые русскіе историки за эпоху самозванцевъ въ Россіи, дѣлаютъ Польшѣ и полякамъ вѣчный упрекъ, но этотъ упрекъ незаслуженный. Къ эпохѣ самозванцевъ въ Россіи надо относиться строго критически и искать ея истинныхъ причинъ въ тогдашней политикѣ московскихъ порядковъ, сказавшихся выходомъ массы населенія въ бунты и казачество, а главное, на искательство приключеній съ помощью грубой силы и кулачной расправы. Это народное бѣдствіе имѣло свои органическія причины. Виновникомъ вмѣшательства поляковъ въ исторію самозванцевъ въ Россіи, былъ король польскій Сигизмундъ III—иностранецъ на польскомъ тронѣ, іезуитъ по религіознымъ убѣжденіямъ, шведъ по рожденію и воспитанію, нѣмецъ—по образу мыслей и по своимъ семейнымъ связямъ; онъ былъ женатъ два раза, мимо воли народа, на двухъ природныхъ нѣмкахъ. Сигизмундъ III менѣе другихъ королей пользовался любовью и симпатіею поляковъ за то именно, что хотѣлъ уступить Польшу нѣмцамъ, а между прочимъ и потому, что не умѣлъ говорить по-польски, не хотѣлъ носить польскаго народнаго костюма, предпочитая обыкновенное нѣмецкое платье. Поляки не любили Сигизмунда за его политику; онъ вовлекъ ихъ въ безполезныя войны съ Швеціею, а потомъ съ Москвою. Нелюбовь эта къ королю выразилась такъ называемымъ въ исторіи: „*Rokoszem Zebrzydowskiego*“ (Возстаніемъ Зебржидовскаго), поводомъ къ которому былъ бракъ Сигизмунда III съ австрійскою эрцъ-герцогинею и противная полякамъ его тѣсная связь съ нѣмцами.

Никакая сила не могла отклонить Сигизмунда III-го отъ вмѣшательства его въ дѣла Московскаго Государства;

сынъ его, королевичъ Владиславъ и гетманъ Жолкевскій убѣждали короля рѣшительно отказаться отъ посягательства на спокойствіе Москвы и не препятствовать Владиславу вступить на московскій престолъ, согласно условіямъ, предложеннымъ москвичами, и наконецъ покончить это дѣло союзомъ, который могъ положить начало польско-русской уніи. Все это оказалось — напраснымъ трудомъ. Патеры-іезуиты, овладѣли всецѣло Сигизмундомъ III, создали въ Польшѣ начало религіозныхъ споровъ и посѣяли сѣмена злополучнаго въ будущемъ вопроса,—о диссидентахъ. Не слѣдуетъ смѣшивать королевско-іезуитской пропаганды въ Польшѣ съ политикою польскаго народа, выразителемъ которой былъ канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, Левъ Сапѣга, авторъ знаменательнаго письма отъ 12 марта 1622 года къ архіепископу Полоцкому Іосафату Кунцевичу, по поводу бѣлорусскихъ религіозныхъ волненій. Польскіе своды законовъ, такъ называемые: „*Volumina legum*“, а въ особенности законоположенія, изданныя поляками въ 1572 году во время междуцарствія „*Interregnum*“, освобождаютъ польскій народъ отъ незаслуженныхъ упрековъ за недостатокъ вѣротерпимости въ Польшѣ.

Поляки за іезуитовъ не могутъ и не должны отвѣчать. Обвиненіе поляковъ за дѣйствія іезуитовъ, по меньшей мѣрѣ, несправедливо и не выдерживаетъ вовсе исторической критики.

И. С. Аксаковъ, котораго никто не могъ заподозрить въ полонофильствѣ, въ статьѣ своей за 1861 годъ: „Въ чемъ вина Россіи передъ Польшею?“ выразился ясно: „до половины XVI вѣка связь Западной Россіи съ Польшею, при *господствовавшей въ Польшѣ вѣротерпимости*, казалась довольно искреннею и прочною. Во второй половинѣ XVI вѣка водворяются въ Польшѣ іезуиты“—и, конецъ вѣротерпимости въ Польшѣ.

И. С. Аксаковъ утверждаетъ, что въ Польшѣ до іезуитовъ была вѣротерпимость, но и польскіе исторіографы утверждаютъ то же. Обвинительная власть можетъ поста-

вить полякамъ вопросъ: зачѣмъ они водворили у себя іезуитовъ?...

На этотъ вопросъ пусть отвѣчаетъ исторія: Папа Климентъ XIV упразднилъ іезуитскій Орденъ. Католическая Испанія, Португалія, Франція и Неаполь изгнали іезуитовъ, какъ опасный орденъ и тогда іезуиты укрылись въ земляхъ, не подвластныхъ Риму. Фридрихъ II водворилъ іезуитовъ въ Силезіи, императрица Екатерина II водворила ихъ въ Бѣлоруссіи, предоставивъ Ордену полную свободу для основанія монастырей, домовъ послушниковъ, коллегій и право воспитанія юношества.

Значитъ, въ толлеранціи іезуитовъ виноваты не одни только поляки.

Сынъ Сигизмунда III, Владиславъ IV, король польскій въ 1634 году заключилъ съ царемъ московскимъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, подъ Вязьмою въ Поляновкѣ такъ называемый *„вѣчный миръ“*, послѣ котораго самостоятельная Польша не предпринимала болѣе противъ Россіи походовъ.

Короли поляки: Михаилъ Вишневецкій, Янъ Собѣсскій и Станиславъ-Августъ Понятовскій тоже не воевали съ Россіею.

Съ незапамятныхъ временъ короли польскіе изъ рода Пястовъ и Ягеллоновъ, постоянно роднились съ русскими великими князьями: князь кіевскій Святополкъ Владиміровичъ былъ женатъ на дочери короля польскаго, Болеслава Храбраго; въ эпохѣ Пястовъ, продолжавшейся съ 962 до 1386 года, король польскій Болеславъ Кендзержавый былъ женатъ два раза: на Анастасіи, княжнѣ галицкой и на Еленѣ, княжнѣ пржемысльской; король Лешекъ Бѣлый былъ женатъ на княжнѣ русской, Гржимиславѣ; Конрадъ, князь мазовецкій былъ женатъ на Агафіи, княжнѣ русской; король Казиміръ I былъ женатъ на Маріи Владиміровнѣ, княжнѣ кіевской; Зѣмовитъ, сынъ короля Болеслава II, былъ женатъ на княжнѣ русской, Пржеціславѣ; Болеславъ Высокій, князь силезскій, былъ женатъ на Вячеславѣ, княжнѣ русской; король Болеславъ Крживоустый былъ

женатъ на Збиславѣ, дочери князя Святослава кіевскаго; король Мечиславъ Старый былъ женатъ на Евдокіи, княжнѣ Галицкой, а король Казиміръ Справедливый былъ женатъ на Еленѣ, княжнѣ русской. Въ эпохѣ Ягеллоновъ съ 1386 по 1572 годъ: король Владиславъ Ягелло былъ женатъ на Софіи, княжнѣ кіевской, а король Александръ на Еленѣ, дочери царя Іоанна Грознаго; наконецъ, полька Скавронская была женою императора Петра I, а послѣ его смерти, царствовала подъ именемъ Екатерины I.

Въ 1574 году, послѣ смерти послѣдняго изъ Ягеллоновъ, въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ былъ царь московскій, Іоаннъ Васильевичъ Грозный, а въ 1610 году Москва призывала на царство сына короля польскаго Сигизмунда III, королевича Владислава. Польскій народъ всегда желалъ жить съ русскимъ народомъ въ дружбѣ, единствѣ и согласіи, о чемъ удостовѣряетъ слѣдующій историческій фактъ: въ 1600 году отправилось въ Москву польское посольство, во главѣ котораго стоялъ канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго Левъ Ивановичъ Сапѣга, окруженный блестящею дружиною поляковъ и литовцевъ. Посольство отъ имени польскаго народа изъявило желаніе жить съ русскимъ народомъ на вѣчныя времена въ согласіи, любви и единствѣ, о чемъ просило заключить договоръ, котораго *искони* добивались поляки.

Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ разрѣшилъ польскому посольству вести переговоры съ московскими боярами, а засимъ 1600 года, декабря 3 дня, въ Отвѣтной Палатѣ собрались поляки и русскіе бояре.

Глава польско-литовскаго посольства, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго Левъ Сапѣга, прочиталъ собравшимся на бѣлорусскомъ нарѣчьи, понятномъ для всѣхъ, условія вѣчнаго мира и союза между поляками и русскими, въ двадцати четырехъ пунктахъ, изъ которыхъ дѣлаемъ краткое извлеченіе въ доказательство того, какъ ясно и человѣчно польскій народъ триста лѣтъ тому назадъ по-

нималъ племенное единство двухъ сосѣднихъ и родственныхъ народностей.

Вотъ пункты договора, предложеннаго тогда поляками: 1) поляки и русскіе должны жить между собою въ согласіи, а равно въ вѣчной и нераздѣльной братской любви, какъ люди одной христіанской вѣры и *„одного народа славянскаго“*; 2) враги русскихъ должны быть натуральными врагами поляковъ и наоборотъ; 3) оба народа должны помогать себѣ всѣми силами, во время нашествія внѣшнихъ враговъ; 4) полякамъ въ Россіи и русскимъ въ Польшѣ должно быть свободное житье и взаимныя права службы, какъ гражданской, такъ и военной; 5) свободное право жениться, родниться и дружиться русскимъ въ Польшѣ и полякамъ въ Россіи; 6) свободное право покупать помѣстья, брать за женою, наслѣдовать, получать за службу русскимъ въ Польшѣ и полякамъ въ Россіи; 7) взаимное право посылать дѣтей на науку и на службу, русскимъ въ Польшу и полякамъ въ Россію, съ правомъ возврата на родину; 8) полная свобода вѣроисповѣданія русскимъ въ Польшѣ и полякамъ въ Россіи, съ правомъ постройки церквей, и 9) взаимныя права купечества и торговли.

Пункты этого международнаго договора составляютъ историческій памятникъ, дѣлающій честь и славу польской цивилизаціи конца XVI-го и начала XVII-го вѣка. Поляки не навязывали тогда русскимъ, — ни своей вѣры, ни своего языка, ни своей народности, ни своихъ нравовъ, ни своихъ обычаевъ, словомъ—ничего своего, предоставляя каждому народу отдѣльно жить своею собственною жизнью, но жить въ мирѣ, согласіи и единствѣ.

Никакая исторія, кромѣ польской, не можетъ гордиться такими возвышенными и высоко-нравственными народными идеалами, за то-же нѣмцы распяли Польшу на крестѣ и распинаютъ ее до сихъ поръ, какъ мученицу за идею.

Да позволено намъ будетъ въ этомъ мѣстѣ обратиться по адресу нѣкоторыхъ господъ московскихъ публицистовъ, которые одно время рѣшились не признавать славянами

всѣхъ неправославныхъ славянъ, а за симъ и поляковъ, и чеховъ, и словаковъ. Въ первомъ пунктѣ вышепоименованнаго польско-русскаго договора поляки триста лѣтъ тому назадъ помѣстили выраженіе: *„какъ люди одного народа славянскаго“*, что доказываетъ полное съ ихъ стороны сознаніе и пониманіе своихъ племенныхъ отношеній, о которыхъ Россія впервые узнала отъ русскихъ славянофиловъ при концѣ XIX-го столѣтія, то-есть спустя два съ половиною вѣка позже отъ поляковъ, желавшихъ въ 1600 г. заключить польско-русскій союзъ, котораго поляки *„искони“* добивались.

Слово *„искони“* подчеркиваемъ нарочно, и подчеркиваемъ потому именно, что и теперь не всѣ еще русскіе усвоили себѣ ясное понятіе о славянскомъ родствѣ и о необходимости славянскаго сближенія и славянской взаимности между поляками и русскими.

Поляки создали у себя въ 1413 году *„идею уніи народовъ“*,—идею, которой не понималъ, не сознавалъ и не исповѣдывалъ никогда и ни одинъ изъ народовъ въ древнія, среднія и новѣйшія времена, увлекавшихся по отношенію къ своимъ сосѣдямъ — правомъ сильнаго и стариннымъ тевтонскимъ правиломъ: *„homo homini lupus“*.

Русскіе бояре въ 1600 году предложенія поляковъ не приняли и не сошлись съ ними, да иначе и быть не могло, потому что русскіе люди московскаго періода чуждались всего неподходящаго къ понятіямъ того времени и къ московскимъ порядкамъ.

Для опредѣленія этого историческаго періода русской жизни не скажемъ буквально ничего своего, а сошлемся на труды и изслѣдованія корифеевъ русской науки, на личности авторитетныя, составляющія безспорно честь и славу современной Россіи.

Русская историческая литература богата сборниками актовъ, лѣтописей и добросовѣстныхъ изслѣдованій о нравахъ и обычаяхъ московскаго народа въ концѣ XVI-го и въ началѣ XVII-го вѣка, о чемъ удостовѣряютъ труды

Крыжанича, Котошихина, лѣтописца временъ царя Алексѣя Михайловича и русскаго исторіографа Карамзина.

Современный нашъ ученый, А. Пыпинъ, въ своей *„Исторіи русской народности“* рисуетъ намъ картину московскаго періода конца XV и начала XVI вѣка.

Историкъ Костомаровъ, въ своемъ *„Очеркѣ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ“* (С.-Петербургъ, 1887 года) дополняетъ характеристику Пыпина. Въ дополненіе къ изслѣдованіямъ А. Пыпина и Н. Костомарова приводимъ слова русскаго юриста Н. Д. Сергѣевскаго, экстра-ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, издавшаго въ 1888 году свой трудъ, подъ заглавіемъ: *„Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“*.

Почтенный авторъ старается доказать, что обычаи и нравы того времени вызывали жестокіе уголовные законы о наказаніяхъ. Вотъ слова профессора: „Содержаніе наказаній должно измѣняться такъ же многообразно, какъ измѣняются конкретныя условія народной и государственной жизни. Каждая эпоха, каждое государство по своему организуетъ наказаніе, стремится то къ тѣмъ, то къ другимъ спеціальнымъ цѣлямъ, устраиваетъ карательныя мѣры, устрашаетъ, исправляетъ, истребляетъ преступниковъ и дѣлаетъ ихъ безвредными, приспособляясь къ условіямъ народнаго быта“.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича съ 1648 года освѣщаетъ, какъ нельзя лучше, эпоху нравовъ и обычаевъ московскаго народа подходящими статьями уголовныхъ наказаній.

Изъ подлежащихъ статей этого „Уложенія о наказаніяхъ“ видно, что строгость закона соразмѣрялась съ величиною преступленій, присущихъ времени царя Алексѣя Михайловича, а преступленія, въ свою очередь, оправдывались примитивнымъ состояніемъ русскихъ людей московскаго періода, въ которомъ не было ни низшихъ, ни сред-

нихъ, ни высшихъ учебныхъ заведеній, сравнившихъ въ наше время Россію съ образованными народами Запада.

Поляки въ 1600 году предлагали московскому народу заключеніе польско-русскаго союза на началахъ равноправности, а также гражданскаго и политическаго равенства.

Поляки были тогда народомъ культурнымъ, извѣстнымъ образованному западу,—народомъ, пожавшимъ уже многократно лавры ватиканскіе, лавры Тасса и Петрарки, единственный почетъ учености въ среднихъ вѣкахъ. Поляки не гордились нравственнымъ своимъ преимуществомъ и протягивали сердечно руку меньшему своему брату москвичу, во имя идеи братства народовъ.

Дѣло, неудобное въ XVI вѣкѣ, можетъ и должно быть возможнымъ наканунѣ XX вѣка, когда цивилизація расширила горизонты и русскій народъ состоитъ членомъ обще-европейской культурной семьи.

Условія, выработанныя поляками въ 1600 году для польско-русскаго союза, преисполнены глубокаго пониманія международнаго права, уваженія къ чужой народности и политической справедливости. Если когда-либо встрѣтится надобность въ образованіи славянскаго союза, подъ главенствомъ славянской Россіи, то эти условія 1600 года могутъ быть цѣликомъ включены въ будущій договоръ между Россіею и каждою отдѣльною славянскою народностью, безразлично—восточнаго или западнаго культа.

Вышесказанный историческій документъ доказываетъ, что между поляками и русскими, до раздѣловъ Польши, не было никакихъ внѣшнихъ недоразумѣній, споровъ и счетовъ, вслѣдствіе чего одинъ народъ другому не мѣшалъ жить по своему, отдѣльно, спокойно и счастливо.

Слишкомъ столѣтняя нѣмецкая интрига разрознила два родственные народа одного племени. Поборники нѣмецкой политики, ея видовъ и цѣлей, посягнули на польскую старѣйшею славянскую народность и грозятъ ей — затратою.

Польская народность, однакожъ, не умираетъ, а напро-

тивъ живетъ и крѣпится, какъ каждая угнетаемая старая историческая народность.

Идея братства народовъ должна со временемъ искоренить привитую у насъ нѣмцами племенную вражду. Идея эта со временемъ примиритъ разрозненную славянскую семью.

Славянская идея—великая идея, но надо ее понимать правильно безъ національнаго эгоизма и не уродовать ее утопіею, которой кажется, что всѣ славянскія племена можно привести къ одному народному знаменателю, то-есть, заставить ихъ отказаться отъ своей вѣры, языка, народности, исторіи и цивилизаціи, преданій, нравовъ и обычаевъ, а засимъ, навязать имъ совершенно новый культъ.

Утописты этого десятка забываютъ, что, кромѣ грубой силы, управляетъ міромъ нравственная сила.

Эта нравственная сила должна быть базисомъ и фундаментомъ объединенія славянъ; знаменемъ объединенія—справедливость, а прямымъ путемъ, ведущимъ къ цѣли—уваженіе чужой народности и чужого права. Нѣмецкая система „*denationalisiren*“ никогда не поведетъ къ объединенію славянъ.

„*Denationalisiren*“—это горькій плодъ нѣмецко-бюрократическаго режима, плодъ несимпатичный истиннымъ русскимъ патріотамъ, которые видятъ, что этимъ путемъ усиливается племенная рознь между славянами и народами одного родственнаго себѣ племени.

Отчего, казалось бы, не оставить русскихъ—русскими, поляковъ—поляками, чеховъ—чехами, сербовъ—сербами, болгаръ—болгарами и т. д. Къ чему, во имя національнаго эгоизма, стремиться къ утвержденію господства одной сильной народности надъ другими слабыми, съ цѣлью ихъ проглотить.

Стремленіе къ переваркѣ одной народности въ другую равносильно переливанію изъ пустого въ порожнее, послѣ какой операціи въ славянской средѣ остается недовѣріе между славянами и торжество ихъ злого генія—нѣмцевъ.

Оставимъ русскимъ ихъ народныхъ героевъ Минина и Пожарскаго; оставимъ полякамъ—ихъ Собѣсскаго и Косцюшку; чехамъ—Яна Жижку; сербамъ—короля Лазаря и его сподвижниковъ; оставимъ каждому свои народные идеалы, такъ какъ чужихъ, хотя и родственныхъ, онъ не пойметъ и не оцѣнитъ.

Во имя этихъ отдѣльныхъ народныхъ идеаловъ возбудится въ данный часъ обще-славянскій патріотизмъ на пользу обще-славянскаго дѣла.

Задуманный нѣкоторыми утопистами возвратъ къ эмбріональному славянству—это болѣзненная галлюцинація. Славянство примитивное могло существовать въ доисторическія времена, теперь его нѣтъ и быть не можетъ, а желаніе возвратиться къ зародышу нынѣшнихъ культурныхъ славянъ равносильно желанію взрослаго человѣка возвратиться въ лоно матери, или желанію запереть летающую птицу въ яйцо, изъ котораго она вышла.

Невозможность возвратиться къ доисторическому славянству не мѣшаетъ вовсе взаимной симпатіи между славянами, тѣсной между ними дружбѣ и связи, для пользы каждаго отдѣльнаго племени и для общей пользы цѣлой славянской группы.

Лишеніе народности культурнаго племени составляетъ вовсе не легкую задачу. Еслибы вдругъ сильные и могущественные нѣмцы вздумали „*denationalisiren*“ польскій народъ, имѣющій свою тысячелѣтнюю цивилизацію, что бы на это сказалъ профессоръ славянскихъ литературъ въ парижскомъ „*College de France*“, Люи Леже, печатающій теперь свою „L'histoire de la civilisation en Pologne“.

Несчастный магдебургскій узникъ, польскій патріотъ и писатель, І. И. Крашевскій поощрялъ поляковъ, русскихъ подданныхъ, прилежно учиться русскому языку, но вмѣстѣ съ симъ завѣщалъ своему народу не забывать своего родного языка, а беречь его какъ святыню.

Поляки, послушные своему патріарху, понимаютъ, что знаніе государственнаго русскаго языка безусловно необхо-

димо и обязательно, но сознаютъ вмѣстѣ съ симъ, что знаніе остальныхъ славянскихъ литературныхъ языковъ тоже для нихъ необходимо.

Славяне должны понимать другъ друга, какъ для обмѣна своихъ мыслей, такъ и для развитія общеславянской цивилизаціи, въ сферѣ которой русскій языкъ займетъ передовое, подобающее ему мѣсто.

Природный языкъ каждаго отдѣльнаго славянскаго племени долженъ господствовать въ общественной жизни этого племени; преподаваніе Закона Божія и первоначальное обученіе народа возможно только на его родномъ языкѣ; судить людей нельзя на языкѣ чужомъ; въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, по чувству справедливости, выборъ языка для судоговоренія долженъ быть предоставленъ правоспособности каждой народной единицы.

Взаимное знаніе языковъ необходимо для того, чтобы два народа одного племени понимали другъ друга, что́ не исключаетъ вовсе силы и значенія государственнаго языка.

ГЛАВА VII.

Попытки польско-русскаго примиренія.

VII. ПОПЫТКИ ПОЛЬСКО-РУССКАГО ПРИМИРЕНІЯ.

Изолированные Россіею и русскими, поляки, по природѣ вещей, стремились къ улучшенію своего быта и къ измѣненію своего безвыходнаго положенія. Лишенные у себя дома добрыхъ совѣтовъ со стороны русскаго народа, поляки, поневолѣ, увлекались недобрыми совѣтами заграничныхъ мнимыхъ друзей польскаго дѣла и дѣйствовали отчаянно, въ двухъ вооруженныхъ возстаніяхъ, вызванныхъ, между прочимъ, явнымъ давленіемъ подстрекательствъ и обнадеживаній почти всѣхъ правительствъ и народовъ Западной Европы.

Поляки, конечно, виноваты противъ Россіи, но заслуживаютъ снисхожденія, а между тѣмъ, этого снисхожденія ждутъ почти тридцать лѣтъ и дождаться не могутъ.

Такъ непоколебимы устои нѣмецкой политики въ Россіи по отношенію къ полякамъ.

Въ періодѣ кары поляковъ за вину 1863 года, свершились въ Европѣ многознаменательныя историческія событія, какъ-то: разгромъ пруссаками Даніи, Австріи и Франціи, а послѣдствіемъ сего—объединеніе Германіи, подъ главенствомъ Пруссіи.

Въ виду этого грознаго для славянства факта, поляки отложили въ сторону всѣ личные свои счеты съ Россіею и пробовали воскресить идею польско-русскаго народнаго союза, котораго *искони* напрасно добивались, дабы, нако-

нецъ, въ исходѣ XIX вѣка, прекратить разъ на всегда братоубійственную борьбу, доставлявшую до сихъ поръ выгоду и пользу однимъ врагамъ славянства — нѣмцамъ. Многократная попытка поляковъ въ этомъ направленіи не достигла цѣли. Русское правительство, повидимому, не замѣчало этого новаго движенія между поляками, а русскій народъ молчалъ. Русская пресса, за очень немногими исключеніями, никогда серьезно не относилась къ польско-русскому дѣлу и, въ большинствѣ случаевъ, ограничивалась непонятною и ничѣмъ неоправдываемою травлею поляковъ, вопреки русской народной пословицѣ: „лежачаго не бьютъ".

Травля поляковъ, продолжавшаяся съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, болѣе четверти вѣка, смутно отразилась на отношеніяхъ юго-западныхъ славянъ къ Россіи. Травля эта выходила иногда изъ очень комическихъ мотивовъ, въ родѣ, напримѣръ, такого, что русскихъ въ Варшавѣ не любятъ.

„Насильно милъ не будешь"—говоритъ русская пословица. Для любви или ненависти не должно быть мѣста въ политикѣ, а „польскій вопросъ" въ Россіи—это вопросъ по преимуществу политическій, вопросъ весьма важный, рѣшающій о томъ: „быть или не быть" объединенному славянству.

Исторія человѣчества состоитъ изъ непрерывной борьбы силы и права, борьбы нерѣдко на жизнь и смерть, не только между отдѣльными племенами и народами, но даже между сословіями и партіями одного и того же цѣльнаго народа, борьбы за право существованія, или же борьбы за право господства однихъ сословій надъ другими. Никогда и нигдѣ побѣдители не домогались отъ побѣжденныхъ сантиментальности и нѣжнаго чувства любви, которой грубая сила не можетъ ни предлагать, ни требовать.

Побѣдители высшаго культа старались всегда и вездѣ возбудить къ себѣ уваженіе побѣжденныхъ и привлечь ихъ къ себѣ силою цивилизаціи, а равно полной гражданской

и политической свободы, чему наглядный примѣръ мы видимъ въ нѣмецкихъ искони провинціяхъ Эльзасѣ и Лотарингіи, всецѣло теперь преданныхъ разбитой, но не побѣжденной Франціи и отворачивающихся отъ грозной своимъ грубымъ милитаризмомъ прусской Германіи.

Кстати замѣтить, что Эльзасъ и Лотарингія съ 843 года были чисто нѣмецкими провинціями и соединились съ Франціею сравнительно недавно: Эльзасъ въ 1648 году, а Лотарингія въ 1737 году. Въ той и въ другой провинціи числится французовъ $11^1/_2$%, остальные $88^1/_2$% коренные, чистокровные нѣмцы, даже не говорящіе по французски, но не любящіе Германіи съ ея прусскимъ милитаризмомъ, съ ея „желѣзнымъ канцлеромъ". Князь Бисмаркъ это со временемъ понялъ и десять лѣтъ тому назадъ въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, de Saint-Vallier, высказался: „отнявши у васъ Мецъ и часть Лотарингіи, императоръ и совѣтники, внушившіе ему эту мысль, сдѣлали *одну изъ величайшихъ политическихъ ошибокъ*". Кажется, что эти слова создали брошюру полковника Штоффеля, подъ заглавіемъ: „*De la possibilité d'une future alliance franco-allemande*", цѣль которой возвращеніе Франціи Эльзаса и Лотарингіи, какъ первое и главное условіе обще-европейскаго мира. Не даромъ говоритъ русская пословица: „*насильно милъ не будешь!*"

Наканунѣ XX вѣка пріобрѣтаются народныя симпатіи и привлекаются народы не огнемъ и мечемъ, а гражданскими и политическими правами, даруемыми слабымъ и угнетеннымъ народамъ. Съ 1871 года изданы поляками въ Россіи и за-границею многіе десятки брошюръ, спеціально посвященныхъ примиренію русскихъ съ поляками и уничтоженію „*польскаго вопроса*" въ Россіи, очень любезнаго нѣмцамъ, общимъ нашимъ врагамъ.

Идея польско-русскаго примиренія со временемъ получила право гражданства во всѣхъ слояхъ польскаго общества въ Россіи и за-границею.

Старѣйшій Несторъ польской литературы І. И. Кра-

шевскій, десять лѣтъ сряду, съ 1870 по 1880 годъ, усердно хлопоталъ изъ Дрездена о примиреніи поляковъ съ русскими, усматривая въ этомъ великіе задатки будущаго для цѣлаго славянства. Крашевскій придумывалъ къ этому примиренію способы и средства и постоянно огорчался хладнокровнымъ отношеніемъ русскихъ передовыхъ людей къ этому многознаменательному дѣлу. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1871 года Крашевскій предполагалъ основать за-границею журналъ, спеціально посвященный идеѣ русско-польскаго союза. Предполагалось въ Дрезденѣ издавать журналъ по-русски, дабы онъ былъ популярнымъ въ Россіи, расходы по издательству Крашевскій принималъ на себя, а веденіе журнала поручалъ русскому литератору Сташковскому, съ которымъ даже вошелъ въ близкія отношенія, какъ съ будущимъ редакторомъ проектированнаго журнала.

О сочувствіи Крашевскаго къ искреннему и прочному польско-русскому союзу мы слышали много разъ отъ маститаго писателя, а сказанное нами можетъ удостовѣрить сотня собственноручныхъ писемъ Крашевскаго, адресованныхъ на имя покойнаго польскаго публициста Адама Киркора, умершаго недавно въ Краковѣ, а равно и другіе тому подобные документы.

Изъ польской аристократіи назовемъ десятокъ родовыхъ лицъ, сочувственно относившихся къ великой идеѣ примиренія и сближенія поляковъ съ Россіей, а именно:

1) Маркизъ Александръ Велёпольскій, безспорно добрый польскій патріотъ, но слабый дипломатъ, не умѣвшій увлечь за собою поляковъ въ сторону Россіи и согласившійся необдуманно на либеральныя уступки Польшѣ, въ періодъ ея сильной политической горячки, что̀, конечно, было крупною со стороны стараго маркиза ошибкою. Маркизъ Александръ Велёпольскій, въ 1846 году, написалъ князю Меттерниху извѣстное письмо, подъ именемъ: „Lettre d'un gentilhomme polonais au Prince de Metternich“, въ которомъ заявилъ, что Польша должна соединиться съ Россіею и этимъ отплатить Австріи и Прус-

сіи свое паденіе. Другою политическою ошибкою стараго маркиза было то, что онъ остановился на письмѣ къ князю Меттерниху, и для сближенія поляковъ съ Россіею буквально ничего не дѣлалъ съ 1846 по 1861 годъ. Государственные люди не останавливаются на половинѣ дороги, а идутъ прямо и настойчиво къ намѣченной сознательно цѣли.

2) Маркизъ Сигизмундъ Велёпольскій, сынъ Александра, именуемый за-границею будущимъ польскимъ Деакомъ, врагъ революціи, другъ закона и порядка, легитимистъ, изложившій свою политическую „profession de foi" въ письмѣ, адресованномъ изъ Вѣны въ познанскій польскій журналъ „*Orędownik*" и тамъ же напечатанномъ февраля 14 дня, 1880 года, въ № 20.

3) Графъ Янъ Замойскій, авторъ изданной въ Парижѣ въ 1885 году брошюры, подъ заглавіемъ: „*Russie—Pologne*".

4) Графъ Юрій Мошинскій изъ Кракова, сынъ графа Петра, декабриста, поклонникъ политики маркиза Велёпольскаго, а за симъ — сторонникъ Россіи.

5) Графъ Іосифъ Потоцкій, бывшій австрійскій, нынѣ русскій подданный, отказавшійся для этой чести отъ всѣхъ придворныхъ почестей, а равно наслѣдственныхъ и личныхъ правъ и преимуществъ въ Австріи.

6) Полковникъ, графъ Августъ Понятовскій, личный другъ покойнаго великаго князя Михаила Павловича.

7) Полковникъ, князь Антонъ Любомірскій, именовавшій себя гордо „*русскимъ солдатомъ*".

8) Князь Іосифъ Любомірскій, живущій въ Парижѣ, сынъ княгини Ядвиги, уважаемой императоромъ Николаемъ.

9) Литовскіе князья Огинскіе.

10) Бѣлорусскіе князья Друцкіе-Любецкіе.

11) Волынскій князь, Романъ Владиславовичъ Сангушко-Любартовичъ.

12) Волынскій графъ Александръ Илинскій.

13) Литовскій графъ Эмерикъ Чапскій.

14) Графъ Генрихъ Ржевускій, польскій писатель.

15) Генералъ-адъютантъ графъ Адамъ Ржевускій, и цѣлый легіонъ многихъ другихъ польскихъ богатыхъ и знатныхъ дворянскихъ родовъ.

Не слѣдуетъ заключать изъ этого перечня примирительныхъ попытокъ съ польской стороны, чтобы дѣло имѣло исключительно аристократическій оттѣнокъ. Такія же попытки значатся и въ демократическомъ лагерѣ польской публицистики, хотя о нихъ въ Россіи вовсе неизвѣстно, въ виду ихъ „*нецензурности*". Кстати вспомнить, что представителями примиренія поляковъ съ русскими среди эмигрантовъ 1831 года были такія крупныя личности, какъ Станиславъ Ворцель, другъ Маззини и Герцена; Янъ Чинскій, Людвигъ, Круликовскій, Эдмундъ Хоецкій и многіе другіе. Въ эмиграціи 1863 года имѣлись даже спеціальные періодическіе органы печати, посвященные дѣлу примиренія, какъ напримѣръ, „*Gmina*" (1866 –1867 года) и „*Listy polskie*", издаваемые членомъ послѣдняго выборнаго комитета эмиграціи, Іосифомъ Токаржевичемъ. „*Gmina*" пропагандировала единеніе славянъ въ духѣ Герценовской федераціи, а „*Listy polskie*" проводили мысль постепеннаго сближенія поляковъ съ русскими на началахъ, изложенныхъ послѣ третьяго раздѣла Польши въ рескриптахъ канцлера Безбородки. Сжатое содержаніе этой программы, Токаржевичъ помѣстилъ въ 1881 году въ „Варшавскомъ Дневникѣ", въ открытомъ письмѣ изъ Парижа къ редактору, князю Голицыну; письмо напечатано было по настоянію автора по-польски съ русскимъ переводомъ. Факты эти замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо вліяніи русской среды на убѣжденія польскихъ писателей, въ числѣ которыхъ нельзя не упомянуть самаго главнаго, Франца Духинскаго, автора извѣстнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „*Les Aryas et les Tourans*". Духинскій въ 1878 году предлагалъ польскимъ эмигрантамъ свой капиталъ на основаніе за-границею газеты, имѣющей цѣлью „*польско-русскій союзъ*".

Эта метаморфоза въ понятіяхъ всѣхъ польскихъ партій произошла въ виду факта объединенной Германіи,

грозы славянства. Была даже въ предѣлахъ Россійской Имперіи спеціальная польская газета, поставившая себѣ главною задачею идею примиренія русскихъ съ поляками: въ 1885—86 году, издавалась въ Варшавѣ „*Chwila*“, имѣвшая притомъ цѣлью отвлечь вниманіе поляковъ отъ всякихъ надеждъ и упованій на заграничную политику. Упрекали „*Chwilę*“ въ томъ, что она умѣла только бранить прошедшее и настоящее поляковъ, не придумывая способовъ къ улучшенію ихъ быта въ Россіи. „*Chwila*“ *умѣла только „бить лежачаго“*, а потому прошла безслѣдно и пала.

На мѣсто павшей „*Chwili*“ выходитъ въ Варшавѣ другое еженедѣльное, болѣе умѣреннаго тона, изданіе, съ тою же ясно намѣченною тенденціею, которой придерживается и петербургская польская газета „*Kraj*“. Вообще польская пресса въ Россіи, Австріи и Пруссіи, по отношенію къ тевтонской политикѣ, держитъ себя достойно и заявляетъ свое пренебреженіе ко всѣмъ иностраннымъ вѣяніямъ на поляковъ.

Всѣ землевладѣльцы поляки, а равно интеллигентное городское и сельское населеніе Польши, послѣ вопіющаго факта выселенія Пруссіею 30,000 поляковъ, или такъ называемой „*Slavenhetze*“, начавшейся подъ девизомъ чудовищнаго, гартмановскаго „*ausrotten*“, пошли бы охотно на мировую сдѣлку съ славянскою Россіею, лишь бы не трогать ихъ вѣры, языка и народности, лишь бы не пугать ихъ призракомъ вовсе нежеланнаго „*denationalisiren*“, выдуманнаго нѣмецкою бюрократическою политикою въ Россіи, для усиленія раздора между поляками и русскими, а засимъ между Россіею и прочими славянами.

Послѣ заключенія русско-польскаго искренняго, славянскаго союза, вѣроятно, примкнули бы къ Россіи и прусскіе поляки, какъ это видно изъ № 34 за текущій годъ варшавскаго „*Głosu*“, въ которомъ корреспонденція изъ Познани сообщаетъ слѣдующее: „въ Берлинѣ носится слухъ, что познанскіе поляки готовятъ адресъ русскому прави-

тельству, съ исчисленіемъ преслѣдованій, которымъ подвергаются поляки въ Пруссіи".

Мы, въ брошюрѣ нашей, изданной въ 1881 году въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „*Примиреніе русскихъ съ поляками*", домогались отъ русскихъ слѣдующаго теплаго слова:

„Братья поляки! Исторія ваша славится крупными политическими ошибками, но она богата блестящими фактами, дѣлающими честь польскому народу и польской цивилизаціи. Вы создали у себя единственную въ дѣяніяхъ человѣчества „*идею уніи народовъ*"; вы, въ виду германскаго средневѣковаго, кроваваго, религіознаго фанатизма, рѣшились въ 1572 году (во время междуцарствія), объявить у себя, въ законодательномъ порядкѣ (отъ имени цѣлаго польскаго народа) „*свободу совѣсти*" [18]); вы, своею грудью защищали европейскую цивилизацію отъ варварскихъ набѣговъ турокъ и татаръ; вы, наконецъ, много вѣковъ сряду стояли на стражѣ славянства, на рубежахъ Германіи.

„Народность ваша крѣпка и живуча... мы видимъ, что вы болѣе теперь чувствуете себя поляками, нежели предки ваши это сознавали сто лѣтъ тому назадъ, во времена паденія Польши.

„Забудемъ прошлое,—примиримся!

„Со дня примиренія, мы не побѣдители и не властелины, а вы не рабы... мы братья во Христѣ, братья въ человѣчествѣ!

„Протянемъ другъ другу сердечно руку, какъ равный равному, какъ вольный вольному, какъ гражданинъ гражданину!

„Примиримся сознательно, какъ народы равноправные, въ общемъ намъ государственномъ и политическомъ центрѣ, въ славянской Россіи; соединимъ въ ней наши усилія,

---

[18]) См. „*Volumina legum*" томъ II, стр. 841 и 842 стараго изданія, раздѣлъ: „*Interregnum*" 1752 года: „*Confœderatio generalis Varsaviensis*".

наши труды, наши надежды, нашу общую славянскую судьбу; будемъ съ собою всегда неразрывны, въ минуты счастія и въ годины испытанія.

„Братья поляки! развивайте свободно вашу народность, она намъ, русскимъ, рѣшительно ничего не мѣшаетъ, ея преуспѣяніе окажетъ намъ даже великую услугу: остальные славяне, видя въ Россіи ваше довольство, ваше счастье, вашу цвѣтущую народность, будутъ стремиться съ вѣрою и надеждою подъ знамя Россіи, а быть можетъ, не далеко то время, когда нужно будетъ поднять высоко наше славянское знамя въ Европѣ, съ цѣлью укрѣпленія нашихъ отдѣльныхъ народностей и самозащиты отъ враждебныхъ славянству силъ, въ виду развѣвающихся уже племенныхъ знаменъ — германскаго и итальянскаго; тогда, подъ сѣнью этого родного славянскаго знамени, станемъ рядомъ, какъ братья и друзья!

„Нашъ братскій, вѣчный и неразрывный народный союзъ воскреситъ, на удивленіе XIX вѣка, вашу историческую идею: „*уніи народовъ*“.

„Заключимъ торжественно предъ лицомъ всей Европы „польско-русскую унію“, которая да процвѣтаетъ на многія лѣта!“

Сила такой достойной рѣчи бросила бы въ объятія русскаго народа не только поляковъ, но и всѣхъ остальныхъ южныхъ и западныхъ славянъ.

Но русскій народъ молчитъ!

Въ теченіе времени съ 1881 по 1889 годъ, одинъ только разъ, русскій поэтъ г. Хрущовъ-Сокольниковъ въ 149 № „Свѣта“ за 1886 годъ, поставилъ свой курьезный вопросъ о томъ: „по чьей сторонѣ станутъ поляки на случай русско-германской войны?“

На такой вопросъ поэта можно бы было ему отвѣтить оффиціальною прозою: „прусскіе поляки, волей-неволей, станутъ по сторонѣ Пруссіи, а русскіе—по сторонѣ Россіи и по милости враговъ славянства, нѣмцевъ, возстанетъ братъ на брата; долгъ государству поляки, конечно, уплатятъ

сполна, но болѣе ничего не можетъ требовать отъ безправной польской націи ни Пруссія, ни Россія".

Во время оно, на поляхъ Гринвальда и Таненберга, поляки и литовцы защищали родину, а въ ней свои права, привиллегіи и вольности.

Обреченнымъ на затрату и вѣрную погибель полякамъ въ Россіи и въ Пруссіи защищать теперь нечего, а потому мы отвѣтили г. Хрущову-Сокольникову, посредствомъ редакціи „Свѣта", слѣдующее:

И поднятъ снова польско-русскій споръ,
Передъ войной рождается вопросъ:
Кому полякъ поставитъ грудь въ упоръ?
Кто ее сломитъ? Иль Нѣмецъ, иль Россъ?..

Борьбу титановъ трудно отгадать,
Но жизнь полякамъ ясно говоритъ:
Иль „ausrotten'a" имъ не миновать!..
Иль русскій штыкъ совсѣмъ ихъ „обруситъ".

И то, и другое нежелательно для поляковъ. Поляки желаютъ жить своею народною жизнью и оставаться всегда поляками, но въ равноправномъ союзѣ съ русскимъ народомъ.

ГЛАВА VIII.

Политическая необходимость сближенія между собою славянъ.

VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СБЛИЖЕНІЯ МЕЖДУ СОБОЮ СЛАВЯНЪ.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ за августъ 1882 года была напечатана многознаменательная политическая статья, подъ заглавіемъ: „*Австрія, Германія и Славяне*“. Статья эта, вообще, освѣщаетъ взаимныя отношенія славянъ между собою, а въ особенности, изображаетъ рельефно отношенія славянъ къ Россіи. Изъ этой статьи видно ясно, что Австрія, по иниціативѣ князя Бисмарка, рѣшилась объединить подъ скипетромъ Габсбурговъ всѣ славянскія племена западнаго культа, отвергаемыя изъ круга славянской семьи, за ихъ религію и цивилизацію, ярыми московскими публицистами, дабы этимъ путемъ создать австрійскій панславизмъ въ противувѣсъ московскому, чему сочувствуетъ вполнѣ западная Европа.

Оригинальный проектъ этотъ является опаснымъ не только для русской политики на востокѣ, но и для цѣлаго славянства. Создателями этого дикаго проекта являются косвенно московскіе публицисты, выгородившіе многіе десятки милліоновъ неправославныхъ славянъ изъ обще-славянской семьи, и этимъ широкимъ московскимъ клиномъ разбившіе славянство на два противуположные, религіозный и политическій, лагеря.

Къ *первому* лагерю принадлежатъ всѣ православные

славяне восточнаго культа, а именно: русскіе, сербы, болгары, босняки, герцеговинцы и черногорцы.

Ко *второму* всѣ остальные славяне западнаго культа: поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, далматы и др. Численность населенія преобладаетъ въ первомъ лагерѣ, культура — во второмъ.

Въ виду созданнаго случайно московскими публицистами раскола въ славянствѣ, рождается вопросъ, что̀ дѣлать и куда дѣваться славянамъ западнаго культа?

Принять православіе они не желаютъ. Сдѣлаться нѣмцами, итальянцами, мадьярами или турками не могутъ. Словомъ, положеніе безвыходное и недоумѣніе — рѣшительное.

Защитниками этихъ недоумѣвающихъ славянъ является Западная Европа и мнимо-честный ея маклеръ — князь Бисмаркъ, разсчитывающій за эту аферу получить куртажъ, въ видѣ австрійскихъ нѣмцевъ, объединенныхъ съ Германіею.

Опекуны западныхъ славянъ навязываютъ Габсбургамъ идею юго-западнаго славянства, благодаря чему мы живемъ наканунѣ—обще-европейскаго столкновенія. Московскіе публицисты, со временемъ убѣдились, что они сдѣлали промахъ, поставивъ славянскій вопросъ исключительно на почвѣ православной и разошлись съ элементарными понятіями о народности вообще, для которой религія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не составляетъ всего существеннаго. Мало ли въ Россіи сектантовъ - раскольниковъ, признающихъ себя русскими?.. Мало ли въ протестантской Германіи нѣмцевъ-католиковъ, которыхъ однакожъ объединенная Германія, въ числѣ пятнадцати милліоновъ, не выбросила за бортъ нѣмецкаго корабля?.

Покойный И. С. Аксаковъ созналъ эту политическую ошибку и въ 16 № *„Руси“* за 1883 годъ напечаталъ заслуживающій полнаго вниманія *„Вѣроисповѣдный вопросъ“*, идущій въ разрѣзъ съ вышенамѣченною религіозною политикою московскихъ публицистовъ.

Одновременно въ русской печати начали появляться отдѣльные труды выдающагося русскаго философа и публициста В. С. Соловьева, собранные въ одну брошюру и напечатанные въ 1888 году, подъ заглавіемъ: „*Національный вопросъ въ Россіи*“.

Великій русскій мыслитель поставилъ себѣ многотрудную, невозможную, неосуществимую головоломную задачу: примирить между собою восточный и западный религіозные культы.

Самостоятельная Польша, три вѣка тому назадъ, невольно допустила у себя разрѣшеніе этой отвлеченной „*квадратуры круга*“ самымъ простымъ и несложнымъ способомъ: „*религіозной уніи*“, которую въ текущемъ вѣкѣ уничтожили въ предѣлахъ Россіи новыя историческія требованія.

Оказывается на дѣлѣ, что легче не дѣлать политическихъ ошибокъ, нежели разъ сдѣланные исправлять.

Крупную ошибку московскихъ публицистовъ можетъ исправить русско-польскій народный союзъ, какъ первый практическій опытъ сближенія между собою славянъ двухъ противуположныхъ культовъ: восточнаго и западнаго, и какъ задатокъ будущаго, нынѣ расшатаннаго всеславянскаго сближенія.

Современное политическое настроеніе Европы неуклонно стремится къ созданію союзовъ противъ Россіи, а засимъ къ окончательному разгрому славянства, едва начавшаго сознавать свой „*raison d'être*“.

Одна изъ столичныхъ политическихъ газетъ [19]) на эту тему говорила слѣдующее:

„Послѣднее десятилѣтіе ознаменовано непрерывнымъ рядомъ поисковъ съ береговъ Шпрее новыхъ и новыхъ союзниковъ. Времена рыцарства, одиночныхъ поединковъ

---

[19]) Повторяемъ слова „*Биржевыхъ Вѣдомостей*“ отъ 8-го сентября 1889 года № 245, въ статьѣ, озаглавленной: „Вулканическая почва для союзовъ противъ Россіи“.

равнаго, честнаго боя, повидимому, навсегда канули въ Лету; только съ превосходными, значительно подавляющими противника силами, выходятъ нынче нѣмецкіе культуртрегеры на бой... При этихъ условіяхъ, само собой разумѣется, что съ одной стороны, страшась возмездія пробуждающейся Франціи, съ другой — тревожась непріятнымъ сосѣдствомъ русскаго колосса, ставшаго помѣхою развивающемуся по-истинѣ, волчьему аппетиту панъ-германизма, нѣмецкіе шовинисты направили всѣ свои усилія на пріобрѣтеніе новыхъ союзниковъ. Въ погонѣ за подходящей почвой для союзовъ работаютъ германскіе эмиссары и агенты въ разныхъ странахъ.

...„Россія и Франція, эти „враги мира", должны быть, по приговору панъ-германскаго ареопага, окружены кольцами стальной щетины штыковъ; только тогда будетъ обезченъ въ Европѣ миръ,—и вотъ, кромѣ спутавшихъ себя уже по рукамъ и ногамъ союзными оковами Австріи и Италіи, поиски за союзниками направлены въ Англію, Испанію и Турцію. Не брезгуется ни Румыніей, ни Сербіей, ни Болгаріей для возстановленія германо-австрійскаго вліянія и противудѣйствія видамъ Россіи. Не оставляютъ культуртрегеры и Грецію въ покоѣ и косвенно заигрываютъ съ критскимъ вопросомъ. Въ колодѣ подтасованныхъ въ Берлинѣ картъ не послѣдними козырями должны, въ борьбѣ съ Россіей, явиться даже наши восточныя сосѣдки: Японія и Небесная Имперія, которымъ инструкторы, въ лицѣ прусскихъ унтеръ-офицеровъ, искуственно прививаютъ плоды шовинизма. *Съ тою же цѣлью обнадеживаются и подогрѣваются сепаратистическія стремленія на нашихъ окраинахъ*"...

На этомъ послѣднемъ подчеркнутомъ нами словѣ ограничиваемъ нашу выписку изъ русской газеты, добавляя отъ себя, что русско-польскій союзъ, какъ „*turbator chori*", долженъ помѣшать гармоніи этого западнаго концерта.

Если бы поляки были врагами русскихъ и Россіи, то они бы радовались этой всемірной противъ Россіи коа-

лиціи, понимая смыслъ стариннаго изреченія: „*Nec hercules contra plures!*“ Но напротивъ того, поляки не радуются, а печалятся въ виду окружающей Россію грозы, потому что „*гроза Россіи—гроза славянства!*“ Намѣченныя нами въ предыдущей главѣ попытки „польско-русскаго примиренія“ доказываютъ не только возможность достойнаго для обѣихъ тяжущихся сторонъ компромисса, но и настоятельную его необходимость, въ виду сосѣдняго панъ-германизма и его затѣй.

Припомнимъ кстати старинную басню Лафонтена подъ заглавіемъ: „*Le viellard et les enfants*“ [20]). Старикъ, при невозможности сломать молодыми силами мальчиковъ цѣлую связку прутьевъ, развязалъ связку на части и каждый отдѣльно прутикъ, сломалъ легко своею старческою рукою [21]). Тевтоны, по отношенію къ славянамъ, въ теченіе многихъ вѣковъ придерживались знаменательнаго нравоученія этой басни и постоянно рознили между собою славянъ, для собственныхъ своихъ видовъ, выгодъ и цѣлей, и такимъ способомъ, уничтожали по одиночкѣ славянскія племена, будричей, лютичей, сербовъ-лужичанъ, кашубовъ и многія другія,—добрались уже до поляковъ и чеховъ, желали бы со временемъ добраться и до русскихъ, для чего главное вниманіе тевтоновъ обращено на польско-русскія отношенія.

Пруссаки всегда опасались и опасаются теперь примиренія русскихъ съ поляками и благополучнаго разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи.

Цинизмъ пруссаковъ, унаслѣдованный послѣ собирателя Пруссіи, Фридриха II, доходитъ иногда до смѣшного. Когда въ 1880 и 1881 году польская печать за-

---

[20]) Такъ же сдѣлалъ славянинъ Святополкъ-Моравскій, передъ смертію въ 894 году, требуя отъ своихъ трехъ сыновей, чтобы они всегда жили въ согласіи и единствѣ.

[21]) Вотъ слова этой политической басни: „Faibles gens! dit le père, il faut que je vous montre, Ce que ma force peut ensemblamble rencontre, On crut qu' il moquait; on sourit, mais á tort“: — Il sépare les harts, et les rompt sans effort.

говорила сильно о польско-русскомъ соглашеніи и, когда Галиція готовилась къ восторженной встрѣчѣ возлюбленнаго своего монарха, тогда нѣмецкія газеты подчеркнули мимоходомъ извѣстіе о томъ, что поѣздка императора Франца-Іосифа въ австрійскую Польшу послѣдуетъ не безъ вѣдома и согласія на то князя Бисмарка; тогда же берлинская и вѣнская печать начали категорически разсуждать о томъ, отъ кого именно зависитъ устройство будущности поляковъ?.. Отъ Россіи ли, которая никогда и ничего для поляковъ, добровольно, по своему почину, не сдѣлала и не сдѣлаетъ,—или же отъ всемогущаго австро-германскаго союза?..

„*Мы, — и только мы, — никто другой,*“ — говорили нѣмцы въ Берлинѣ и Вѣнѣ,—„*возстановимъ Польшу*“...

Услужливые притомъ вѣнцы добавляли еще отъ себя, что поляки не хорошо дѣлаютъ, не сочувствуя бисмарковской политикѣ, и напрасно такъ часто затрогиваютъ въ своей печати самолюбіе князя Бисмарка.

Въ 1882 и 1883 годахъ русско-германская война казалась очень близкою и возможною; въ виду этого газетные органы князя Бисмарка: „*Kölnische Ztg*“, „*Kreutz Ztg*“, „*Natz. Ztg*“ и „*Nordd. Allg. Ztg*“, унисоно возбуждали надежды поляковъ, а даже самый главный и ярый гонитель ихъ Пиндтеръ увѣрялъ поляковъ печатно въ добрыхъ намѣреніяхъ и пожеланіяхъ нѣмцевъ и пруссаковъ по дѣлу возстановленія Польши.

Все это творилось для того, чтобы на случай желанной для пруссаковъ войны Россіи съ Англіей на дальнемъ востокѣ, возстановить на западной границѣ Россіи польскую смуту, не удавшуюся въ 1877 году и тѣмъ облегчить нашествіе германцевъ на Россію.

Здравый смыслъ поляковъ еще разъ отклонилъ заманчивыя обѣщанія и приманки со стороны враговъ Россіи, за что поляки скоро за симъ поплатились, въ прусской Польшѣ, такъ-называемою „*Polenhetze*“, подъ знаменательнымъ лозунгомъ: „*ausrotten*“, которая въ сущности была

не что иное, какъ только традиціонная тевтонская: „*Slavenhetze!*“

Такова политика тевтоновъ по отношенію къ славянамъ вообще, а къ полякамъ и къ русскимъ въ особенности.

Заря славянскаго единства, подъ главенствомъ Россіи, могла бы быть закатомъ тевтонскаго солнца въ Европѣ, но для достиженія этой цѣли нужно бы Россіи разсчитать старую ея нѣмецкую политику, по отношенію къ полякамъ, съ которыми примириться легко, какъ это доказалъ на дѣлѣ австрійскій императоръ.

Объединенное славянство — это новая, свѣжая, невѣдомыхъ размѣровъ сила, которая можетъ измѣнить совсѣмъ политику Европы и обезпечить ей давно желанный, „*дѣйствительный*“ миръ, тѣмъ болѣе необходимый, что вооруженный бисмарковскій миръ заставляетъ пять европейскихъ державъ: Россію, Францію, Германію, Австрію и Италію, держать на готовѣ, на случай войны, шестнадцать милліоновъ войска, расходовать для этой цѣли ежегодно, совсѣмъ непроизводительно, два съ половиною милліарда марокъ, и вводитъ Европу въ неоплатные долги, доходящіе уже до многихъ десятковъ милліардовъ марокъ, считая займы внѣшніе и внутренніе.

Все это дѣлается „*pour le roi de Prusse*“, дѣлается для того только, чтобы удержать за Германіею французскія провинціи Эльзасъ и Лотарингію.

Для боевыхъ фантазій желѣзнаго канцлера народы Европы разоряются экономически, бѣднѣютъ, и со временемъ, должны будутъ платить громадные долги. По милости князя Бисмарка, мы живемъ десятки лѣтъ: „*наканунѣ войны*“. Народы Европы жаждутъ прочнаго мира и спокойствія, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, желаютъ производительнаго труда, моральнаго и матеріальнаго благосостоянія, а всего этого нельзя ожидать при современномъ милитаризмѣ, доходящемъ уже до кульминаціоннаго своего пункта.

Желѣзный канцлеръ успѣлъ ограбить Данію и Францію, унизить Австрію и многократно обмануть Россію; онъ, по словамъ фельдмаршала Мольтке, долженъ полвѣка стоять съ оружіемъ въ рукахъ на стражѣ своихъ захватовъ.

Германія, по милости князя Бисмарка, превращена въ военныя казармы, окруженная шпіонами и политическими агитаторами, а вслѣдствіе этого сдѣлалась несимпатичною для народовъ Европы, которые, чуждаясь эпидеміи прусскаго милитаризма, чуждаются и непричастныхъ къ прусской политикѣ нѣмцевъ.

Въ началѣ XIX-го вѣка рыцарскій геній Наполеона I-го, поколебавшій троны Европы и сдѣлавшій народамъ гораздо меньше зла, нежели современный намъ Бисмаркъ, былъ за свою вину пожизненно прикованъ къ холодной скалѣ, среди широкаго океана.

При концѣ XIX вѣка, равносильный Наполеону, безпокойный духъ князя Бисмарка можетъ и долженъ быть побѣжденъ силою идеи „братства славянскихъ народовъ", и тогда только появленіе такого Бисмарка въ исторіи принесетъ славянскимъ народамъ существенную пользу и окажется не „дѣломъ случая", а „дѣломъ Провидѣнія". Если политика князя Бисмарка доведетъ славянъ до сближенія и единенія, то благодарные за то славяне воздвигнутъ ему, со временемъ, великолѣпный памятникъ, какъ величайшему генію міра. Послѣ заключенія русско-польскаго народнаго союза сдѣлается возможнымъ всеславянскій союзъ и тогда настанетъ новая эпоха въ исторіи европейскихъ народовъ.

Объединенное политически славянство—это стомилліонная сила, съ которою не легко было бы справиться нѣмцамъ. Славянство—это громадный сырой матеріалъ, изъ котораго умѣлая рука будущаго славянскаго Наполеона или Бисмарка могла бы сдѣлать могучую и неодолимую силу. Этого рычага славянской силы можно бы искать въ Россіи.

Славянство въ Европѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

а) Великоруссовъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ восточнаго культа считается болѣе 59.000,000. Передъ ними открыто невѣдомое еще историческое и будущее.

б) Сербовъ, болгаръ, хорватовъ и словенцевъ — около 15.000,000 народа примитивнаго, едва начавшаго неясно сознавать свое существованіе.

в) Поляковъ, чеховъ, словаковъ западнаго культа около 24.000,000, изъ нихъ десятую часть составляетъ привиллегированное когда-то сословіе, шляхта: въ чехахъ на половину онѣмеченная, а въ Польшѣ, утратившая свое вліяніе, въ пользу общенародной интеллигенціи и потонувшая въ массѣ освобожденнаго Россіею простого народа, которому принадлежитъ будущее.

Итого въ Европѣ 98.000,000 славянъ.

Каждое отдѣльное славянское племя, безразлично, культурное или примитивное, имѣетъ свою вѣру, свой языкъ, свои нравы, свои обычаи, свои преданія и повѣрья, а наконецъ, свои идеалы, разстаться съ которыми не захочетъ ни за какія блага въ мірѣ и не откажется отъ нихъ даже въ виду преслѣдованій и гоненій, напоминающихъ собою первые вѣка христіанства; каждое славянское племя желаетъ молиться, учиться и судиться на своемъ родномъ языкѣ; всѣ вообще славяне желаютъ жить между собою въ согласіи, единствѣ и дружбѣ; но не желаютъ абсолютнаго давленія одного сильнаго племени на другія слабыя; федерація или союзъ славянъ—это единственно возможная форма образованія славянской группы въ Европѣ; всѣ славянскія племена, сохраняя свой индивидуализмъ, могутъ и должны быть солидарны между собою, въ случаѣ обороны славянской независимости и въ сферѣ общеславянской цивилизаціи.

Князь Бисмаркъ, самозванный рѣшитель судебъ европейскихъ царствъ и народовъ, не желаетъ вовсе видѣть сто милліоновъ славянъ объединенными; онъ постоянно

ссоритъ Россію съ поляками, желалъ бы бунтовать поляковъ какъ можно чаще противъ Россіи и этимъ связывать ея внутреннюю и внѣшнюю политику; онъ рознитъ южныхъ славянъ между собою и Россіею; онъ толкаетъ юго-западныхъ славянъ въ объятія Австріи, дабы со временемъ образовать на развалинахъ Турціи и въ ущербъ Россіи не одно желательное, сильное, объединенное славянство, а двѣ отдѣльныя славянскія группы: сѣверную и южную, состоящія между собою въ постоянномъ антагонизмѣ.

Три года тому назадъ, въ половинѣ 1886 года, издана въ Веймарѣ новая карта средней Европы, составленная не безъ вѣдома желѣзнаго канцлера; изъ этой карты видно, что цѣлое Царство Польское съ частью Литвы и Волыни, совокупно съ Галиціею, Богеміею и южно-славянскими государствами вплоть до Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей образуютъ южно-славянское государство, подъ скипетромъ Габсбурговъ, лишенныхъ для этой цѣли нѣмецкихъ провинцій Австріи, соединенныхъ съ Германіею.

Нѣмецкая наука и нѣмецкая политика до того сильно повліяли на убѣжденія нѣкоторыхъ русскихъ людей, патріотовъ и публицистовъ, а въ ихъ числѣ и на выдающагося крупнаго дѣятеля, покойнаго М. Н. Каткова et C°, которые, по внушенію нѣмцевъ, создали призрачную *„польскую интригу“* въ Россіи, считали поляковъ творцами русскаго нигилизма и всегда упорно противились русско-польскому сближенію. Катковская партія долгое время смотрѣла на польскій вопросъ сквозь очки берлинской „Nordd. Allg. Ztg“, и рѣшилась даже апплодировать князю Бисмарку во время его „Polenhetze“ въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ; мало того, она старалась рекомендовать Россіи точно такіе же бисмарковскіе пріемы по отношенію къ полякамъ русскимъ подданнымъ и совѣтовала безцеремонно русскому правительству отдать Польшу нѣмцамъ по Вислу, а даже, въ угоду князю Бисмарку, возвратить Болгарію обратно туркамъ.

Таковы результаты нѣмецкой культуры на славянской почвѣ!

Такова русско-славянская публицистика на нѣмецкой подкладкѣ!

Публицисты этого десятка упускали изъ виду самое главное то, что выгода Пруссіи составляла всегда невыгоду Россіи. Катковскіе публицисты, въ анти-польскомъ духѣ, желали онѣмечить Польшу и надо имъ отдать полную справедливость, сослужили службу князю Бисмарку. Польша завоевана нѣмцами въ экономическомъ, промышленномъ и въ торговомъ отношеніи.

Даже нѣкоторые русскіе историки смотрѣли долго на Польшу и на славянство сквозь нѣмецкія очки.

По мнѣнію историка Сергѣя Соловьева, изложенному въ введеніи къ его „*Исторіи паденія Польши*“: „раздѣлъ Польши былъ для Россіи историческою необходимостью, послѣдствіемъ ея окрѣпленія, а также разрѣшеніемъ вѣкового спора между двумя сосѣдними народами. Россія, безъ раздѣла Польши, не получила бы должнаго ей въ Европѣ значенія, не усвоила бы себѣ европейской цивилизаціи, не вышла бы изъ прежняго оцѣпенѣнія и не избѣжала бы нравственнаго и матеріальнаго разложенія, грозившаго ей въ половинѣ XVIII вѣка. Польша лежала на пути къ Западу, — говоритъ г. Соловьевъ, — за симъ Польша должна была быть подавлена Россіею въ ея стремленіи къ могуществу, силѣ и значенію“.

Логика, положимъ, выгодная, но далеко — не славянская, а всецѣло — нѣмецкая.

Къ такому чисто нѣмецкому пониманію необходимости раздѣла Польши, русскій историкъ не счелъ даже нужнымъ добавить, что Россія не должна была раздроблять Польши, во имя будущей своей славянской миссіи и не должна была отдавать нѣмцамъ, на затрату, 6.240,000 славянъ.

Истинно-славянскій историкъ долженъ былъ сказать, что Россіи оставалось — или владѣть цѣлою и нераздѣльною

Польшею, или же всѣми силами противиться раздѣлу ея между нѣмцами.

Болѣе правды и откровенности, нежели у историка С. Соловьева, мы находимъ въ словахъ короля Фридриха II, значащихся въ письмѣ его отъ 9 апрѣля 1772 года, адресованномъ на имя брата принца Генриха, состоявшаго при Петербургскомъ Дворѣ: „*Cela sera sûrement un grand objet pour le bien de nos Etats*“.

Князь Бисмаркъ въ 1854 году совѣтовалъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV о возстановленіи Польши не думать, изъ опасенія за существованіе Пруссіи, которая была бы немыслима, какъ самостоятельное государство, безъ захваченныхъ отъ Польши земель.

Какъ слабы, блѣдны и несостоятельны выводы и умозаключенія историка Соловьева о причинѣ раздѣла Польши, въ сравненіи съ солдатскою прямотою и откровенностью короля Фридриха II и носителя его политики, князя Бисмарка I. Но, *tempora mutantur!...*

Совершенно другое говоритъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій русскій мыслитель, философъ и публицистъ [22]);—вотъ его слова:

1) „Народность есть положительная сила и всякій народъ имѣетъ право на независимое отъ другихъ народовъ существованіе и свободное развитіе своихъ національныхъ особенностей.

2) „Народность есть самый важный факторъ природно-человѣческой жизни и развитіе національнаго самосознанія есть великій успѣхъ въ исторіи человѣчества.

3) „Національная идея, понимаемая въ смыслѣ политической справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности слабыя и угнетенныя, имѣетъ высокое нравственное значеніе и заслуживаетъ всякаго уваженія и симпатіи.

---

[22]) См. „*Вѣстникъ Европы*“, январь, 1889 года, статья подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ Соловьева Н. Страхову“.

4) „Національзмъ или національный эгоизмъ, то-есть, стремленіе отдѣльнаго народа къ утвержденію себя на счетъ другихъ народностей, къ господству надъ ними, — есть полное извращеніе національной идеи; въ немъ народность изъ положительной силы превращается въ болѣзненное, отрицательное усиліе, опасное для высшихъ человѣческихъ интересовъ и ведущее самый народъ къ упадку и погибели, и

5) „Въ настоящее время, при искусственномъ возбужденіи въ русскомъ обществѣ „грубо-эгоистическихъ инстинктовъ и стремленій“, національная жизнь находится въ подавленномъ, болѣзненномъ состояніи и требуетъ коренного исцѣленія“.

Не вслѣдствіе ли этого, указаннаго В. С. Соловьевымъ русскаго національнаго эгоизма, немыслимо было до сихъ поръ соглашеніе между русскими и поляками, какъ равныхъ съ равными, какъ вольныхъ съ вольными, какъ гражданъ съ гражданами?

Не вслѣдствіе ли вѣковой нѣмецкой политики въ Россіи привились нѣкоторымъ дѣятелямъ анти-славянскіе, эгоистическіе инстинкты и стремленія, на которые съ горечью указываетъ В. С. Соловьевъ?

Возможно ли, при такихъ инстинктахъ, если они дѣйствительно вѣрны, осуществить многознаменательную идею русско-польскаго союза и развить ее въ будущемъ для объединенія съ Россіею всѣхъ остальныхъ славянъ?

Мы надѣемся и вѣримъ, что русскіе конца XIX вѣка оцѣнятъ надлежащимъ образомъ идею братства народовъ и протянутъ искренно полякамъ руку съ уваженіемъ и довѣріемъ.

ГЛАВА IX.

Русско-польскій союзъ.

IX. РУССКО-ПОЛЬСКІЙ СОЮЗЪ [23]).

Въ 1864 году 23 апрѣля, во время царскаго пріема и угощенія въ С.-Петербургской городской Думѣ депутаціи польскихъ крестьянъ, императоръ Александръ II провозгласилъ знаменательный тостъ *„за неразрывный союзъ Россіи съ Польшей!“*

Идея союза, намѣченная русско-польскою Верховною Властью въ смутныя времена 1863 и 1864 годовъ, дала намъ право разработать эту историческую задачу и надѣяться, что она, при содѣйствіи русскаго правительства, будетъ удачно разрѣшена истинно русскими людьми и патріотами, для которыхъ священно и завѣтно будущее Россіи, будущее славянства!

Если текущій 1890 годъ въ самомъ дѣлѣ подарилъ Европѣ давно желанную эпоху мира, то эта эпоха какъ нельзя болѣе подходитъ къ русско-польской мировой сдѣлкѣ,

---

[23]) Авторъ брошюры имѣетъ честь почтительнѣйше просить гг. издателей и редакторовъ газетъ, пересылать ему въ г. Острогъ, Волынской губерніи, единичные нумера съ полемическими статьями, касающимися „русско-польскаго союза“, что является настоятельно необходимымъ для всесторонней разработки намѣченнаго авторомъ способа разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи. Кромѣ того, авторъ съ глубочайшею признательностью приметъ всевозможныя частныя указанія и замѣчанія отъ читателей брошюры, если они, удостоивъ вниманіемъ подносимый имъ трудъ, пожелаютъ содѣйствовать его дополненію.

тѣмъ болѣе, что желанное соглашеніе не вызывается никакими политическими затрудненіями и обстоятельствами, въ виду которыхъ русско-польскій народный союзъ не былъ бы актомъ доброй воли и потерялъ бы всю прелесть свободнаго почина.

Конечно, враги славянства возстанутъ противъ идеи такого союза, но русскіе и поляки не должны обращать на нихъ никакого вниманія, потому что русско-польскій народный союзъ — племенное дѣло, которое не входитъ въ сферу заграничной политики.

Историческій путь послѣдняго вѣка переполненъ цѣлымъ рядомъ нарушеній договоровъ, а потому, не довѣряя никакимъ конгрессамъ и трактатамъ, которымъ цѣна *нуль*, такъ какъ они обыкновенно заключались съ предвзятою цѣлью, дабы въ данномъ случаѣ считать ихъ мертвою буквою, а нерѣдко и разрывать въ куски, если это было выгоднымъ для болѣе сильной стороны,—русскіе и поляки, предъ лицомъ Всемогущаго Бога и всего славянскаго міра, дадутъ себѣ обѣтъ на вѣчный и неразрывный между собою народный союзъ, какъ залогъ настоящаго и будущаго племеннаго *„modus vivendi“*.

Оба народа, не предрѣшая будущихъ судебъ славянства, закрытыхъ по Волѣ Провидѣнія невѣдомымъ историческимъ исходомъ, желаютъ жить съ собою всегда въ мирѣ, согласіи и братской дружбѣ какъ люди одного славянскаго племени, для обоюдной собственной выгоды и пользы, а равно въ примѣръ и назиданіе остальному юго-западному славянству, враждующему между собою.

Отъ Россіи, господствующей надъ громаднымъ польскимъ населеніемъ сравнительно съ численностью поляковъ въ Австріи и въ Пруссіи, зависитъ—привлечь къ себѣ польскій народъ такою могучею нравственною силою, какою Франція привязала къ себѣ коренныя нѣмецкія провинціи Эльзасъ и Лотарингію.

Русскому правительству, при склонности поляковъ къ соглашенію, если оно только для Россіи выгодно и за симъ

желательно и согласно съ ея видами и цѣлями, легко найти почву для русско-польскаго союза, который сразу уничтожитъ „ахиллесову пяту“ Россіи, т. е. такъ-называемый „польскій вопросъ“ и перенесетъ центръ его тяжести на подобающее ему мѣсто, въ Австрію или Пруссію.

Частная иниціатива тутъ не при чемъ, но и молчаніе въ дѣлѣ такой громадной важности невозможно и безполезно.

Поляки, со дня объединенія Германіи, многократно ставили на очередь вопросъ о русско-польскомъ соглашеніи, но не достигли цѣли, по причинамъ отъ нихъ независящимъ. Теперь очередь русскихъ, которымъ, по праву первенства, предстоитъ починъ и трудъ исходатайствовать Высочайшую санкцію на заключеніе русско-польскаго союза, который имѣетъ свои историческія традиціи, очень понятныя при племенномъ родствѣ русскихъ и поляковъ, а за симъ кажется болѣе вѣроятнымъ и основательнымъ, нежели анти-славянское „нѣмецко-чешское соглашеніе“ въ Австріи, которое однакожъ является будто бы совершившимся фактомъ. Это пресловутое нѣмецко-чешское соглашеніе, какъ политическая выходка, не оправдало возлагавшихся на него надеждъ и упованій нѣмцевъ. Представители младо-чешской партіи доказываютъ, что это „примиреніе“ имѣетъ своею цѣлью „ослабленіе“ чешскаго элемента въ Чехіи. Младо-чехи доказываютъ, что соглашеніе, устроенное старо-чехами, есть ихъ личное дѣло и не обязательно для чешскаго народа.

Этотъ младо-чешскій протестъ имѣетъ весьма важное значеніе для будущаго Чехіи. Онъ ясно доказываетъ, что чехи у себя въ Чехіи желаютъ быть хозяевами, а не рабами нѣмцевъ.

Австрійскими нѣмцами и старо-чехами руководила политика интересовъ и взаимно-обоюдныхъ выгодъ. Та же политика интересовъ должна быть базисомъ и фундаментомъ русско-польскаго союза, въ виду котораго поляки, русскіе подданные, ожидаютъ отъ своей Верховной Власти слѣдующихъ милостей:

1) Полной гражданской равноправности съ русскими, и

2) Содѣйствія къ сохраненію и развитію польской народности подъ скипетромъ славянской Россіи.

Этими двумя исходными путями польская народность въ Россіи получитъ надлежащее законное удовлетвореніе и выйдетъ изъ той исключительной обособленности, въ которой очутилась послѣ 1863 года.

Вотъ, по нашему крайнему пониманію, главныя основанія русско-польскаго *„modus vivendi!“*

Во избѣжаніе полемическихъ запросовъ о томъ, что̀ именно авторъ брошюры понимаетъ подъ именемъ сохраненія и развитія польской народности подъ скипетромъ славянской Россіи, считаемъ долгомъ объяснить: языкъ народа составляетъ единственно видимое знамя его народности, а потому является необходимость предоставить польскому языку слѣдующія права:

а) *Въ этнографической Польшѣ*: возстановить силу двухъ именныхъ Высочайшихъ повелѣній, данныхъ въ 1864 и 1866 годахъ императоромъ Александромъ II и даровавшихъ польскимъ дѣтямъ право въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учиться на родномъ ихъ польскомъ языкѣ, съ предоставленіемъ русскому языку, какъ государственному, подобающаго ему мѣста, — а въ варшавскомъ университетѣ признать равныя права обоихъ языковъ. За симъ, во всѣхъ низшихъ, земскихъ, гминныхъ, уѣздныхъ судебно-административныхъ мѣстахъ и инстанціяхъ, ближайшихъ къ простому народу, не понимающему вовсе русскаго языка, желательно вести дѣла на понятномъ для народа польскомъ языкѣ; въ губернскихъ же и въ государственныхъ учрежденіяхъ—на русскомъ языкѣ съ переводомъ подлежащихъ бумагъ и документовъ, по желанію сторонъ, на туземный польскій языкъ; прецедентомъ къ тому служитъ Прибалтійскій край. Законъ 14 сентября 1885 года дозволяетъ вести дѣлопроизводство и внутреннюю переписку на нѣмецкомъ языкѣ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которыя поименованы въ ст. 9, ч. I св. мѣстн. указ.

губ. Остзейскихъ, а равно и образованнымъ на основаніи законоположеній, вошедшихъ во II часть означеннаго свода. Этотъ законъ не отмѣненъ судебною реформою 1889 года.

б) *Въ сѣверо- и юго-западномъ краяхъ Россіи*, гдѣ болѣе пятисотъ лѣтъ живетъ около двухъ милліоновъ поляковъ-туземцевъ, съ дѣда-прадѣда, желательно возвратить польскому языку права, потерянныя имъ послѣ 1863 года, а именно: а) преподаваніе полякамъ закона Божьяго на родномъ ихъ польскомъ языкѣ; б) чтеніе проповѣдей въ католическихъ костелахъ, и в) преподаваніе польскаго языка наравнѣ съ языками французскимъ и нѣмецкимъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ польскій языкъ преподавался до 1863 года.

Поляки не ссылаются ни на какіе трактаты и конгрессы, не домогаются ни конституціи, ни автономіи, потому, что исторія и князь Бисмаркъ научили поляковъ, что̀ нынѣ значитъ конституція въ рукахъ тевтонскаго режима, при руководящей политикѣ *„крови и желѣза“*, при гартмановскихъ и тому подобныхъ мѣропріятіяхъ.

Поляки желаютъ только жить, а не управлять или господствовать.

Поляки, отстаивая права своей драгоцѣнной для нихъ тысячелѣтней народности, уважаютъ каждую чужую индивидуальность и не хотятъ вовсе посягать на права соплеменной имъ русской народности, которой желаютъ отъ души полнаго успѣха на пути ея широкаго развитія и процвѣтанія.

Поляки желаютъ жить съ русскимъ народомъ общею гражданскою и политическою жизнью, вмѣстѣ съ нимъ учиться, трудиться и развиваться, для общихъ въ будущемъ моральныхъ и матеріальныхъ благъ; словомъ, поляки, оставаясь поляками, готовы жить съ русскимъ народомъ въ политическомъ единствѣ.

Поляки, предъ лицомъ Европы и всего славянскаго міра, обяжутся и, вѣрные исторической своей традиціон-

ной идеи—*„братства народовъ“*, исполнятъ свое обязательство свято и ненарушимо:

1) разсчитать революцію — навсегда;

2) чуждаться всякихъ сепаратистическихъ идей;

3) быть глухими на подстрекательства явныхъ и тайныхъ враговъ Россіи, и

4) считать *„польскій вопросъ“* въ Россіи окончательно разрѣшеннымъ и закрытымъ *навсегда!*

Благополучное разрѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи необходимо и для Россіи, и для поляковъ, и для цѣлаго славянскаго міра.

Разрѣшивъ этотъ злополучный вопросъ, Россія разъ навсегда избавится отъ своей *„ахиллесовой пяты“*, отъ своего *„больного мѣста“*, растравляемаго сто лѣтъ сряду заграничными ея врагами и завистниками.

Покончивъ у себя дома съ польскимъ вопросомъ, Россія будетъ дѣйствительно управляться *„политикою свободныхъ рукъ“*, ибо тогда только получитъ полную свободу дѣйствія по отношенію къ ближайшимъ своимъ сосѣдямъ и ближайшимъ своимъ врагамъ.

Россія на исходѣ XIX вѣка, съ уничтоженіемъ въ ней крѣпостного права, съ ея земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ, съ ея гласными судами и гуманными коренными законами, съ ея громадными, почти нетронутыми матеріальными богатствами, является въ Европѣ *единственною* страною, изъ которой нѣтъ надобности бѣжать въ Америку, какъ это дѣлаютъ ежегодно огромными массами нѣмцы, покидая свой возлюбленный *„Vaterland“* съ его конституціею и автономіею, съ его всемірною наѣздническою славою, добытою подъ Садовою и Седаномъ цѣною *„крови* и *желѣза“*.

Иностранцы, а особенно нѣмцы, наперерывъ другъ предъ другомъ бранятъ, по привычкѣ, Россію и ея порядки, но, несмотря на то, ищутъ чести записаться въ подданство Россіи, о чемъ поступили въ министерство

внутреннихъ дѣлъ сотни-тысячъ ходатайствъ отъ иностранцевъ.

Поляки, получивъ отъ Россіи законное и справедливое удовлетвореніе въ дѣлѣ своей старой исторической народности, а вмѣстѣ съ симъ, и полную гражданскую равноправность съ русскими, вступятъ сознательно въ эпоху новой для себя жизни, займутся серьезнымъ трудомъ, и вкладомъ своего ума и знанія въ пользу общаго съ русскимъ народомъ политическаго центра — Россіи.

Если въ Австріи поляки могутъ трудиться и работать для пользы и выгодъ чужого полу-нѣмецкаго государства, то тѣмъ болѣе необходимо и достойно полякамъ въ Россіи трудиться и работать для пользы и выгодъ своего соплеменнаго славянскаго центра—Россіи.

„*Праздность—мать всѣхъ пороковъ*", — сентенцію эту мы запомнили твердо изъ дѣтскихъ прописей и приходимъ къ тому заключенію, что народность неудовлетворенная въ природныхъ правахъ своихъ, народность праздная и прозябающая безъ видимой цѣли въ будущемъ, — есть самый опасный государственный элементъ.

Поляки праздные и безъ дѣла, какъ мертвые члены общества, были бы всегда легко воспламеняющимся революціоннымъ матеріаломъ въ Россіи, и всегда готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Россіи, ибо такимъ людямъ— нечего терять и не объ чемъ жалѣть; поляки-граждане, для собственныхъ интересовъ, будутъ содѣйствовать укрѣпленію единства и силы Имперіи, какъ дѣйствительно живые члены общества и государства, что вполнѣ согласно съ новѣйшими понятіями о правильномъ устройствѣ государствъ на прочныхъ основаніяхъ и незыблемыхъ началахъ.

Искреннее сближеніе разрозненныхъ нѣмецкою интригою поляковъ и русскихъ сослужитъ добрую службу славянскому міру, нуждающемуся болѣе всего въ племенной солидарности и взаимности. Совершившійся фактъ заключенія русско-польскаго народнаго союза осуществитъ историческую задачу поляковъ, о которой они напрасно хло-

потали въ 1600 году, выражаясь словами главы польскаго посольства, канцлера Великаго Княжества Литовскаго Льва Сапѣги, что поляки „*искони*“ желали жить съ русскимъ народомъ въ *согласіи, любви* и *единствѣ* на вѣчныя времена, какъ люди себѣ близкіе по языку и племени.

Въ дополненіе вышесказаннаго, дѣлаемъ выписку изъ С.-Петербургскаго „Русско-славянскаго календаря на 1890 годъ“ (стр. 130):

„Величайшій славянскій воитель и гражданинъ, польскій король Янъ III Собѣсскій, глубоко сознавая пользу и необходимость единенія славянъ, особенно послѣ побѣды, одержанной надъ огромною турецкою арміею, отъ которой погибла Вѣна въ 1683 году, рѣшилъ во что бы ни стало склонить русскихъ царей Іоанна V и Петра I къ вѣчному миру и союзу съ Польшей для освобожденія христіанства отъ турокъ и татаръ, для возстановленія свободы славянъ и грековъ, и освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Съ этою цѣлью Янъ Собѣсскій снарядилъ къ нимъ въ 1686 году, на собственныя средства, *великое посольство*“. Посолъ короля польскаго Яна III, князь Огинскій, произнесъ въ Москвѣ предъ государями знаменательную по своему содержанію рѣчь, которая составляетъ драгоцѣнный историческій памятникъ польско-русскихъ отношеній при концѣ XVII вѣка. Польская исторія богата попытками русско-польскаго союза, но нѣмецкіе историки и ихъ послѣдователи, враждебно относящіеся къ славянамъ, всегда съ предвзятою цѣлью умалчивали объ этихъ фактахъ. О посольствахъ Льва Сапѣги въ 1600 году и князя Огинскаго въ 1686 году историки не упоминаютъ. С.-Петербургское славянское благотворительное общество дополнило этотъ пробѣлъ въ своемъ „Русско-славянскомъ календарѣ на 1890 годъ“ и этимъ сослужило добрую службу славянскому дѣлу.—Полякъ, профессоръ А. Павивскій, разработалъ исторію посольства князя Огинскаго.

Искреннее и сознательное сближеніе славянскихъ народовъ при концѣ XIX вѣка, въ эпохѣ образованія въ

Европѣ народныхъ и племенныхъ группъ, было бы нормальнымъ явленіемъ и положило бы прочное основаніе внутреннему и внѣшнему миру въ Европѣ; оно установило бы политическое равновѣсіе и повліяло бы на общественную жизнь славянъ, на ихъ культуру и цивилизацію, которой пора заявить себя передъ образованными народами Запада, долго считавшими славянъ полу-варварами.

Русско-польскій народный союзъ, и истекающій изъ онаго *modus vivendi* между поляками и русскими, можетъ быть образцомъ для соглашенія между собою всѣхъ юго-западныхъ славянъ, безразлично—самостоятельныхъ и свободныхъ, или же зависимыхъ отъ другой политической власти.

Какъ ни заманчива мечта о свободной и независимой Польшѣ, но она останется только мечтою до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Пруссія, образовавшаяся отчасти изъ польскихъ земель: Нижней Вислы, Познани и Силезіи, какъ это вѣрно кн. Бисмаркъ разъяснилъ въ 1854 году прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV. Безъ возврата прусскихъ захватовъ, Польша, какъ самостоятельное государство, „*немыслима!*“ Въ современной намъ эпохѣ милитаризма, малыя и слабыя самостоятельныя королевства не имѣютъ своего „*raison d'être*“. Существованіе ихъ — фиктивное, кто хочетъ, ворочаетъ ими и ихъ судьбою для собственной своей выгоды и пользы, несмотря даже на самыя выгодныя географическія границы такихъ самостоятельныхъ маленькихъ государствъ. Что же говорить о бисмарковской Польшѣ, если бы ее, какъ „*deus ex machina*“, и на зло Россіи выдумалъ Бисмаркъ, безъ всякихъ удобныхъ географическихъ границъ?.. Прежде всего, мы должны сказать, что поляки отъ тевтоновъ никогда ничего и никакихъ земныхъ благъ, а даже „*самостоятельной Польши*“ принимать не могутъ и не должны, на основаніи того вѣкового опыта, который доказалъ полякамъ, что даже тевтонскій хлѣбъ превращался для нихъ въ камень, а всякаго рода тевтонская услуга являлась, со временемъ, хитро-

сплетенною политическою ловушкою, придуманною на погибель поляковъ.

Повторимъ, кстати, сказанное нами въ 19 пунктѣ IV-й главы этой брошюры: въ мартѣ 1863 года уполномоченные прусскаго министра-президента, кн. фонъ-Бисмарка, предлагали представителямъ польскаго революціоннаго правительства возстановленіе и основаніе, при помощи Пруссіи, *„независимаго польскаго государства“*. Члены ржонда не хотѣли даже слышать о подобнаго рода предложеніяхъ и переговоры прекратились.

Конечно, это былъ своего рода прусскій сюрпризъ для Россіи, идущій вслѣдъ за подписаніемъ въ Петербургѣ *„русско-прусской тайной военной конвенціи 27-го января 1863 года“*.

Двадцать лѣтъ спустя, во время самаго сильнаго напряженія отношеній между Австро-Германіею и Россіей, въ періодѣ времени съ 1881 по 1883 годъ, бисмарковскіе герольды, въ лицѣ берлинскихъ и вѣнскихъ публицистовъ, трубили на весь міръ, что никто другой, только одни нѣмцы—возстановятъ Польшу. Поляки опять оказались глухими на это заигрываніе и зазываніе изъ враждебнаго имъ тевтонскаго лагеря, чѣмъ дали тевтонцамъ еще разъ понять, что полякамъ сноснѣе ихъ укоризны, чѣмъ сочувствіе къ настоящему ихъ положенію.

Бисмарковская фиктивная Польша, въ географически неудобныхъ границахъ, была бы готовымъ побоищемъ для будущихъ русско-германскихъ кровавыхъ столкновеній, которыя, быть можетъ, готовитъ неизвѣстное намъ историческое будущее.

Бисмарковская Польша, подъ протекторатомъ Пруссіи, не могла бы, не только жить и развиваться, но даже дышать свободно въ такихъ русско-германскихъ пограничныхъ тискахъ, при которыхъ на каждую статистическую единицу польскаго населенія, считая даже женщинъ, стариковъ и дѣтей, приходилось бы по нѣскольку вооружен-

ныхъ съ ногъ до головы сосѣднихъ солдатъ, которыхъ числится болѣе восьми милліоновъ, считая резервы и запасъ.

Отъ бисмарковской Польши, какъ отъ передового восточнаго поста Германіи, требовалось бы обязательно постоянное враждебное настроеніе поляковъ къ Россіи и къ русскому народу, что̀, конечно, любезно тевтонской, традиціонной анти-славянской политикѣ, но противно природному чувству поляковъ и ихъ историческимъ идеаламъ.

Нѣтъ!.. Не нужна полякамъ бисмарковская фиктивно-самостоятельная и фиктивно-независимая Польша!

Гораздо лучше и выгоднѣе полякамъ опереться на славянскую Россію, разсчитавшую нѣмецкую политику съ ея „*denationalisiren*“ по отношенію къ полякамъ, гораздо удобнѣе имъ опереться на русско-польскій народный союзъ.

Лучше быть, частицею великаго цѣлаго, нежели слабою и безсильною самостоятельною маленькою единицею.

Въ единствѣ и согласіи всѣхъ славянъ лежитъ сила каждаго отдѣльнаго славянскаго племени и могущество цѣлой славянской рассы и группы.

Русско-польскій народный союзъ предоставитъ эту силу полякамъ всѣхъ трехъ сосѣднихъ державъ, раздѣлившихъ между собою Польшу.

Поляки, при русско-польскомъ союзѣ, сохраняя свою національную особенность и свою духовную связь съ Западомъ и его цивилизаціею, на Востокѣ найдутъ посредствомъ патроната Россіи и опоры на ея могуществѣ, политическую связь съ цѣлымъ славянскимъ міромъ и съ будущими его судьбами.

Отъ этихъ будущихъ, пока невѣдомыхъ судебъ славянства будетъ зависѣть образованіе общеславянскаго союза, подъ главенствомъ Россіи, если она останется вѣрною славянской своей миссіи.

Проектируемый нами русско-польскій союзъ можетъ принести сразу слѣдующіе благотворные плоды и результаты, а именно:

1) отниметъ у западныхъ державъ всегда готовое у нихъ орудіе противъ Россіи, въ наболѣвшемъ у нея *„польскомъ вопросѣ“*, которымъ Европа въ теченіе ста лѣтъ около тридцати разъ безпокоила Россію;

2) положительно сблизитъ русскихъ съ поляками, разрозненныхъ историческою нѣмецкою интригою;

3) можетъ дать Россіи полную возможность правильно развиваться въ лучшемъ народно-историческомъ значеніи этого слова;

4) можетъ снять преграду, мѣшающую до сихъ поръ остальнымъ славянамъ искренно сблизиться съ Россіей;

5) составитъ новую эпоху въ исторіи славянъ, и наконецъ

6) возстановитъ любезную полякамъ ихъ историческую идею: *„братства народовъ“*.

Русско-польскій союзъ, кромѣ того, укажетъ міру, что̀ лучше и благодѣтельнѣе для человѣчества: тевтонская-ли политика *„крови* и *желѣза“* или славянская идея: *„братства народовъ?“*...

Великій геній Пушкина, по словамъ В. Д. Спасовича, скорбѣлъ о борьбѣ между поляками и русскими и считалъ ее однимъ изъ эпизодовъ той вѣковой семейной вражды, которая кончится когда-нибудь исцѣленіемъ ранъ—примиреніемъ.

Желая этого конца, мы надѣемся, что русское дворянство, какъ исторически выработанное передовое сословіе лучшихъ людей въ Россіи, — сословіе, составляющее естественнымъ образомъ историческую опору власти, а равно умственную и нравственную силу народа, въ случаѣ надобности, выразитъ положительно и ясно свои убѣжденія по вопросу о русско-польскомъ союзѣ и этимъ безспорно сослужитъ лучшую службу Россіи и славянству.

Благому примѣру русскаго дворянства послѣдуютъ, безъ сомнѣнія, всѣ остальныя сословія русскаго народа.

С.-Петербургъ.
1890 года, 26 февраля (2 марта).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
Глава I.	Начало и причины паденія Польши	1
Глава II.	Вліяніе политики Людовика XV на судьбу Польши.	45
Глава III.	Поляки послѣ паденія Польши	71
Глава IV.	Историческія прусско-русскія отношенія съ начала XVI-го вѣка до нашихъ дней	85
Глава V.	Вѣковое господство нѣмецкой политики въ Россіи, по отношенію къ Польшѣ и къ полякамъ . .	123
Глава VI.	Историческія отношенія поляковъ къ русскимъ . .	139
Глава VII.	Попытки польско-русскаго примиренія.	153
Глава VIII.	Политическая необходимость сближенія между собою славянъ	165
Глава IX.	Русско-польскій союзъ	181

HC

Цѣна 1 руб. 80 коп. съ пересылкой 2 руб.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича,
Спб. Вас. Остр., 5 л., 28.